

Журнал краеведов Приангарья

№ 3' 2017

Учредитель и издатель

Редколлегия:

Председатель Н. П. Николаев,
Председатель комитета
Государственной Думы
Федерального Собрания
Российской Федерации
по природным ресурсам,
собственности
и земельным отношениям

С. Гольдфарб
(заместитель председателя),
д. и. н., профессор Иркутского
государственного университета,
член общественной палаты
г. Иркутска

А. Петров
(ответственный секретарь),
помощник депутата
Государственной Думы РФ

А. Елизарьев,
главный редактор
еженедельника «СМ №1»

Ю. Зуляр,
д. и. н., профессор

В. Шахеров,
д. и. н., профессор

М. Синчурина,
к. п. н., доцент факультета
сервиса и рекламы
Иркутского государственного
университета

Редактор-составитель
С. Гольдфарб

№ 3' 2017
Содержание

ЗАЛАРИНСКАЯ ИСТОРИЯ

ИСТОРИЧЕСКИЙ СЮЖЕТ

Г. Н. Макогон
Документы рассказывают 3

ИСТОРИЯ СОВРЕМЕННОСТИ

Д. А. Салацкая
Арт-пленэр как вид деятельности
частного музея 33
Эбигейл Томсон
Год в России 37

ИСТОРИЧЕСКИЙ ПРОФИЛЬ

С. Гольдфарб
А. Д. Горемыкин:
«...Либо в генерал-губернаторы,
либо в Стеньки Разины!...» 40
М. Меерович
Деревянное наследие архитектуры
г. Иркутска — уникальная историко-культурная
и художественная ценность 63

НА СЕВЕРНЫХ РУБЕЖАХ

С. Русин
Дух солнца 98
Кривой коготь медведицы 102

БРАТСКАЯ ИСТОРИЯ

Исторический сюжет

Е. Савицкая
Сибирская родная сторона.
Жизнь как подвиг 104
Любовь к общественному благу
(сын Бестужева и его деятельность
в области просвещения) 105
Павел Александрович Бестужев 110
К вопросу о биографии и деятельности Бестужева 117

ИРКУТСКАЯ ИСТОРИЯ

Исторический сюжет

В. П. Шахеров
Иркутское отделение государственного банка
в период декабрьских боев 1917 г. в Иркутске 127

Галина Николаевна Макогон,
директор Заларинского районного
краеведческого музея

ДОКУМЕНТЫ РАССКАЗЫВАЮТ...

Вглядываясь в прошлое, затянутое темным занавесом забвения, воспроизвести его непросто. Но понять дух времени, почувствовать ритм и настрой общественной жизни, вдруг среди общих фраз нечаянно наткнуться на родную фамилию и думать о том, как же жилось этому родному человеку в том времени, — все-таки можно.

Логотип юбилейного праздника — 85-летия района — включил в себя очертания Заларинского района с цветными обозначениями сельских административных образований. Память людей, живущих в этих «цветных кусочках» (читайте: в разных уголках района), помнит крупные и важные события, а жизнь — вот она, у каждого из нас соткана из дома и улиц, погоды и семьи в разных поколениях, друзей и работы, государственных законов и отдыха. Об этом в прошлом пересказать не может нам старожил. Зато поведать об этом могут документы, сохраненные работниками архивов и имеющиеся у людей на руках, и самое главное — не пылящиеся в паутинных углах, а донесенные до общественности после внимательного изучения.

Работа, представленная мною в данной книге в свете юбилейной даты района, имеет цель на основе сохраненных, найденных и изданных документов познакомить население с основными этапами истории района и дать возможность хотя бы силуэтно представить сложный и нелегкий путь, которым прошла заларинская общественность на заларинской земле.

Какой бы этап в жизни района мы ни взяли, всякий из них нелегок и давался он нашему народу с трудом, а то и со слезами, болью, трагическими потерями.

Начнем путешествие во времени с 1920-х годов.

Это была остановка после изнурительных Русско-Японской, I Мировой Империалистической и гражданской войн. Война всегда требовала «пушечное мясо». Таковым был крестьянин — мужик со всех уголков огромной страны. Именно эта социальная прослойка составляла основное население 7 волостей — Заларинской, Дмитриевской, Тыретской, Холмоградской, Ново-Черемховской, Тагнинской, Хор-Тагнинской, образовавших основную часть Заларинского района в 1926 г. Еще 6 волостей — Алятская (деревни Каратаево и Шангино), Голуметская (Мойганский выселок, ставший деревней), Жербаковская (Корсунгайский улус), Зонская (дер. Ремезовск), Унгинская и Шалотская отдали частично свои территории с населением району к моменту его образования накануне 1926 г. До революции в Заларинскую волость входила Головинская казачья станица, отошедшая в советское время к Кутуликской волости. Хор-Тагнинская волость существовала всего два года, потом ее территория отошла к Тагнинской волости.

Существовали на границах территории окраины, которые входили и выходили из района, например, Семеновский и Маниловский участки. Границы Заларинского района и их отделение — вопрос сложный и большой. Он требует отдельного самостоятельного исследования. Первыми работами по этой теме можно считать труды краеведа Анатолия Смирнова в 1990-е годы и начальника архивного отдела муниципального казенного учреждения «Администрация муниципального образования Заларинский район» Валентины Гусаровой в 2000-е. Стоит только, пожалуй, отметить, что от территории также отделялись земли, образовавшие Тыретский (с 07.02.1945 г. по 17.04.1959 г.)

и Тагнинский (с 28.06.1926 г. по 20.07.1930 г.) районы, которые позже в Заларинский район вернулись.

По переписи 1920 г. общее население будущего района составило 37 671 человек.

В 1910-е годы к чалдонскому, или старожильческому, населению добавились переселенцы по Столыпинской аграрной реформе. Вышеназванная цифра (она примерная, т. к. при переписи не вошли данные по Тыретскому, Хор-Тагнинскому и Бабагайскому сельсоветам) сложилась накануне образования района из старожилков и столыпинских переселенцев. Населенные пункты представили систему из 7 сел, 14 деревень, 102 старожильческих заимок, 63 переселенческих пунктов и 33 хуторов и отрубков.

«БЪЕМ ЗОРЮ...»

(20-е годы. История района в первые годы его образования)

Новой молодой власти на этом населенном участке после разрушительного десятилетия предстояло отладить, прежде всего, новую административную систему.

Кто был в руководстве волостной власти, превратившейся в районную? Какой была структура руководства нашего района у самого истока?

Что было главным в деятельности властей?

Благодаря начальнику архивного отдела Заларинской районной администрации В. И. Гусаровой, которая привела в порядок архив района и не раз доводила информацию об интересных и ценных документах до заларинской общественности, была сохранена ценная книга 1924–1925 гг. «Приказы Заларинского ВИКа и РИКа». На поставленные вопросы о «младенческом» состоянии района эти архивные документы и отвечают. Давно был обнародован факт, что первым председателем Заларинского Волисполкома при Советской власти был местный крестьянин, член РСДРП, прошедший через русско-германский фронт, Васильев Георгий

Георгиевич. В июне 1921 г. в Залари вошли белочехи и первый представитель Советской власти был расстрелян.

Любопытным фактом, основанным на документах, является то, что наша территория дважды обретала статус района. Приказ № 128 от 21.10.1924 г. гласит: «С 21 октября Заларинскому волисполкому присвоить наименование Заларинский районный исполнительный комитет совета рабочих, крестьян и депутатов. Членами РИКа являются: Градинарь Василий Матвеевич, Марьясов Михаил Васильевич, Болдаков Ефим Прокопьевич, Ленденёв, Ларионов Афанасий».

Как часто бывает в нашей стране, «что-то не пошло» с этим приказом. 08.12.1924 г. приказ № 29 отменил существование района: «Приказ по Заларинскому РИКу от 21.10.1924 г. № 128 отменяется, считать наименование прежнее Заларинский ВИК. Основание: протокол заседания Президиума Зиминского УИКа».

Заларинский район просуществовал на свете 48 дней.

Дата окончательного, уже второго по счету, решения, точнее, постановления ВЦИКа об образовании Заларинского района известна всем заларинцам — это 28 июня 1926 г. Решением же народа с 1980-х годов эта дата назначена Днем рождения Заларинского района, а также и Днем села Залари, т. к. это село было назначено районным центром. Вначале дни села стали широко отмечать на пустыре между стадионом ДСО «Урожай» и центральной дорогой. С началом 2000-х народные гуляния по этому поводу переселились на площадку стадиона. 85-летний юбилей района вышел за границы стадиона на площадь перед Домом детского творчества. Эти торжества собирают тысячи людей, причем многие приезжают из других мест.

Но вернемся к истории.

В годы формирования района как административной территориальной единицы Иркутской губернии в 1924–1925 гг. председателем ВИКа был Градинарь Василий Матвеевич, его постоянным замести-

телем — Балашов Александр Иванович, который два года замещал председателя, и фактически район был в его руках. Кто они, откуда, как выглядели, имели или нет семьи, как сложились их жизни в дальнейшем — об этом ничего неизвестно. Можно предположить, что они были назначены Зиминским уездным комитетом (вышестоящий орган над волостью), т. к. по документам видно, что «назначенцев» из города Зимы в заларинском активе руководства много.

Фамилия Балашова в документах по истории и списках старожилов и переселенцев не просматривается, он не местный, не заларинский. И. о. председателя ВИКа Балашов А. И. много выезжает: в декабре 1924 г. — 8 раз, за 1925 г. — 27 раз. Основные пункты его поездок — город Зима, реке Иркутск и Ново-Николаевск. Он ездит в Зиминский Уездный комитет, сопровождает призывников для несения воинской повинности, ездит на Пленумы, а также получать зарплату для служащих.

В его функции входит работа политического характера: дважды он выезжает в Бажирский и Тыретский сельсоветы для конфискации имущества у священников и белобандитов (приказы № 123 от 03.11.1925 г. и № 126 от 11.11.1925 г.). При этом нет ни слова об участии в этом процессе волостной милиции.

20-е годы — времена беспокойные. Зная, что из Зимы везут на поезде зарплату, некий К. Замашиков попытался отбить деньги. Не исключено, что это было нападение на председателя ВИКа. Вооруженное сопротивление сторонников старого строя было сломлено, однако Замашиков беспокоил власти своими действиями: он продержался в Иркутской губернии дольше всех благодаря родству, связям, помощи крестьян-середняков, страху, который он нагнал на крестьян; благодаря своей энергии, упрямому духу, хорошим знаниям тайги и округи. Его буйный нрав трудно было укротить. Он продолжал совершать вооруженные налеты в Кутуликской, Заларинской, Голуметской, Черемховской

волостях, время от времени заглядывая во многие заимки и деревни. Дело дошло до вызова особо экстренного эскадрона ОГПУ Петра Ефимовича Щетинкина из Ново-Николаевска. Местная милиция ничего не могла поделывать. Скупые архивные строчки называют имя первого начальника Заларинской милиции — им был волостной некий Силютин (также малоговорящая для местных фамилия).

В 20-е годы эта должность была связана с риском для жизни в чрезвычайной обстановке того тревожного времени. Однако Силютин не вошел в местную историю ничем, кроме двух приказов об отпуске (приказ № 8, 19.08) и отбытии его на съезд уездной милиции в гор. Зиму (приказ № 126, 11.11). В то же время хорошо знающие местную историю 1920-х годов не раз упоминают фамилию Федора Рахлянского — начальника милиции Кутуликской волости, человека отчаянно смелого, активного и предприимчивого в наведении порядка на территории своей и соседней, т. е. нашей, волостей. Также в состав волостной милиции входили младший (Муратов Иван) и старший милиционер (Карягин).

Среди немногочисленных приказов о милиции (их всего 8 за 2 года) привлекают внимание несколько. Приказ № 108 (30.09.25 г.): «Присланного Зиминской милицией агента розыскстола товарища Александрова П. П. зачислить в штат ВИКа на должность младшего милиционера». Он же, агент Александров, приказом № 124 (01.11.25 г.) убывает в служебную командировку по району. 08.10.25 г. он уже прибывает с таковой, а приказом № 114 от 09.10.25 г. старший милиционер Карягин (а мы еще додумаем: вместе с Александровым П. П.) сопровождает арестованных в Зиму. Что за поездка агента УГРО в районе? Арестованных везут в Зиму из Заларей после поездки чекиста? Видимо, это связано с поимкой людей, имеющих отношение к банде Замашикова и к нему самому. Еще один аргумент в пользу догадки: в декабре 1925 года (через два месяца этого

же года!) банда была взята. Доказать (или опровергнуть) содержание этой поездки можно было бы по рапортам Александрова, если бы их можно было найти в архивах внутренних дел Иркутской области.

Если в Заларинской милиции работает 3 человека, то в Заларинском врачебном пункте — 8 человек. Это: завхоз Порошин (или Породик) Василий, акушерка Сухих Е. А. из Холмогоря, лекарский помощник Смирнов, Мезенцев Денис, прачка Михайлишина Е., кухарка Горбачева, сиделка Кульчицкая Лидия, ее меняет Белявская, ту — Московских Валентина, сторожем был Халберов. При Заларинском врачебном участке имеется фельдшерский пункт в с. Тыреть. Его заведующий — Барабанов, сменивший Миркину, здесь же имеется акушерка (фамилии не названо). Всем этим штатом командует заведующий врачебным пунктом врач Урман Борис Давыдович.

В книге приказов неоднократно называются люди, не вышедшие на работу как «заболевшие инфлюенцией», находящиеся «на излечении зубов», «в виду заболевания детей задавной болезнью и наложения карантина на квартиру» (приказы № 156, № 159 28.12.24 г.). Основанием для отпуска по болезни является «справка зав. Заларинского врача лечебного пункта Урмана». Урман часто выезжает в Зиму и в Иркутск «за приобретением медикаментов» (7 раз), и дважды едет Барабанов. 11 ноября 1925 года Урман участвует в съезде участковых врачей в Иркутске, а 24 ноября он выезжает на Всесоюзный съезд участковых врачей в Москву. Жена Урмана работает врачом «по женской части». В 1928 г. Урман открыл в Заларях первую больницу. Было бы хорошо, если бы отозвались читатели, знающие что-либо дополнительно об этой первой семье врачей в Заларях, особенно об их дальнейшей судьбе. Было бы прекрасно, если бы нашлись дети, внуки, правнуки этой семьи и поделились фотофондом, воспоминаниями семьи о заларинском периоде их жизни.

Вслед за лечебным делом на первых

позициях любого общественного уклада было просвещение.

Если дошкольных учреждений в районе на первых порах не существует, а «народных домов» всего 3, это свидетельствует, что данная система также была не отработана. «Народными домами» люди называли места сбора населения (испокон веков существует хорошее название этих сборов — сходы) для решения общественных вопросов. Тут же невольно от проблем общества население переходило к праздничному общению, обсуждались новые браки, рождения детей. Молодое общество стремилось к начальному образованию, даже бородатые мужи усаживались за учебники. Любопытно, что в двух селах — в Холмогорье и Заларях работали «ликпункты» (ликвидация безграмотности). Инструктор Холмогорского ликпункта Е. Мыльникова в 1925 г. была сокращена с должности, а в Залари направлена Зиминским УИКом Шлейфан М. А. В фондах музея есть любопытное фото 1930-х гг., переданное дарителем Г. П. Агафоновой. Она была направлена в деревню Бажир для ликвидации безграмотности среди взрослого населения. Наверняка они собирались в школах и в «народных домах» или, согласно документам, в «избах-читальнях». В «избах», т. е. домах, собиралась прежде всего молодежь, большинство представителей которой являлись комсомольцами. Они руководствовались наказами Ленина и учились. В основе учения лежали книги. «Избы-читальни» были в первую очередь библиотеками, и общение молодежи, заведующих «избами» приводило к окультуриванию общества. Согласно тем же приказам «избачи» выезжали в Иркутск на двухмесячные обучающие курсы.

Предположения о состоянии «культурного вопроса» на селе подтверждаются воспоминаниями С. С. Коконова, старейшего жителя деревни Мариинск: «В 1925 г. появилась в Бабагае изба-читальня. Там и была организована школа. Мы впервые встретились с настоящим грамотным человеком, Анной Павловной Мазуро-

вой. Днем в школе учили детей, вечером — ликбез для взрослых. В 1930–1931 гг. культпросветработниками был поставлен первый спектакль «Разбитое сердце». Это всколыхнуло людей. У них появился интерес к избе-читальне. В 1927 г. был в деревне первый киносеанс. В мою детскую память врезалось его название — «Дворец и крепость». Кино было немое, но даже такое оно было подобно чуду. В 1940-е годы кино уже показывали в Доме культуры. В клубе не было сидений, и кино смотрели стоя...»

Так потихоньку стиралась грань изначального назначения «читальни» и возникла потребность в культурно-досуговой деятельности «с народными массами». Закономерным было появление Домов культуры. Их еще нет в середине 1920-х годов, но «культурное» общение, особенно среди молодежи, а за ней и в среде населения, не чуждого общественной жизни, уже востребовано. Как следствие этого первые Дома культуры появились в конце 1920-х или в начале

1930-х годов, но документов об их появлении пока не найдено. Зато в документах упоминается интересная должность с политическим дословным уклоном, она — предшественница «заведующих отделом культуры» и звучит в стиле революционных новшеств: «инструктор райполитпросветкома». На 1925 год таковыми являлись Кибальченко и Садова. Что они делают, каков вид их работы — нигде нет даже намека. Есть при молодой власти и «волорганизатор по работе с женщинами» В апреле 1925 г. в этой должности числится Кашарова Мария и она же переведена на работу в Черемхово. Ее заменила Станкевич Анна, сокращенная в октябре. Причина сокращения в приказе не указана.

Исходя из анализа документов, мы видим, что молодое государство старается просвещать, образовывать детей. Школы есть практически во всех больших деревнях, а в селах даже по 2 и 3. Просматривается система школ и преподавательского состава 1924–1925 гг.:

№		Заведующие и учителя	Технические работники
	Бажирская	Попова Анна Ивановна, Бакурова Валентина Марковна	Сторож Екимова Екатерина Ефимовна
	Больше- Карлукская	Учителя: Тирских И. Т., Лорина Д. Д., Падюкин М. И., Шукевич В.	Сторож Дианов Павел
	Больше- Заимская	Учитель Попова Мария Антоновна (назначена Зиминским УИКом)	Сторож Планков Иван Афанасьевич
	Веренская	Зав. школой Комаров Николай (переведен в Зиму), Прошютинская Надежда Николаевна. Учителя: Егунова Капитолина Михайловна, Каспаров, Карганов Николай	
	Заларинская 3-летняя школа		

Заларинская 7-летняя школа (корпус 1)	Зав. Исмаев, Креер М. А. (направлен Зим. УИО). Учителя: Никольская Екатерина Федосеевна, Курсанов Николай Иннокентьевич, Котлевский Петр Илларионович, Серета Тимофей Леонтьевич, Попова Анна Ивановна, Мызгина Антонина Феоктистовна, Ксенофонтов Н.	Сторож Мызгин Николай Михайлович, сторож Мызгина Наталья Михайловна, уборщица Суржикова Павла, сторож Наумова А. Н.
Заларинская татарская школа		Сторожа: Тимченова З., Шафигулина Х.
Каратаевская	Учителя: Егунова Анастасия Трофимовна назначена Зиминским УИНО. С 1924 г. Сивцева А. И., Лохина Ф. П.	
Карлукская	Учителя: Падюкин М. И., Шукевич В., Тирских И. И. с 1925 г.	
Троицкая школа 1 ступени	Учителя: Шукевич В., Лохин Дм. Дм., Горелова Ольга Савельевна (переведена из общ. отдельного Зиминского УНО).	Сторож: Гамберова Мария
Тыретская 4-летняя	Учителя: Петрова Клавдия	Сторож Шиверский Василий
Тыретская сельская	Зав. Попов Николай (уволен в 1925 г.), Смирнова Н. А. (прислана в 1924 г. Зиминским УИНО), Падюкин М. И., Щеглова	
Ханжиновская	Учитель Агофонова Мария Павловна	Сторож Жмуров Илья Николаевич
Холмогойская	Зав. Мыльникова Е. (переведена из Заларинского с/с), учителя: Дубова М., Морозова П. С.	

Процесс школьного обучения в 1924–1925 гг. проходил в Заларинской волости под руководством Зиминского уездного отдела образования. Оттуда часто направлялись молодые учителя. Перечень лиц, работавших при школах района, раскрывает нам дополнительную информацию о некоторых известных у нас людях. Одна из улиц пос. Залари названа именем Героя Социалистического Труда, кавалера двух орденов Ленина Ивана Михайловича Мызгина. Он оказался в Заларях в результате побега из усть-кутской ссылки. Здесь он заметил хрупкую умную девушку Анну Феоктистовну Исмаеву, которая стала его женой. Семья работала при школе: она — молодая учительница, сторожем

школы в 1924 г. был брат Ивана — Николай. 01.04.1925 г. он подал «заявление об увольнении со службы за выездом в Россию», а заменила его сестра Наталья. В Заларях собралась вся семья И. М. Мызгина. По метрической книге Заларинской Никольской церкви был в Заларях и отец Ивана, Николая и Натальи — Михаил, вероятно, он похоронен на приходском кладбище, на котором ныне пустырь «Парка Победы». Можно продолжить рассказы об учителях Е. Ф. Никольской, Н. И. Курсанове, В. Шукевич, Е. Мыльниковой и др. Оставим эту тему для исследователей-педагогов, организовавших Музей просвещения при РОНО в пос. Залари.

Финотдел Заларинского ВИКа и РИКа

вел работу с казенными деньгами. Вот некоторые сведения о работниках:

29.10.1924 г. (приказ № 134) «счетовод Ольховский Иван Николаевич для пользы делу переведен в прием сумм сельхозналога в Холмогойский сельсовет»;

29.10.1924 г. «уполномоченный по взысканию сельхозналогов Марьясов убыл в Холмогой», приказом № 60 «убыл Балдаков в Тыретский сельсовет» для этих же работ.

Финотделом сформирован «пункт по приему сумм поступлений от сельхозналогов». Руководил им сотрудник Зиминского УФО Нагорнов Н. И, счетоводом был Пышко В. И. Деньги для зарплат и содержания аппарата в Уфинотделе получает секретарь Коновалов Илья (приказы № 90 от 27.08.1924 г., № 74 от 22.07.25 г). Счетовод Гладких Иван Константинович убывает в Зиму с финпланом на 1925–1926 бюджетные года.

При РИКе работает агроучасток. Агрономом участка является Лукин Алексей Павлович. Возможно, агроучасток действует под руководством отдела «земстол» (делопроизводитель Плеханов А.) 30.07.1925 г. из Зимы командирован Смирнов А. А. на должность землеустроителя. Видимо, земельные вопросы требуют пристального внимания: в одном из приказов проскользнула информация о сдаче сведений в Зиму о разукрупнении волостей, что вело к постоянному уточнению земельных границ. Приказом 149 член ВИКа Балашов уезжает в Ново-Черемхово для организации земельных вопросов.

Следующий отдел Заларинского РИКа — Военный отдел. Его председатель — Московских П., делопроизводителем этого отдела является Рудаков Алексей В. Отделу было назначено привлечь к воинской повинности призывников территории 1903 года рождения. 10.10.1925 г. призывников сопровождают в уездный военкомат города Зимы.

Как в любом организованном обществе имеются торговые точки для удовлетворения нужд населения, так и в земле-

дельческом селе Залари 1924–1925 годов имелся свой базар. Базарный староста Рамазан Габидулин подотчетен в своей деятельности РИКу. 11 апреля 1925 г. он выезжает в Зиму отремонтировать весы, клеймит мясо, предназначенное для продажи.

РИКу подчинена еще одна организация сельскохозяйственного направления — бойня. В этом месте забивали скот для нужд населения. Бойня передавалась в аренду. Сторожем бойни являлся Солдатов Иван. Лет шесть тому назад в администрацию района обратился за любой информацией о Солдатовых потомок этой семьи. Обнаружилась достаточно насыщенная фактами семейная история. К сожалению, в администрации потеряли адрес коллегии какого-то министерства, и теперь отработанная по Заларинскому району родословная лежит без востребования.

Следующий отдел назывался в духе того времени — «отдел советского строительства». Так, по приказу № 27 от 11.04.25 г. уехал в командировку делопроизводитель Ольшевский для «муниципализирования строений и учета имущества». 22 апреля он повторяет эту поездку. Идет учет строений в районе.

КРЕСТ-НАКРЕСТ...

(30-е годы. Репрессии жителей Заларинского района)

Есть в нашей истории — страны, Сибири, Заларинского района, любой деревни — тема, которая крест-накрест связана с дореволюционным и сегодняшним временем. С судьбами людей тех периодов. Это тема политических репрессий 1930-х гг. Конечно, были аресты по политическим мотивам и в 1920-е, и 1940-е годы.

Так, в 1929 г. арестовали Степана Яковлевича Замашикова 1870 г. р. Оно и понятно: одна фамилия была на слуху отрицательно значимой по тем временам, а ведь арестованный был отцом известного главаря вооруженного бандформирования Кости Замашикова, продержавшегося из всех повстанцев, не согласных с молодой Советской властью, дольше всех по

Иркутской губернии — до декабря 1925 г. Расследование противоправных действий банды Замашикова на территории наших и соседних районов у работников милиции составляло тома уголовных дел. Еще до 1960-х гг. они находились в архиве РОВД, потом их, видимо, передали в архивы области, и отыскать их пока нет возможности. Существуют косвенные свидетельства того, что часть архивов была сожжена в кочегарках милиции. (Кстати, уничтожение архивов — беда многих учреждений). Однозначно, анализ этих документов дал бы достоверную картину тех лет. Фамилия Замашиковых чалдонского происхождения. Старожилы-чалдоны, пришедшие в наши места с севера губернии на их освоение, обосновавшие деревни, закрепившие экономическое положение своих семей на начало XX века и имевшие наемную силу, являлись к приходу советской власти крестьянами-кулаками. Многие старожильческие семьи заключали между собой браки, и, учитывая многодетность крестьянских семей, можно сказать, что заларинское старожильческое общество состояло из сродненных семей и являлось единым и монолитным. Понятно, что оно объединилось в защите частных интересов при переделе власти в 1920-е гг. Со всем недавно жительницей села Олонки, нашей землячкой, был передан уникальный документ — список напавших на Тагну в 1921 г. вооруженных людей из села Троицк. В отряде числились Алексеевы, Замашиков, Переваловы, Савельев.

Память местных семей сохранила информацию о том, что часть банды после поимки Кости Замашикова в декабре 1925 г. рассыпалась, избегая расправы властей. Часть заларинцев, состоявших в родстве с Замашиковым и поддерживавших его, предупрежденная о возможности ареста, бежала в Манчжурию. Конечно, семьи людей, причастных к делу Замашикова, были одними из первых, кто попал под молот новой власти. Под политическую статью 58 попали две женщины семей купцов Курсановых и Швеца, представители заларинского духовенства:

священники Блохинцев, Клименко, Харавинкин.

Расправа дошла до крестьян деревень, где особенно активно проходила защита частной собственности. Репрессировано 30 человек из села Троицка, 38 человек из села Тырети, 31 человек из села Тагны, по 14 человек в дер. Холмогой и Сорты, в дер. Петухово — 11 человек, в дер. Веренки — 10 человек, в дер. Каменная Речка — 9 человек, в дер. Заблагара — 7 человек, в селе Залари — 122 человека. В среднем на каждый населенный пункт района (учтено 97 деревень) приходится 5 человек репрессированных.

В основе цифр и фактов, приводимых мной выше, лежит документальный источник, донесший до людей точную информацию о родных и знакомых вместо туманных шепотков о случившемся. Это «Книги жертв политических репрессий в Иркутской области», издание которых было предпринято в 2000 г. областной администрацией, возглавляемой Б. Говориным. У этого издания есть огромные достоинства и недостатки. Достоинством явилось доведение до сведения прежде всего родных, находящихся в неведении, о датах арестов, судов, формах наказания. Самым главным является номер дела репрессированного, где собраны все формальные документы по аресту и приговору. Дела эти хранятся в архиве ФСБ гор. Иркутска, и при заявлении родных об ознакомлении с ними необходимо назвать номер дела. Тот, кто возьмет в руки «дела» своих репрессированных родственников, узнает много деталей и испытает потрясение. Недостатком издания явились частые искажения и неточности в информации о репрессированном, а также незавершенность списка — были изданы книги с фамилиями от «А» до «С». Продолжения от авторов издания не последовало. Зато в 2004 г. грандиозный труд по огласке скрываемой государством от народа правды нашел продолжение в «Книге Памяти жертв», в которой были напечатаны фамилии репрессированных иркутян, в т. ч. и заларинцев, как продолжение списка фамилий от «С» до «Я». Это продолжение было издано на личные деньги, а точнее на пен-

сию жителя гор. Иркутска Рево Сафронова. Большие силы и много времени автор издания отдал исследованию темы сталинских репрессий в Иркутской области. Его дед Чемезов Иннокентий, отец его матери, репрессированный и расстрелянный в 1938 г., был уроженцем пос. Залари.

С помощью названных изданий и был восстановлен список репрессированных заларинцев.

Официальный список репрессированных состоял из 523 человек. В него вошли жители района, а также уроженцы района, выехавшие за его пределы: 23 женщины и 499 мужчин.

По национальному составу список репрессированных заларинцев включил:

буряты — 17 человек;
китайцы — 4 человека;
литовцы — 5 человек;
поляки — 11 человек;
русские — 431 человек;
татары — 17 человек;
украинцы — 1 человек.

Возрастной ценз арестованных составил:

до 30 лет — 90 человек;
от 30 до 50 лет — 319 человек;
от 50 до 70 лет — 140 человек;
старше 70 лет — 2 человека;
возраст не указан — 5 человек.

По образованию арестованные составили группы:

с высшим образованием — 4 человека;
со средним — 17 человек;
со средним специальным — 3 человека;
с неполным средним — 24 человека;
малограмотные — 136 человек;
безграмотные — 28 человек;
нет данных об образовании — 303 человека.

Репрессированные по роду своей деятельности.

Руководящий состав района:

председатель райисполкома —

Лобанцев Тимофей Прокопьевич;

и. о. председателя райисполкома — Сергеев Иван Абрамович;

зам. председателя райисполкома — Конев Яков Иванович;

секретари райисполкома — 2 человека: Жанов Садык Зарипович (пос. Залари), Сухарев Алексей Иванович (пос. Куйтун);

прораб-строитель райисполкома — Шкицкий Георгий Нестерович.

Руководители районных, трудовых коллективов:

директора заводов — 2 человека: Быков Николай Кузьмич (Делюрский алебастровый завод), Радзиевский Александр Антонович (Троицкий спиртовой завод);

заместитель директора завода — Быстров Матвей Иванович (Делюрский алебастровый завод);

заведующий районным отделом образования — Камышлов (написано: Камышов) Георгий Степанович;

заведующие районным финансовым отделом — 2 человека: Дунаев Илья Александрович, Иванов Максим Феофанович;

заведующий торговым отделом райпотребсоюза — Шульга Кузьма Архипович;

заведующий районной сберкассой — Ланкин Николай Михайлович;

заведующий радиоузлом — Медведев Николай Ефремович (уроженец с. Тыреть, проживал в пос. Нукутский);

заведующий аптекой — Лузин Николай Тимофеевич (уроженец с. Залари, арестован по месту жительства в гор. Тулуне);

заведующие конторами — 2 человека: Лошаков Егор Мартемьянович («Сельхозснаб»), Манин Петр Александрович («Заготзерно»);

заведующий метеостанцией — Хунданов Аполлон Прокопьевич;

заведующий заезжим домом; заведующий детдомом — Колесова Прасковья Власьевна;

директор школы — Филюшин Федор Александрович (Холмогойская школа);

заведующий клубом — Романов

Василий Васильевич (уроженец с. Залари, арестован в пос. Мама);

директор леспромхоза — Тураев Григорий Лукич;

начальник отдела милиции — Смолин Иван Григорьевич (арестован в гор. Зиме);

начальник почты — Григорьев Яков Иванович (с. Баклаши Иркутского района);

начальники МТС — Косарев Александр Николаевич (дер. Ханжиново), Таурский Василий Васильевич (с. Сорт);

председатель завкома (профсоюз?) — Мешков Лукьян Васильевич (Делюровский алебастровый завод);

председатели колхозов — 12 человек: Безносков Тимофей Михайлович (колхоз «Свобода», дер. Яндон), Волков Тимофей Иванович (колхоз «Красный пахарь», уч. Алексеевка), Гафаров Андрей Алексеевич (колхоз «Пахарь», с. Сорт), Душин Александр Николаевич (колхоз имени Сталина, дер. Минеева), Звериглазов Матвей Афанасьевич (колхоз «Елань», уч. Мягчинский), Земляков Николай Николаевич (колхоз «Вторая пятилетка», с. Тагна), Красильников Владимир Дмитриевич (колхоз «Оборона страны», дер. Чеданово), Кутюгов Петр Яковлевич (колхоз «Якорь», заимка Щербакново), Смирнов Иван Николаевич (колхоз имени Куйбышева, дер. Романова), Хоровинкин Степан Максимович (по другим документам Харавинкин, колхоз имени Петровского, дер. Большая Заимка), Шкляев Даниил Тимофеевич (колхоз «Красный аэроплан»), Шульга Дмитрий Степанович (колхоз имени Буденного, дер. Халты);

председатель промартели — Черников Алексей Васильевич (промартель «Пятилетка алебастра»);

председатель сельпо — Вяткин Александр Маркелович (пос. Тыреть);

председатель сельхозартели — Лысиков Афанасий Тимофеевич (колхоз «Заветы Ильича»);

председатели сельсоветов — Комальдинов Шайфула (Александр), Горшков Николай Андреевич (дер. Троицк), Теткин Иван Степанович (дер. Сорт);

председатели Союза леса и спла-

ва — 2 человека: Сидоренко Иннокентий Ильич, Щербак Александр Фомич;

редактор газеты — Кутузов Александр Алексеевич;

уполномоченный от радиокомитета — Самарина Татьяна Демидовна.

Партийные работники:

секретарь РК ВКП(б) (2 человека) — Власихин Павел Алексеевич;

заведующий кабинетом РК ВКП(б) — Фурман Михаил Петрович;

секретарь РК ВЛКСМ — Сидоров Петр Александрович;

парторг — Кудрявцев Николай Ильич (промартель «Пятилетка алебастр», с. Тыреть).

Торговые работники, работники

материальной части:

заведующие магазинами — 3 человека;

завхозы — 5 человек;

заведующий сбытом — 1 человек;

начальник материальной части — 3 человека;

начальник склада — 3 человека.

Финансовые работники:

бухгалтера — 15 человек;

кассир сберкассы — 1 человек;

контролер сберкассы — 1 человек;

счетоводы — 8 человек.

Работники просвещения:

учителя — 13 человек.

Работники здравоохранения:

заведующий амбулаторией — 1 человек;

санинспектор райздравотдела — 1 человек.

Работники правоохранительных органов:

следователь прокуратуры — 1 человек.

Работники связи:

чиновник почтово-телеграфной связи — 1 человек;

почтовый служащий — 1 человек.

Сельхозработники:

агроном — 1 человек;
гуртоправ — 1 человек;
заведующий семенной базой — 1 человек;
колхозники — 89 человек;
огородник — 1 человек;
приемщик сена — 1 человек;
работники МТС — 1 человек;
члены сельхозартелей — 14 человек;
крестьяне-единоличники — 58 человек.

Работники леса:

заведующие участками ЛПХ — 3 человека;
лесобъездчик — 2 человека;
крепильщик — 1 человек;
пилостав — 1 человек;
приемщик леса — 1 человек.

Рабочие:

вербовщик рабочих — 1 человек;
водовозы — 1 человек;
гладильщица — 1 человек;
грузчики — 6 человек;
забойщики шахты — 2 человека;
землекопы — 2 человека;
землеустроитель — 1 человек;
конюхи — 5 человек;
кочегары — 6 человек;
кузнецы — 8 человек;
мастера — 2 человека;
мастер буровой — 1 человек;
мастер ледяных дорог — 1 человек;
машинисты — 3 человека;
механики — 4 человека;
монтажник — 1 человек;
пекарь — 1 человек;
плановик — 1 человек;
плотники — 13 человек;
препаратор — 1 человек;
приемщик РПС — 1 человек;
прорабы — 2 человека;
рабочие — 38 человек;
слесари — 4 человека;
столяры — 3 человека;
сторожа — 7 человек;
табельщик — 1 человек;
токарь — 1 человек;

уборщик — 1 человек;
шорники — 2 человека;
штукатуры — 2 человека;
экспедиторы — 2 человека;
электромеханик — 1 человек.

Кустари:

кожевенник — 1 человек;
печники — 3 человека;
пимокаты — 2 человека;
сапожник — 1 человек.

Другие категории населения:

красноармеец — 1 человек;
священники — 2 человека;
студенты, учащиеся — 2 человека;
пенсионер — 1 человек.

Безработные, «без определенной работы» — 39 человек, из них домохозяйки — 14 человек.

Заключенные — 3 человека.

Отсутствуют сведения о месте работы и должности — 26 человек.

Мера наказания для репрессированных:

Расстрел — 176 человек (из них 2 женщины);

25 лет лишения свободы — 1 человек;
10 лет — 143 человека;
9 лет — 1 человек;
8 лет — 37 человек (из них 4 женщины);
6 лет — 4 человека;
7 лет — 9 человек (из них 1 женщина);
5 лет — 25 человек (из них 2 женщины);
4 года — 1 человек;
3 года — 10 человек;
2,6 мес. — 1 человек;
2 года — 4 человека.

1 человек направлен в действующую армию.

Ссылка — 13 человек, из них высылка в Братский район — 6 человек, в Туруханский край — 1 человек, высылка на север — 5 человек, 3 человека умерли в лагерях и тюремной больнице.

12 человек арестовано в 1920 г. и 1921 г.

Аресты состоялись в деревнях, селах и заимках района.

**Количество репрессированных жителей разных населенных пунктов
Заларинского района**

Артуха	12 чел.	Кустова	1 чел.	Толстый Мыс	1 чел.
Асай	1 чел.	Левый Сарам	3 чел.	Троицк	30 чел.
Алексеевка	1 чел.	Ленденева	1 чел.	Тыреть	38 чел.
Андреевка	4 чел.	Ленинградская	1 чел.	Тыреть Вторая	6 чел.
Бабагай	5 чел.	Малая Черемшанка	2 чел.	Тунгуй	3 чел.
Бахвалово	5 чел.	Малый Карлук	3 чел.	Фирсова	3 чел.
Благодатный	2 чел.	Маниловский	1 чел.	Халты	4 чел.
Большая Кирка	3 чел.	Мейеровка	4 чел.	Ханжиново	8 чел.
Бугутуй	2 чел.	Моисеевка	2 чел.	Хлопуново	1 чел.
Булыки	1 чел.	Мойган	3 чел.	Холмогой	14 чел.
Буртуй	3 чел.	Муруй	3 чел.	Холярта	1 чел.
Бухарово	2 чел.	Мягчинский	1 чел.	Хор-Бутырино	1 чел.
Бажир	5 чел.	Николаевка	1 чел.	Хор-Тагна	6 чел.
Большая Заимка	4 чел.	Ново-Дмитриевка	1 чел.	Цыганово	2 чел.
Боровое	1 чел.	Ново-Метелкино	3 чел.	Чаданово	2 чел.
Борисовский	7 чел.	Ново-Черемхово	2 чел.	Шабалино	1 чел.
Березкино	1 чел.	Петровка	3 чел.	Шангино	1 чел.
Веренка	10 чел.	Петухово	11 чел.	Щеглаево	1 чел.
Верхний	5 чел.	Пихтинск	2 чел.	Щербаково	6 чел.
Головинская	3 чел.	Протасово	4 чел.	Яндон	2 чел.
Графский	2 чел.	Рангино	7 чел.		
Гусева	1 чел.	Распопина	1 чел.		
Диканька	1 чел.	Романенкино	3 чел.	Колхозы	9 чел.
Делюр	5 чел.	Романово	8 чел.		
Жизневка	1 чел.	Русь	1 чел.		
Заблагар	7 чел.	Савиново	2 чел.		
Залари	122 чел.	Сарам	2 чел.		
Исаковка	5 чел.	Селиверстова	2 чел.		
Калиновка	3 чел.	Семеновск	1 чел.		
Кальчежино	1 чел.	Сенная Падь	2 чел.		
Каменная Речка	1 чел.	Силина	1 чел.		
Каратаево	9 чел.	Смолина	1 чел.		
Кареловка	2 чел.	Сорты	14 чел.		
Карлук	1 чел.	Старо-Комарово	2 чел.		
Козлова	1 чел.	Старо-Метелкино	5 чел.		
Корсунгай	3 чел.	Тагна	31 чел.		
Косой Взвоз	1 чел.	Таежный	1 чел.		
Кошкино	1 чел.	Тарасова	3 чел.		

Репрессированные по деревням пофамильно:

Деревня Артуха: Амбросов И. С., Андреев В. С., Борисов Я. Л., Грачев А. Г., Грачев Г. Г., Грачев И. Е., Грачев Е. Е., Грачев Е. Е., Иванов М. Ф., Мезенцев Г. М., Переляев Ф. И., Рушаков И. А.

Деревня Асай: Сизых Т. Н.

Деревня Алексеевка: Голубев А. В.

Андреевская заимка/деревня Андреевка: Миронов В. Н., Миронов Н. Н.

Заимка Березкино: Сухарев А. И.

Деревня Бабагай: Иванов М. С., Иванов П. С., Ленский Я. С., Сизых И. И. (арестован в г. Иркутске), Терентьев В. В.

Деревня Бахвалово: Гриневич И. А., Клименко И. Ф., Кузьмин С. Ф., Мучихин В. А., Попов Г. П.

Деревня Благодатный: Кудрявцев Н. П., Федотов С. П.

Деревня Большая Кирка: Дружинин А. И., Дружинин И. И., Машуков М. А.

Деревня Бугутуй: Ворона И. С., Кибернюк С. И.

Деревня Бульки: Степутенко В. С.

Деревня Буртуй: Стареньков И. А., Хулугуров Х. Х. (один), Хулугуров Х. Х. (другой).

Деревня Бухарово: Томский А. К., Томских К. К.

Деревня Бажир: Выборов М. Ф., Мамонтов Л. Ф., Прохоровский И. У., Распутин Р. П., Татарников А. А.

Деревня Большая Заимка: Кузьмин А. К., Теткин И. С., Хоровинкин С. М., Сухарев И. А. (арестован в г. Зиме).

Деревня Боровое: Ратькин В. П.

Борисовский участок: Корень К. Д., Сапель К. П., Сапель Н. К., Сапель П. К., Чемезов И. Я., Шиш Ф. Е., Шкляр И. М.

Деревня Веренка: Александров А. В., Исайчик Н. М., Клименков М. В., Клименков Т. П., Маликов В. А. (один), Маликов В. А. (другой), Прудников Н. Т., Рафейчиков Ф. И., Филиппов И. П., Цыганков С. Р.

Участок Верхний: Везель А. Н., Везель Н. М., Везель Ф. Н., Инжиевский В. С., Ковалев И. И.

Головинская: Большаков И. С., Ворона Д. А., Фиш А. Н.

Графский: Звонарев М. С., Якунин П. А.

Заимка Гусева: Софин А. А. (репрессирован с Аларского района).

Диканька: Ларионов П. И.

Делюр (алебастровый завод): Большаков Я. А., Быков Н. К., Быстров М. И., Иванов Ф. И., Масник Ю. А.

Жизневка: Лебедев А. Е.

Заблагар: Бобров П. В., Горбылев А. Р., Соин М. С., Шангин Я. П., Швайкин М. Х., Швайкин П. Х., Швайкин П. Х.

Поселок Залари: Абдулов Г., Абидаев Ж., Багрянцева Е. Я., Бобков Ф. С., Бондаренко Н. П., Борок М. К., Буков Н. В., Власихин П. А., Гармаев Б., Гиза П. В., Горбунов Н. И., Гусев М. И., Данилов А. Н., Дмитриев И. Д., Дубровин Г. Н., Дунаев И. А., Дылыков З., Ефимов Ф. В., Жанов С. З., Задбоев Ч., Закржеев А. А., Залевский Гр. О., Зарубин С. П., Зимин Н. К., Иванченко М. М., Ильин Т. Н., Каргаева Н. П., Карнаухов П. Я., Коваль И. Н., Ковьяров П. А., Кутузов А. А., Ланкин Н. М., Лапардин И. А., Лапшин С. Е., Ленденёв И. Н., Ли Б. В., Лобанцев Т. П., Лобода Н. И. (из Николаевки), Лошаков Е. М., Лузин С. Ф., Лютерович Л. М., Камышлов Г. С., Кисилев С. С., Клапьев С. И., Конев Я. И., Коноваленко В. С., Костин Н. И., Котов В. И., Кочетков М., Кочетков К. С., Кочетков Н. П., Копылов С. А., Краснопольский Г. П., Кузнецов И. А., Минеев И. А., Минеев М. А., Маласов П. Г., Мамчинский А. В., Манин П. А., Медников П. В., Мешков Л. В., Минтусов М. С., Петров А. Г., Петрова А. С., Попов Л. П. (священник), Прокудин А. И., Распопин Л. В., Распопин Н. И., Распутин И. И., Рахманкин М. И., Резаков А. Х., Репин М. Д., Романов В. В., Романов А. С., Самарина Т. Д., Сампетов А. Р., Савельев С. Ф., Сергеев И. А., Сергеев Н. П., Сивцев Н. И. (с Иркутска), Сидоров П. А., Скирдач П. К., Скуденков В. А., Скуденков С. А., Смеречинский И. И., Смолен И. Г., Соколовский И. В., Сорокин В. П., Сосин О. С., Толмачев К. А. (священник), Уваров Г. К., Фалилеев Т. И., Фархудинов А. А., Фархудинов К. М., Фелонюк Л. М., Филип-

пов П. М., Флягин Д. Г., Фурман М. П., Харитонюк Т. Д., Хороших Н. Д., Хулуров Б. Х., Хунданов А. П., Хуснудинов Т. Ф., Чемезов А. И., Чемезов И. Н., Чулков А. К., Шаббаганов С. В., Щербакос С. С., Юденич Е. Л., Якименко И. Д., Янышев А. Н., Шелепетко С. А., Широких С. С., Шихов М. Г., Школенко Д. Г., Шмотов А. О., Шульга К. А., Шульгины М. А. и М. М., Сусол Вл. А., Сухих В. С. (арестован в Тайшете), Таурский В. Вл.

Исаковка: Ануфриев П. О., Макаревич Ф. И., Соломонов И. Я., Степаненко М. П., Чертков Ф. С.

Калиновка: Веялко Е. Т., Веялко Т. К., Жернаклев Д. Т.

Кальчежино: Яковлев В. А. (арестован в Кутулике).

Каменная Речка: Черных Е. С.

Каратаево: Гаспоровичус П. Ю., Деветьяров С. Ш., Дятлов А. А., Евдокимов Б. П., Иванов Т. Д. (он же Коновалов И. К.), Мартыневский А. Л., Юршис И. А., Шкляев Д. Т.

Кареловка: Белякова М. П., Смирнов М. Я.

Карлук: Адамец Ф. И.

Заимка Козлова: Козлов С. И.

Корсунгай: Ванеев Т. В., Фомкин И. Г. (один), Фомкин И. Г. (другой).

Косой Взвоз: Выборов П. М.

Деревня Кошкино: Хохлов М. А.

Заимка Кустова: Пролыгин Д. С.

Левый Сарам: Васильев А. В., Гаськов Ф. И., Семенюшкин В. К.

Заимка Ленденева: Серездинов Х.

Ленинградская заимка (Петербургская): Семенов М. А.

Малая Черемшанка: Ленденев А. И., Шаманов А. А.

Малый Карлук: Колесова П. В., Ларионов А. М., Яковлев А. Я.

Маниловский: Земляничкин В. Е.

Мейеровка: Ермаков Я. В., Жуков Д. Н., Рынин А. С., Хортов Ф. С.

Моисеевка: Паук Н. Ф., Познышев Я. С.

Мойган: Тихонов С. Я., Сухарева П. М., Хорошаев А. П. (арестован в Голумети).

Мягчинский: Звериглазов М. А.

Муруй: Казаков Б. А., Казаков И. П., Пучков Л. И. (арестован в Иркутске).

Ново-Дмитриевка: Казанков П. Т.

Ново-Метелкино: Лысиков А. Т., Лысиков С. А., Шкуратов Г. И.

Ново-Черемхово: Черногор П. С., Этенко С. А.

Николаевка: Кобешев А. Д. (Кобыша? — Г. М.).

Петровка: Буглак Е. Г., Любимов И. К. (арестован в Черемхово), Смольских Р.

Петухово: Бондаренко Я. Д., Гурулев С. К., Загвоздин И. А., Костромин И. Е., Костромин И. Н., Костромин М. Н., Костромин Т. И., Луконин М. Н., Петухов А. К. (в Делюре), Петухов С. К., Сергеев А. М.

Пихтинск: Гинбург Г. М., Людвиг Г. И.

Заимка Протасова: Азаров Ф. С., Выборов А. П., Зимица А. А., Прудников И. Н.

Рангино: Данильчук Е. М., Егоров Е. М., Распопин М. И. (в Качуге), Сницарев А. А. (с Заларей), Сницарев И. Д., Сницарев Ф. Т., Траутвейн П. Д.

Заимка Распопина: Яковлев И. О.

Романенкино: Розмышлев П. Ф., Тяпкин А. Е., Тяпкин Е. С.

Романово: Выборов А. Т., Гаврилов И. В., Знаменщиков И. А., Знаменщиков П. И., Мармышев Я. М., Пискунов Н. Г., Семенов И. Н., Смирнов И. Н.

Рудник: Ковальский В. Ф., Ходос А. Е.

Русь: Гунченко В. З.

Савиново: Выборов Е. С., Черных М. И. (Голуметь).

Сарам: Жуковский Е. А., Лысов П. Ф.

Селиверстова: Выборов М. С. (арестован в Заларях), Кузнецов В. М.

Семеновск: Хатылев Я. Л.

Сенная Падь: Закарюкин Г. Т., Крылов В. И.

Силина: Рубцов С. Д.

Смолина заимка: Смолин С. Г.

Сорты: Гафаров А. А., Пинигин Я. Я. (село Кутулик), Распопин Я. Ан., Салине Стасе (лит.), Самсонов Н. Г., Селезнев М. Г., Широковский Д. П., Тищенко Д. С., Ухов В. И. (село Черемхово), Хулукицанов Н. А., Шабалин Н. Е., Ша-

балин И. Е., Шабалин В. И., Чувашов И. Т.

Старо-Комарово: Распутин А. Е., Распутина Е. Т. (с. Халярт).

Заимка Старо-Метелкино: Зотченко Б. В., Зотченко Т. П., Камозин И. В., Метельков А. К., Щербов Д. Н.

Деревня Тагна: Баранинов П. А., Виноградов А. М., Волков Н. Н., Воронов А. А., Гмырко М. М., Гнилицкий Ф. Ф., Грехнев А. А., Донской С. П., Жаркус В. И. (литовец), Здановский К. И., Тураев Г. Л., Земляков Н. И., Колесов М. Ф., Колесов П. М., Конт Э. Я., Кудьяров Р. И., Кучеров М. В., Лазарев И. Г., Ламин Е. А., Макаров Н. В., Сакович В. С. (1885 г. р.), Сакович П. Ив., Сидоренко И. И., Фун-Чин Ен., Черкашин А. Н., Шкицкий Г. Н., Щербак А. Ф., Сухарев Ал. Н., Сухарев В. П., Сухарев М. К.

Таежный участок: Айтрашок Е. В.

Заимка Тарасова: Антонов И. И., Выборов А. И., Чемезов А. Н.

Толстый Мыс: Шипицын И. И.

Троицк: Блохинцев Б. Е., Бузиков С. А., Выборов Федор В., Гладик А. Ф., Горшков Н. А., Емельянов В. О., Железняк М. В., Конев В. Н., Кудашеев Р. С., Кулинич Г. М., Мигеровы А. Ф. и Х. К., Переляев В. И., Попов И. А., Радзиевский А. А., Саелкин Г. М., Садыхов В. П., Соин М. С., Темников Г. Г., Тимофеев М. Г., Толстихин М. Н., Тонкошуров А. Ф., Тужинев И. С., Тулупов Н. Л., Фролов В. М., Хмелевский Э. А., Шабалин А. Н., Шабалин Ф. И., Щеглов Я.

Тыреть: Агафонов Н. И., Алексеев А. Н., Алексеев С. В., Балушкин А. М., Большаков А. А., Большаков М. И., Большаков Я. Г., Ванштейн Л. С., Ван-Дин-Чин., Ветров Н. Ф., Волков Н. П., Гаврилов И. Д., Вяткин А. М., Григорьев Я. И., Гуткевич В. П., Давыдов В. П., Желудеев Е. И., Карнаухов В. С., Клят М. Я., Константинов К. Н., Косенжик П. А., Кудрявцев Н. И., Куприн Ф. И., Любимов А. Ч., Малинин П. И., Медведев Н. Е. (село Нукуты), Пьянков А. М., Селиванов А. В., Селиванов И. В., Селиванов Л. В., муж Селиванов М. Л. (село Халярты) и жена Селиванова П. Т., Сергиенко А. М., Серездинова И. Г., Середкин С. П. (село Черемхово), Чемезов С. М., Черников А. В., Юзвиг Г. А.

Тыреть Вторая (Старая): Азаров В. С., Зимина В. Н., Иванов П. А., Исаченко П. З., Комальдинов Ш., Селизерцев А. И.

Тунгуй: Перевалов А. С., Перевалов В. А., Матвеев С. Н.

Фирсова заимка: Распутин В. С. (арестован в Заларях), Распутин К. С. (арестован в Заларях), Распутин Я. В. (арестован в Халяртах).

Халты: Трусов И. Н., Шангин Я. П., Шульга Д. С. (один), Шульга Д. С. (другой).

Ханжиново: Жилкин Н. М., Змановский А. М., Косарев А. Н., Мельников М. П., Синьков И. Е., Федоров А. С., Хлызов Н. И. (арестован в Халяртах), Шипицын С. Д.

Хлопуново: Распутин П. Е.

Холмогой: Багрянцева О. И., Бондаренко Г. Д., Власов И. Н., Волков Т. И., Гадитулин В. Ф., Головных В. Ф., Замазчиков Л. П., Знаменщиков М. Л., Кобелев А. П., Лохов А. Г., Петелин Н. А. (арестован в Зиме), Савелкин Г. М. (арестован в Троицке), Филюшкин Ф. А., Штейн И. И.

Холярта (разъезд): Труфанов И. С.

Хор-Бутырино: Попков И. К.

Хор-Тагна: Иващенко О. А., Карпов А. Д., Аксентьев С. О., Савельев П. Е., Сергеев А. С., Сергеев Е. С.

Цыганово (Саганово): Антонов А. Г., Волков И. М.

Чаданово: Красильников В. Д., Распутин С. А.

Шабалина заимка: Шабалин В. Н. (арестован в Зиме).

Шангино: Ю-до-Шви.

Щеглаево: Шкаленков Н. Я.

Щербаково: Карнаухов С. Ан., Карпенко И. Т., Карпенко Т. Е., Кутюгов П. Я., Сморугов Б. А. (со Слюдянки арестован), Шевченко И. С.

Яндон (Индон Деревня): Безносков Т. М., Сахаровский Ф. Н.

Колхозы (без упоминания населенных пунктов):

«Первый шаг» — Битяй К. С.;

«Красный гигант» — Бураченко А. Д.; им. Сталина — Душин А. Н.;

«Путь Ильича» — Ермаков В. Н.;

«Красный Маяк» — Яковлев М. С.;

«Красный Делюр» — Лошаков И. А.;
 «Прожектор-2» — Маренин А. П.
 «Примерный» — Писарев Г. П.
 «Труд крестьянина» — Хатылев П. Л.

НИКТО НЕ ЗАБЫТ И НИЧТО НЕ ЗАБЫТО?..

(40-е гг. в документах и памяти
на современном этапе)

Тема участия заларинцев в Великой Отечественной войне — тема, которая дорога обществу в буквальном смысле: это цена жизней огромного количества мужчин в расцвете сил, дорога каждой заларинской семье, потому что результат был достигнут ценой неимоверного, тяжкого труда, исковерканных судеб, ценой выплаканных вдовьих, материнских и детских слез.

Самое первое краеведческое поручение я получила в 13 лет в ЗСШ № 1, история которой ведет свое начало от судеб выпускников и учителей школы, участвовавших в войне. Тогда, в 1971 г., эта тема звучала так: «Заларинцы, погибшие в Великой Отечественной войне». На какой работе я бы ни была — тема участия в войне отцов моих друзей, знакомых, земляков была всегда рядом. 40 лет я собирала все, что относилось к этой теме. При музее собраны сочинения учащихся школ, написанные под руководством педагогов-историков и учителей русского языка О. И. и В. А. Поповых, Л. А. Шалаевой, Г. А. Окрушко, И. П. Донцовой и др. Музеем накоплена внушительная подборка статей о заларинских воинах, созданная трудами журналистов местной газеты «Сельская Новь» и областных газет, также обобщены воспоминания со встреч с участниками Великой Отечественной войны в разные годы, хранятся письма с информацией от тех, с кем пересекались пути музея. Сохранены фотографии из фонда ЗСШ № 1: ряд фотографий изготовлен местными фотографами И. Г. Андрейчуком, А. П. Пилипенко, М. Б. Минеевым, В. И. Дунаевым, А. К. Скуденковым и И. В. Айдаровым, другие переданы по одной и несколько штук

из семей по просьбе музея или просто словами: «Пусть хранятся в музее». Некоторые фото я переснимала с могил, привозила из семейных архивов от родных и знакомых из Иркутска; в фотоколлекции есть и такие снимки, что находили выброшенными во дворах. Одни знакомые добывали фотографии у своих родных подчас в других городах и переправляли нам.

Особое место при сборе свидетельств военного времени занимают письма, похоронные извещения о гибели и фотографии военных лет.

Тема, заданная мне школьным учителем, никак не кончается. Документы о воинах-заларинцах собираются при музее бережно и верно, но медленно... Все же что-то не так, потому что мало поступлений по сравнению со статистическими цифрами... В гражданском сознании не горит сигнальная лампочка о том, что ТАКОЕ надо сохранить не только в семье... Что значит эта частичка памяти по сравнению с той волной бедственной войны, обрушившейся на каждый дом, ворвавшейся в каждую семью в любом уголке России?

Предлагаю читателям поговорить искренно и честно на тему участия наших родных в Великой Отечественной войне. Не на пальцах, а на документальных материалах, попавших в последние годы в поле зрения Заларинского районного краеведческого музея. О трагедии, разразившейся в середине XX века в каждом доме и в каждой семье без исключений. Потому что была война. Великая. Отечественная.

Уходили по призыву военкомата и, конечно же, добровольно. В свете 60-летия Победы в войне были рассекречены архивные документы Министерства обороны периода военных лет. Среди них оказались очень ценные в плане истории общественной жизни в нашем районе: решения и протоколы заседания бюро Заларинского РК ВКП(б) 1940–1946 гг., выписки из распоряжений Иркутского Обкома ВКП(б). Заведующая архивным отделом

Валентина Гусарова активно и подробно уведомила общественность и адресно — музейных работников о содержании документов, дала их на раскопировку. С их помощью выяснилось, что то, что мы собирали по воспоминаниям и обобщали по крупицам, обрело форму законченной картины в главных вопросах. По ежегодным отчетам военкома выяснилось: на войну уходили заларинцы в следующем количественном составе: 1940 г. — 427 чел., 1941 г. — 3 230 чел., 1942 г. — 2 239 чел., 1943 г. — 1 532 чел., 1944 г. — 450 чел. Всего по документам из Заларинского военкомата на фронт ушло 7 878 человек. Анализ этих цифр показывает, что в предвоенный и в предпоследний годы войны наборы были ослабленные — по четыре сотни человек. Больше всех заларинцев — тысячами — уходили в самое тревожное время: в 1941 и 1943 годы. Не будем забывать, что к цифре 7 878 надо добавить тех, кто был ранен и проходил лечение в госпиталях Восточной Сибири. Комиссованные по ранению, они в силу личных причин, оставались жить здесь, в т. ч. и в Заларинском районе. Из Кутуликского госпиталя прибыл к нам сталинградец Акзам Генятович Акбашев. Привезла на свою родину из Иркутска в Залари раненного под Москвой и Курском мужа — Павлова Николая Павловича — медсестра Анастасия. В Тагне остались жить после излечения в Тагнинском госпитале Главацкий Федор Никифорович и другие. Часть бывших фронтовиков попала в наш район после войны в разные годы: Шкуратов В. В., Аширов К. С., Князев Д., летчица («ночная ведьма») Чиркунова М. Г. Ряд фронтовиков из разных уголков области завершили свой жизненный путь во Владимирском доме престарелых (Шипилов, Егоров и др.)

Заларинец Федор Иванович Иванов вспоминает (газета «Сельская новь»): «...Часто всплывает в моей памяти то грозное время, когда в адских испытаниях пришлось принимать боевое крещение, потерять тех близких товарищей, которых обрел в трудную военную годину, а

потом потерял на дорогах войны.

Никогда не забуду Залари 24 июля 1941 г., когда наш поселок кишел людьми, как растревоженный муравейник. В этот день была объявлена мобилизация. В миг все опустело, и сразу остро почувствовалась та грань, которая зримо и резко отделила нас от жизни вчерашней мирной и будущей, военной.

Район наш пустел. В домах оставались лишь женщины, старики и дети. Скот, лошади, машины — словом, все, что было необходимо фронту, грузилось на вокзале на платформы и отправлялось на запад. Станция работала без передышки, работники ее не успевали подавать вагоны.

Рано утром нас построили и повели на станцию. Там стояло восемь вагонов. Прицепили их к паровозу, и повез он их на восток. В Кутулике прицепили еще несколько вагонов с солдатами, потом в Черемхово, в Усолье. Так из Иркутска в Читу прибыл уже длинный состав с иркутянами...»

Многие заларинцы прошли через формирование воинских частей в Чите, центре Забайкальского военного округа. В воспоминаниях то одного, то другого заларинца — участника войны упоминаются некие 76 и 77 разъезды Читы.

После определения в «ячейки» военных формирований заларинцы первых лет войны выезжали из Читы на запад, на фронт, и дорога их лежала опять через станцию Залари. Многие семьи, зная о возвратной поездке родных из Читы, шли и ехали из деревень на заларинский вокзал встречать родных воинов. Поезда приходилось ждать без почасового расписания. Семья Замысловых не дождалась своего Василия Терентьевича, зато ожидавшие Скребневы оставались дольше на вокзале и увиделись с мужем и отцом семейства. Как будто сердцем чувствовали, что это их последняя встреча в жизни: политрук 207 стрелковой дивизии Скребнев Георгий Семенович погиб под Сталинградом. Бывали и другие случаи:

Коллективные проводы Ивана Герасимова в ряды РККА. Апрель 1941 г.
 Пос. Залари. Нижний ряд: Иван Герасимов (погиб на войне),
 Сергей Ленденев (уч. войны), Чеглакова Августа
 Средний ряд: Алексей Корытко (погиб на войне)
 Верхний ряд: Головешкина (Романова) Марфуша (уч. войны)

Станция „Чита—городъ“.

солдата никто не приходил встречать. Так, солдатик Преловский на остановке в Заларях просто сбежал в деревню Бажир, благо она совсем недалеко от железной дороги. Несколько минут в родном доме, прощальный поцелуй матери — и солдат Преловский навеки покинул свой край, чтобы погибнуть за него. Первые мобилизованные уже погибали, а другие мужчины района продолжали призываться в последующие годы войны.

В первых числах января 1943 г. на бюро РК ВКП(б) утверждался план призыва граждан района 1925 г. рождения. Военком капитан Проценко на заседании Заларинского РК ВКП(б) докладывал:

«Вызов призывников осуществляется на сборный пункт Залари с деревень населенных пунктов:

7.01.43 г. — из Сорт, Ханжиново, Веренки, Тырети.

8.01.43 г. — из Хор-Тагны, Черемшанки, Моисеевки, Тагны.

9.01.43 г. — из Холмогоя, Бажира, Дмитриевки и Заларей.

Во время призыва осуществляется политмассовая работа, организован буфет для призывников.

С 7 по 10.01 — просмотр киносборников по плану.

11.01. — санобработка призывников.

12.01. — подготовка к отправке и посадка в эшелон призывников. Политмассовые мероприятия также запланированы в пути следования по плану.

Основанием для мобилизационных действий является приказ Забфронта № 0683».

Этот документ очень важен для нашей темы: в нем четко просматривается дыхание жизни всего района в военное время. Все деревни — одна за другой, день в день — в четкой системе отправляют мужчин на фронт.

Галина Васильевна Шульгина (в дев. Швайкина) рассказывает, как дети деревни Заблагара долго бежали следом за колоннами мобилизованных на войну

Василий Митрофанович Швайкин с дочкой Галей перед отправкой на фронт. Деревня Заблагар, 1942 г.

Гульбика Давлеткиреевна Резакова. Фото послевоенных лет. Пос. Залари

земляков. Заларинка Гульбика Давлеткиреевна Резакова (в дев. Исламгалеева) вспоминает, как и семья, и молодые девушки-невесты со слезами провожали на войну из Заларей братьев отца Резаковых, а также мужа старшей сестры, который с войны не пришел.

Из истории Заларинской средней школы № 1 давно было известно о том, что активно на войну уходили девушки-комсомолки. Женщины и дети несовместимы с войной. Однако война была такой, что даже дети и женщины принимали участие в боевых действиях. Благодаря архивным документам, предоставленным В. И. Гусаровой, систематизировалась история организованного участия женщин-заларинок в войне. Вот что гласят документы:

«Выписка из заседания Заларинского ВКП(б) от 1.03.44 г. Из Отчета о подготовке кадров для РККА.

В районе прошла подготовка шестой очереди призывников-специалистов для РККА. Организовано три учебных пункта. На двух пунктах организован всеобуч с от-

рывом от производства допризывников 1944 г. На третьем пункте создано комсомольское молодежное подразделение из 35 девушек. 210 часов они обучались на телефонисток.

Всего обучено 215 человек допризывников, из них 137 ворошиловских стрелков, 7 снайперов, 9 пулеметчиков, 34 гранатометчика, 170 танкистов, 4 автоматчика.

В комсомол принято 184 человека».

«Март 1944 г. Докладная об итогах работы Военного отдела ВКП(б) (докладчик капитан Н. Проценко):

Обучено и выпущено шестнадцать медсестер, тридцать пять снайперов, тридцать шоферов, из них двадцать две девушки».

С помощью воспоминаний людей удалось восстановить список, хотя по количеству людей он отстает от цифр в вышеприведенных документах, но все-таки он есть, и найти фотографии некоторых женщин – участниц войны.

Ф.И.О. место рождения
Авдеева Анна Николаевна , 1921 г., п. Тыреть, с. Хор-Тагна
Андреева Анна Ивановна , 1920 г., с. Сорты
(ур.) Абсолямова-Конева Елизавета Федоровна , 1923 г., пос. Залари, Московская обл. п. Жуковский, муж офицер, летчик. Служила с Н. Е. Новопашиной, А. Т. Коршуновой, В. И. Фадеевой
Афанасьева Полина Викентьевна , с. Троицк
Байбак Валентина , пос. Тыреть, жила в дер. Владимир
Бородавкина Ирина Моисеевна , 1923 г.
Буглак Розалия Львовна , 1924 г., призвана в г. Чите Дульдургинским РВК. Жила в пос. Тыреть
Бутина Екатерина Макаровна , д. Ново-Черемхово
(ур.) Бутырина Анна Егоровна , 1916 г., дер. Большой Карлук
(ур.) Бутырина-Савченко Раиса Владимировна , 1925 г. Жила в г. Черемхово-Гришево, работала в прачечной шахты № 3
(ур.) Вечеренкова-Черных Валентина Васильевна , пос. Залари, жила в г. Братске. Работала в ГорОНО, в вечерней школе
Войтасик-Белова Полина , пос. Залари
Галеева Кадыча Сахибовна (Екатерина Степановна) , 1910 г. р., пос. Залари, ул. Маяковского, 3. Работала бухгалтером ОРСА ЛПХ, имеет дочь и 3 сыновей
Галкина Анна Александровна , 1922 г., п. Залари. Дочь — Валентина Васильевна Ильина
Гончарова Мария

Гришина Евдокия Яковлевна , п. Залари, муж — Гришин Петр Николаевич, дочь в г. Иркутске
Ерофеева Анна Прокопьевна , с. Троицк
Зарыпова Фатима (Файза) Закировна , 1920 г. р, п. Залари, работала в райкомхозе техничкой, сын Валерий, невестка Мария, ул. Октябрьская, 29. Два брата погибли на войне
Зимушко Софья Владимировна
Иванова Антонина Дмитриевна , 1925 г., пос. Залари, ул. Матросова, 4
Ипатова (ур.) Алексеева Нина Антоновна , п. Залари, ул. Марата, 3, Московская обл. с. Владимир. Работала в РК КПСС
(ур.) Ковалева-Ершова Мария Феоктистовна , пос. Залари, проживала в г. Саратове
Колдаева Валентина Федоровна , 1925 г., дер. Купино Новосибирская область, проживала в дер. С. Владимир, дом престарелых
Королева Любовь Николаевна , п. Солерудник (?)
Коршунова-Беляева Александра Трофимовна . После войны жила в г. Иркутске
Круглышева Мария
Куделькина Вера , п. Залари
Лазарева Прасковья Дмитриевна , 1921 г. р., пос. Залари, ул. Свердлова, 16. Пенсионерка, уехала. Работала в типографии газеты «Сельская Новь». Выехала из Заларей после смерти мужа
Ларионова Елизавета , работник РК ВЛКСМ
Лойко Вера Константиновна , 1923 г. р., дер. Петровка Заларинского района, п. Солерудник
Манейло (ур.) Сердюкова Людмила Петровна , п. Залари, ул. Кирова, 12
Махлай Мария
Минивалеева Наталья Зиновьевна , 1923 г. р., п. Залари
Морозова Анна Петровна , 18.07.1925 г., Заларинский сельсовет
(ур.) Муратова-Орехова Лидия Федоровна , 1923 г., июль, пос. Залари, после войны г. Ангарск
(ур.) Муратова-Симонова Валентина Федоровна , пос. Залари
Наваренко Мария Ивановна , 29.09.1923 г., п. Залари, пер. Школьный, 1-2
Найденкова Анна Ивановна , д. Черемшанка
Новопашина Надежда Елиферовна , п. Залари. Инструктор РИКА, нотариус с 40-летним стажем
Останкова-Широкова, Полецук Александра Ивановна , 1926 г., п. Залари, ул. Чехова, 42. Бухгалтер в РОНО. Имеет 2 детей, в старости переехала в Солерудник
(ур.) Победаш-Коноваленко Вера Григорьевна , пос. Залари, ул. Комсомольская, 6. Работала зав. парт. учетом в РК КПСС. В старости выехала в Ставрополье
Полякова Любовь Ивановна , п. Залари, ул. Механизаторов, д. 19/21
Пономарева Прасковья Спиридоновна , 1924 г., пос. Залари, участок Индон
Распутина Мария Григорьевна , п. Залари, ул. Октябрьская, 27. Дети увезли в г. Ангарск в 1092 г. В 2004 г. работала в узле связи
(ур.) Распутина-Каширцева Клавдия Егоровна , пос. Залари
Резакова-Сандыкова Хакима (Екатерина) Абдуловна (Александровна) , пос. Залари, ул. Горького, 6. Работала на хлебозаводе в Заларях, делегат областного слета женщин – участниц войны

Рожкова Нина Ивановна , с. Тыреть
Романова Евдокия Степановна , с. Тагна
(ур.) Романова-Головешкина Марфа Петровна , пос. Залари. После войны жила в Заларях, работала бухгалтером 15 лет в автохозяйстве. Переехала в г. Старый Оскол Белгородской обл.
Рукавец Наталья Прохоровна , 1924 г. р., Ленинград, Охотинский район. Проживала: Залари, ул. Пионерская, 17. Инвалид 3 группы. Секретарь-машинистка ЦРБ, выехала из Заларей в гор. Саянск. 2 детей
Рябова Мария Ивановна , Залари
Семенова Клавдия
Смирнягина
Станкова Антонида Александровна , п. Залари, ул. Мичурина, 25-1, работала плановиком на пищекомбинате
Степанова Алла Дмитриевна , пос. Залари
(ур.) Фадеева-Черных Валентина Ивановна , 1922 г., пос. Залари, ст. Потанино Челябинской области
Федотова Александра Ивановна , Ханжиновский с/с
Хороших-Гуськова Валентина , пос. Залари. Муж — офицер Сов. Армии. После войны жили в г. Арзамасе Горьковской области
Чеглакова Августа Андреевна , пос. Залари
Чемезова Аксинья Семеновна , 31.03.1925 г., дер. Ужиково Пуштошенского района Калининск. обл.
Чепелева (ур. Блинова) Полина Семеновна , 1925 г. р., участок Хохловск Заларинского района. Жила в п. Залари, учитель ЗСШ № 1, под старость выехала в г. Иркутск
Чернигова (Дударик) Евгения Николаевна , п. Залари
Чиркунова Миннибика Габдельхановна , 1917 г. р., с. Знаменка Белебеевского района Башкирской АССР. Проживала в пос. Тыретский Солерудник
Шипцова Лидия Ивановна , 1920 г., п. Залари, ул. 3 Советская, 18. Работала на пищекомбинате
Шопхоева Нина Андреевна , д. Корсунгай
Яковенко Нина Афанасьевна
Янченко Мария Борисовна , 1923 г. р., дер. Кутьково Дуженского района Тульской области. Призвана Московским РВК Кунцевского района. Сын. П. Залари, ул. Мичурина, 21. Работала бухгалтером маслозавода

Проживала в Заларинском районе интересная «прослойка» участников войны из 8 человек — дети, «сыны полка». Их немного, приведем этот список с их данными полностью.

Калюжин Александр Калистратович (пос. Залари). В 17 лет после многих прошений добился своего: добровольцем ушел на фронт.

Кратохвил Ромуальд Францевич (пос. Залари). В 17 лет уже обучался в снай-

перской школе.

Логинов Николай Терентьевич, 1929 г. р., на войну «подался» в 1943 г. в 14 лет.

Медведев Н. С. (дер. Веренка). Подростком сбежал из детдома на фронт и пристал самостоятельно к воинской части. По окончании войны имел много наград.

Мелехин Николай Максимович, рвался на фронт с 15 лет. В 17 лет все-таки ушел добровольно. Был много раз ранен, остался без ног.

Мельников Василий Иосифович (пос. Залари). В 16 лет поступил в школу снайперов на 9 месяцев.

Пчела Николай Иосифович, на фронте с 17 лет.

Ширяев Илья Александрович (дер. Холмогой). В 14 лет стал сыном полка в одной фронтовой части, где был самым юным бойцом, которого не пускали в открытый бой.

Список этот, конечно, открыт: вполне возможны еще имена.

КАК ЖЕ СКЛАДЫВАЛСЯ ПУТЬ НАШИХ ЗЕМЛЯКОВ НА ВОЕННЫХ ДОРОГАХ?

С помощью тематической выставки «Это версты, обгорелые в пыли...» в свете дня Победы 2012 г. музей обобщил данные о вхождении заларинцев в военные дивизии, полки и установил боевой путь части этих дивизий. Оказалось, что земляки приняли участие в 351 стрелковой дивизии, в 7 воздушно-десантных (3, 4, 5, 6, 7, 10 и 22), в 13 кавалерийских и 1 горно-кавалерийской дивизиях, 1 мотострелковой, 1 авиационной, 3 артиллерийских, 1 минометной, 1 зенитной и 1 зенитно-авиационной, 3 танковых и 1 противотанковой дивизиях. Удалось определить те дивизии и полки, где заларинцы воевали «компактно», что называется, «землячеством». От 5 до 10 заларинцев входило в составы 9-й, 11-й, 17-й, 18-й, 19-й, 21-й, 23-й, 26-й, 31-й, 39-й, 47-й, 53-й, 80-й, 82-й, 83-й, 86-й, 88-й, 94-й, 97-й, 112-й, 119-й, 140-й, 148-й, 180-й, 211-й, 229-й, 239-й, 247-й, 256-й, 288-й, 321-й, 348-й, 359-й, 399-й стрелковых дивизий. Еще больше состав заларинцев-земляков выражен в 81-й (11 человек), 381-й (14 человек), 375-й (18 человек) дивизиях. Отдельной темы достойны истории 93-й (19 человек), 114-й (44 земляка), 116-й (70 человек) стрелковых дивизий. В целом же речь идет о легендарных сибирских стрелковых дивизиях, решивших во многом исход войны. Вхождение в их состав наших земляков — свидетельство того, на чьих именах зиждется успех побед и беспримерных подвигов в Великой Отечествен-

ной войне. При изучении распределения заларинцев по дивизиям обнаружился любопытный факт: наши земляки входили в составы почти всех кавалерийских дивизий! Это 1-я, 2-я, 3-я, 8-я кавалерийские и 21-я горно-кавалерийская дивизии. Единичное присутствие заларинцев имеется в других воинских объединениях: 5-й, 4-й, 22-й воздушно-десантных, 2-й авиационной и 38-й зенитно-авиационной, 1-й и 439-й мотострелковых, 5-й танковой и 331-й противотанковой, 411-й истребительно-противотанковой, 8-й зенитной, 6-й, 27-й, 134-й артиллерийской и 6-й минометной дивизиях. Уникальной с точки зрения заларинского землячества является судьба 540-й роты химзащиты в составе 116-й стрелковой дивизии. Она почти вся состояла из заларинцев, причем выходцев из глубинки района: из Черемшанки (Ихсанов Г. Г.), Моисеевки (Калинин А. С.), Рудника (Плохотников И. М., Синчук И. Д.) и др. В мирное время многие дивизии имели действующие советы ветеранов, которые до последнего, пока ветераны могли двигаться, устраивали сборы на местах своих боевых сражений, встречи с молодежью училищ, школ, военных клубов. На эти встречи выезжали и некоторые заларинцы. Василий Васильевич Шкуратов часто выезжал в Волгоград. Под влиянием этих встреч им были напечатаны и изданы 4 книги военной тематики. В Витебскую область в село Крынки на встречи своей дивизии выезжал Кириллов Иван Тимофеевич, наш заларинский прообраз знаменитого литературного героя Василия Теркина, не выпускавшего из рук русскую гармонь. Председатель совета ветеранов 116-й стрелковой дивизии, наш земляк-исаковец Федосеенко Василий Дмитриевич, участник Парада Победы в Москве 1945 г., регулярно проводил встречи ветеранов дивизии в разные годы на разных площадках. Гильманов Хазят Абзалович не раз был приглашен на встречи с однополчанами 17-й стрелковой дивизии в гор. Красноярск.

О действиях некоторых дивизий, где

заларинцев было особенно много, уже имеется четкое представление. Так, под Москвой погибло 18 заларинцев, воевавших в составе 93-й Восточно-Сибирской стрелковой дивизии. Поначалу дивизия дислоцировалась в районе станции Харанор на границе с Манчжурией. 6 октября 1941 г., выполняя приказ о переброске дивизии в действующую армию, первый эшелон был отправлен в Москву. К 20 октября дивизия под командованием генерал-майора К. М. Эрастова прибыла на ст. Орехово-Зуево. Вскоре за 4 суток части дивизии совершили 160-километровый марш в район города Подольска Московской области. Некоторые полки с ходу принимали тяжелые бои с фашистами, стремившимися перебраться за реку Нару. Сибиряки нанесли мощный удар со стороны Коломны-Белогорска и отбросили врага за Нару. По данным Книги памяти, в составе 93-й стрелковой дивизии под Москвой погибли следующие заларинцы: 51-й стр. полк — Кидаев Василий Григорьевич, Кравцов Кузьма Михайлович, Шарафутдинов Абдула и Шишкин Иван Федорович; 107-й саперный батальон — Ветошкин Сергей Фокич, Власов Егор Андреевич, Мальцев Алексей Захарович, Миронов Михаил Степанович, Моторин Василий Кузьмич, Шульгин Николай Федорович; 285-й стр. полк — Гуляев Алексей Иванович; полки не указаны, но названа 93-я дивизия — Белый Николай Лазаревич, Бубнов Николай Яковлевич, Выборов Петр Прохорович, Гизатулин Сафа Исафулович, Копылов Павел Иванович, Максимов Яков Филиппович, Шустов Матвей Алексеевич. Всего погибло 18 человек. Прибавим к этой цифре имена тех, кто погиб в этих же почти местах одновременно с вышеназванными. До нас в документах дошли только имена и отчет об их гибели под Москвой, поэтому велика вероятность, что они тоже из 93-й дивизии. Это: Бечевин А. А., Богомолов Степан Прокопьевич, Бутырин Петр Степанович, Гафаров Кармут, Гончаров Василий Гаврилович, Кершов Семен Иванович, Кузьменцов Василий Федорович, Кустов Кон-

стантин Ермолаевич, Лобода Александр Ильич, Матвеев Иннокентий Семенович, Мендель Илья Самойлович, Монарев Сергей Ильич, Московских Николай Федорович, Нестеров Андрей Захарович (по словам родных, состоял в дивизии Панфилова), Островский Петр Иннокентьевич, Серебров Николай Гаврилович, Сидоренко Филипп Борисович, Труфанов Сергей Иванович, Уваров Иван Афанасьевич, Федченко Филипп Трофимович, Цветков Василий Леонидович, Червенко Иван Иванович, Чучикин Андрей Никитич — погибло еще 23 «бездивизионных» солдата. В июле 2012 года пришли от поисковых отрядов из Подольского района Московской области вести о том, что с поля боя подняты останки двух заларинцев: Кравцова Кузьмы из дер. Щербаково родом и Матвеева Иннокентия из Тунгя. Оба они числились погибшими 15 января 1942 г. в дер. Кузовлево Московской области. С ними в тот же день в одной и той же деревне погибли Кидаев, Шарафутдинов, Шишкин, Гафаров. В дни, когда пишутся эти строки, и власти, и родные решают вопрос о перезахоронении останков воинов, погибших на защите сердца страны — столицы великой России. Зайченко Георгий Павлович, Монарев Николай Семенович, Садохин Василий Мартынович, Шишелов Василий Ефимович, Ясневич Дмитрий Васильевич — из других дивизий, но погибли тоже при защите Москвы. 45 земляков подняты и не подняты с полей сражений. Закончен этот список или нет — вопрос остается открытым: порядка с бумагами у нас в стране не наведено за мирное-то время, а речь идет о военном.

Всего Москву защищало 17 сибирских дивизий. Среди них и прославленная 78-я стрелковая дивизия под руководством боевого командира Афанасия Павлантьевича Белобородова. Нам удалось отыскать 13 заларинцев, воевавших у Белобородова. Эта дивизия воевала плечом к плечу с дивизией И. В. Панфилова в составе 16-й армии, и ее командарм К. К. Рокоссовский подчеркнул равнозначность

их вклада в защиту подступов к Москве. 78-я дивизия воевала в Истринском районе на Волоколамском направлении. Именно там, на 42-м километре одноименного шоссе, где погибли его солдаты, но не сдавались и не бежали с поля боя, наказал себя похоронить командир А. П. Белобородов в 1990 г.; могила вошла в мемориальный комплекс «Воинам-сибирякам».

Благодарные москвичи собрали народные деньги «по кругу» на памятник сибирякам, отстоявшим столицу и сумевшим перейти в контрнаступление.

Легендарных сражений было за годы войны немало.

Очень много наших земляков сражались за Ленинград (56 чел.), за Смоленск (83 чел.), за Сталинград (45 чел.), на Орлово-Курском направлении (41 чел). По материалам музея нам удалось определить участников битв за Кавказ, Витебск, Ржев, советское Заполярье, Корсунь-Шевченковский и Сандомирский плацдармы; тех, кто участвовал в операциях «Багратион» (освобождали Белоруссию, захлебнувшуюся в крови и дыму пожарах), Яссо-Кишиневской; кто был в боях на линии Маннергейма. Сложились списки освободителей ряда европейских стран, триумфально прошедших по землям Польши, Чехословакии, Румынии, Австрии, Венгрии, самой Германии. Восстановлены имена тех, кто с четырех сторон брал Берлин.

Заларинцы Скребнев Георгий Семенович и Замыслов Василий Терентьевич вместе прошли первый период обучения в Чите, далее их направили в Москву, где они 17 дней провели в ожидании своего распределения. Направили их в гор. Иваново, где они попали в 207-ю стрелковую дивизию. И сразу — в Сталинград. Это была малая толика помощи сибиряков в том, чтобы «зажать» 22 вражеские дивизии в кольцо, что явилось перевесом в пользу освободителей во всем огромном театре военных действий. Замыслов был ранен в руку и комиссован, а незадолго до ранения с горечью узнал о гибели своего земляка Скребнева Георгия. Заларинец вернулся домой, а его дивизия продолжила свой военный путь, изгоняя врага уже с территории страны россов. Она же победоносно вошла в Берлин и приняла приказ участвовать в штурме одного из рейхстагов города. Славным представителем от заларинцев, видимо, в этой дивизии был Бадеев Михаил Иванович, его послужной список мог бы стать показательным. Всего же в штурме Берлина участвовало, по спискам музея, 95 человек. Некоторые из них расписались на стенах рейхстага. Для 19-ти человек война не была завер-

шена: в Праге еще шли мучительные бои с неизвестным концом, город ждал помощи от победителей. 19 заларинцев получили медали «За освобождение Праги».

Из-за территориальной близости Прибайкалья много наших земляков приняло участие в русско-японской войне. Мы насчитали: 131 человек участвовал в событиях на Дальнем Востоке. Это самая большая цифра по массовому участию заларинцев на локальной территории.

Знают ли об этом наши дети-ученики? Несмотря на широкую рекламу и дату, которую «отмечают» все и всюду, на выставку об истории дивизий ни один классный руководитель из школ Заларей и других поселков не считал нужным привести детей. Где уж тут говорить о работе краеведов в школах, поисковых отрядах. Знают ли семьи, однофамильцы имена и истории погибших под Москвой? За все время моей работы в музей обращалось только с десяток семей: родные Киришина, Труфанова, Нестерова, Акимова, Никанорова, Кучеренко и нескольких других воинов. Семья Замысловых передала в музей бесценные 12 тетрадей дневникового характера. Очень трогательно соблюдают память погибших отцов Сакович Г. Г. и Никитина А. П. О последней просто не могу не сказать подробнее. В последний год в районе болезненно обострился вопрос о состоянии Парка памяти, что находится почти в центре Заларей. 80-летняя маленькая худенькая женщина взялась в одиночку благоустраивать «Парк», потому что здесь стоит памятник погибшим в годы Великой Отечественной войны. Не мало — 2 000 жизней от заларинской земли — вклад района в Победу. А еще это судьбы детей-сирот военного времени, вдов, которым некогда было плакать: власть, семья и сама обстановка требовали сил и терпения. Женщина обошла все инстанции, всех общественников, поднимала друзей, выступала на всевозможных собраниях, везде и всюду говоря о том, что это святое место должно выглядеть намного лучше, чем есть. Эта Старушка — наша совесть. Она в одиночку поднялась на то, что не может

одолеть общество. Зачем-то ей надо себя так вести. Те, с кем она говорила, уходили от ответа, прятали глаза, рассуждали, обещали, просили повременить по каким-то причинам, отмалчивались. Никто не дает ей вразумительного ответа, почему так происходит. В худшем случае ее называют «не в уме». Хочу отметить печальный факт, что семьями и трудовыми коллективами у нас не принято посещать тематические выставки, особенно патриотического содержания, концерты. Раньше сами ветераны собирались на встречи в Домах культуры и школах по юбилейным датам легендарных битв и на 9 мая. Сейчас мероприятия перешли в фиксацию факта и отмечание даты. Мы до конца не навели порядок с фамилиями и именами погибших по деревням, нет глубокого исследовательского анализа истории деревни, деревенских семей предвоенных лет для того, чтобы точно знать имена ушедших. Материал же по судьбам отцов на войне сегодня надо подавать по-новому, скажем, пограмотней, обстоятельней, уйти от примитива, характерного для неграмотных людей. Надо сегодня под известное нам подводить научную основу с прицелом на развитие потенциала родины. Надо активней вводить в уроки истории и родниведения исследование судеб семей, и тогда на близких примерах и отношении к родной земле, живущей очень нелегко, стало бы лучше в целом.

В 90-е годы нашим земляком, участником ВОВ, председателем Областного совета ветеранов Петром Федоровичем Московских было предпринято издание, внесшее вклад в систематизацию данных об иркутянах — участниках Великой Отечественной войны. Это «Книга Памяти» — сначала о погибших (7 томов), с 7 тома — об умерших в госпиталях от ран и пропавших без вести, о ком было положено молчать.

С помощью этих книг нам удалось выйти на количество погибших заларинцев, чья смерть была зафиксирована в военных условиях, передана в похоронках на домашние адреса и в военкоматы, а также в рапортах о гибели, которые позже были

собраны в ЦАМО. По «Книгам Памяти» мы вышли на цифру 2 968 человек. Однако с фамилиями погибших нередко имеет место филологический и другой беспорядок. Так, фамилия и имя погибшего уроженца дер. Черемшанка Арсланова Давлет Карима числится в Книгах погибших 4 раза в разных трансформациях имени и фамилии. Этот и другие подобные случаи изменяют цифры. Иногда одна и та же фамилия встречается дважды и даже трижды, при этом человек погиб в разные даты. Это означает, что он оказывался в экстремальной ситуации не раз, и все-таки его застигла смерть. Бывало и по-другому. Ярошук Василий Антонович числится погибшим («Книга Памяти», том 5, стр. 376), а в 1949 г. он встречается в составе колхозников дер. Исаковки; у него родился первенец.

Вот в таких ситуациях приходит неизменно на помощь еще один важный архивист района — заведующая Заларинским отделением ЗАГС по Иркутской области Барушко Светлана Дмитриевна. Она и сотрудники ее отдела помогают музею, родным в уточнении имен и фамилий, дат и мест рождений погибших, сведениями об их семьях. Ниточки родословия — в их руках, и при обращении обслуживание происходит без проволочек, быстро, грамотно и с душой!

По количеству пришедших с войны заларинцев к «Книге Памяти» также остаются вопросы. Дело в том, что в «Книге

Памяти», распространившейся по всем библиотекам и музейным уголкам района, список умерших ветеранов начинается с 1960 г. Как же быть с участниками войны, умершими до этого года? В основном речь идет о тех, кто на фронт уходил добровольно в пожилом возрасте; тех, кто испытал синдром войны, пришел с израненным телом и измученной душой; тех, кто, вернувшись победителем, начал пить и долго просто-напросто жить не мог.

В районе по деревням и селам устанавливались памятники погибшим землякам. На некоторые из них прикрепляли доски со списками погибших, которые собирались «миром» под руководством инициаторов строительства. Те, кто предпринял установку памятников с фамилиями, конечно, в увековечивании пошли дальше. Каждая фамилия обсуждалась подробно, привлекались свидетели семейной трагедии, старожилы, помнившие в лицо погибших. На первых порах основанием для занесения фамилии на доску были сохранившиеся в семьях похоронки. Списки установлены на памятниках поселка Залари, Большой Заимки, Владимира, Холмогоря, Бажира, Тагны. Обычно списки составляются по воспоминаниям и «всем миром». Мало кто руководствовался документальной, полной, достоверной информацией хотя бы потому, что «Книги Памяти» были изданы совсем недавно. Сегодня, в век космоса (добавим: в век интернета, цифрового вещания и компьютера, дошедшего до глухих деревень), пора улучшить качество памяти, т. е. пора дополнить списки погибших земляков, исправить ошибки в именах, отыскать отчества, уточнить место и дату гибели. Потому что речь идет о наших отцах и дедах, о родственниках тех, с кем мы живем семьями здесь не одно, а уже несколько поколений. Она, та Старушка, среди нас — тот самый образ оплакивающей ушедшего на поле боя мужчину женщины, образ, вошедший в русскую классику, потому что в нем — живая боль, страстная и трепетная душа, плачущая о другом человеке.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Выписка из распоряжения секретаря Иркутского обкома ВКП(б) Качалина.

30.04.42 г.

Проверкой ряда организаций по мобилизации в Красную Армию обнаружено, что в некоторых случаях организации становятся на путь совершения прямых преступлений перед Родиной, а именно:

учет и бронирование в некоторых организациях поставлены крайне плохо, допускаются оформления незаконной брони, перед военкоматами возбуждаются ходатайства об оставлении лиц, не подлежащих бронированию.

Приказываю:

Предупредить руководителей об их личной ответственности за постановку учета и оформления брони. Запретить всем руководителям возбуждать ходатайства о незаконных отсрочках по мобилизации.

Своевременно выполнять все наряды по мобилизации в Красную Армию людских резервов и автотранспорта, коней и повозок.

1944 г.

Злоупотреблений в вопросах бронирования в Заларинском районе не обнаружено за исключением 4 человек.

От населения принято 2 240 посылок:

387 кг печенья,
758 кг пельменей,
221 курица,
937 четверти водки,
1 583 кг мяса,
25 кг табака,
28 пар теплых носков,
6 пар варежек.

В военно-комсомольском лыжном кроссе приняли участие 3 150 человек.

Семьям военнослужащих из Красной Армии выдано:

83 центнера пшеницы,
10 центнеров овощей,
85 центнеров картофеля.

В феврале создано 8 касс взаимопомощи на сумму 12 тыс. рублей. В районе созда-

но 5 кружков по изучению гранаты и ее метания, по изучению винтовки и противогаса.

1944 год. Из доклада на бюро ВКП(б) .

Проводилась проверка правильности бронирования рабочей силы. Было проверено 42 организации района. Злоупотребление в вопросах бронирования не обнаружено за исключением 4 человек.

Во время перерегистрации было выявлено и задержано дезертиров: 1 человек. Явных случаев уклонения от военной службы не выявлено, если не считать 2 фактов лиц, освобожденных из заключения и проживающих без воинских документов. Настроение являться на перерегистрацию, а также при отправке в Красную Армию здоровое.

Зав. Военным Отделом РК ВКП(б): Локтионов.

Краткие тезисы о состоянии и деятельности школ Иркутской области в годы Великой Отечественной войны.

В школах были увеличены военно-оборонные аспекты: введено изучение противогаса. Рекомендуется уделять много внимания достижениям современной науки в военном деле, световой сигнализации, использованию тока в военных целях, траектории пули, борьбе с отравляющими веществами.

На уровне математики преподаются задачи по баллистике, по определению координат движущейся техники: танка, самолета.

При агитационной деятельности используются:

Окна ТАСС,
Политинформации — 3 раза в неделю, рассказы о героических делах на фронте, о работе тружеников тыла, сводки информационного бюро.

Работа по морально-политической закалке:

Введено изучение курса «Военное дело» с 24 июня 1941 г.

Допризывная подготовка начинается с октября 1942 г.

С 5-8 класса вводятся курсы:

Стрелковая подготовка,

Основы строительного дела, топографии,

Знакомство с уставом Красной Армии.

Девушки обучаются по специальностям: санитарки, медсестры, радистки, телеграфистки, телефонистки.

Было решено открыть военные кабинеты. В них изготавливают макеты винтовок, гранат, схемы и планшеты.

В Иркутской области в 1943 году изготовили:

1 319 ученических винтовок,

71 ученический пулемет,

7 588 саперных лопаток,

930 чучел,

5 макетов танков.

Кадры связистов готовились в 40 школах области. Это были телеграфисты, телефонисты, радисты, связисты.

В лагерях организовывались кроссы, военные игры, походы. Шла интенсивно подготовка Ворошиловских стрелков в оборонных кружках ОСОАвиахим, ПВХО, ГТО, БГТО. С 1943 г. создано детское спортивное общество «Смена». Стали много заниматься лыжами. Лыжников называли «лыжной кавалерией». Учащиеся совершали много дерзких рейдов на лыжах. Было поставлено проведение спортивных соревнований, лыжных кроссов.

В 1941/1942 гг. лыжами занимались 18 000 учащихся. В 1944/1945 гг. — занимались уже 45 000 учащихся.

Проводились военные игры: «Встречный бой», «Встречная разведка», «На штурм», «Поиски разведчиков». К играм готовились макеты оружия, маскировочные халаты. Из села Шарагул Тулунского района сообщали, что даже ночью устраивали игру «Встреча разведчиков».

В 1941 г. газетой «Пионерская правда» были объявлены заочные школы разведчиков и связистов.

Для лучших сборщиков сельхозурожая был введен значок «Отличник социалистических полей».

В Баргузинской школе — 38 офицеров с орденами и медалями.

Трудовая деятельность.

Зиминские школы подключились к очистке железнодорожного полотна от снега и мусора, проводили сбор обтирочного материала для работников паровозов. Ребята занимались сбором болтов, костылей для ремонта железной дороги. Из ребят организовывались бригады рыбаков, они же занимались переплетами книг, ремонтом ограды школы, заготовкой дров, сбором семян, рассадой капусты, посевом подсолнухов, закладывали сады. Коллективы школ разводили подсобное хозяйство: коровы, куры, овцы. Боролась за ранний урожай. На этой базе было открыто столовых для детей, где подавали горячее (проще говоря, дети кормили сами себя). Они сортировали пшено, шел сбор золы, вязка снопов, очистка семян, расчистка полей от кормов, прополка, ученики старших классов работали на жатках-самосевках, дети скирдовали сено. Активно шел сбор картофеля: каждый ученик выкапывал картофель по 2,5 сотки. Шла уборка сенокосных лугов от мусора и камней, заготовка веточного корма. Для хранения собранного рыли силосные ямы. По завершению сбора урожая организовывался «Красный обоз».

На 1.01.1945 г. в районе 500 инвалидов ВОВ, семей военнослужащих 6 324 семьи.

Из заседания бюро РК ВКП(б).

Апрель 1945 г.

Вопрос о военном займе в районе.

Бюро РК ВКП(б) постановляет:

Обязать Райсберкассу и Райфо до 20.04.45 г. провести сплошную проверку раздачи облигации 4 военного займа по всем колхозам.

Обязать председателей сельсоветов и колхозов организовать коллективы и индивидуальные выезды колхоза на рынок.

Предложить секретарям первичных парторганизаций организовать у колхозников и рабочих доклады и беседы о значении военных займов.

Вопрос о поощрении участников весеннего сева 1945 г. в районе.

Лучшие люди по колхозам Тыретского района на весеннем севе 1945 г.

Колхоз «Заря коммунизма»:

Тракторист Герасимов — премировать овечкой.

Тракторист Марчук — премировать овечкой.

Пахарь Разумец — премировать овечкой.

Сеяльщик вручную Марчук — премировать деньгами в 150 руб.

План сева по этому колхозу выполнен полностью.

Доклад на бюро подготовил и представил председатель колхоза тов. Марчук.

Заседание бюро РК ВКП(б).

15.12.1943 г.

О военном деле в школах района.

Учебное оружие боеприпасов и военно-учебное имущество в школах Заларинского района на 15.12.43 г.

Винтовки 1891 г.

Винтовки разрезные

Учебные гранаты и мины

Патроны винтовок военного учета

Ружья деревянные

Малокалиберные винтовки

Прицельные станки

Чучела

Отбивы

Брусья

Саперные лопатки

Противогазы

Лыжи

Компасы

Карты

Плакаты

Из заседания бюро РК ВКП(б).

Март 1944 г.

Докладная об итогах работы Военного отдела РК ВКП(б).

Обучено и выпущено как специалистов 16 медсестер.

Создано 2 военных учебных пункта, где обучаются 35 снайперов-девушек, 30

человек шоферов, из них 22 чел. девушек.

На танковую колонну от района собрали 2 557 руб.

«Поступившие средства от населения в фонд Красной Армии усиливают удары по врагу и проводят Красную Армию к полной победе над врагом».

Доклад подготовил и сделал заведующий Военным отделом Локтионов.

Из заседания бюро РК ВКП(б).

1943 г.

Бюро РК ВКП(б) постановляет:

1. Собрать в районе для оказания помощи населению, освобожденному от немецкой оккупации, не менее 2 млн руб. деньгами и одновременно организовать сбор скота у колхозов, колхозников, рабочих и служащих.

2. Обеспечить выполнение графика сдачи махорки в августе 1943 г. Полностью сбор махорки закончить не позднее 1.09.43 г.

Выписка из заседания бюро ВКП(б)

от 24 ноября 1942 г.

Бюро ВКП(б) обязывает:

Председателю райкомитету Мызгину организовать силами членов МОПР вязку перчаток, варежек и носков в свете сбора теплых вещей для Красной Армии, что сбор до сих пор проходит совершенно неудовлетворительно. Вместо 600 пар вязок собрано 194 пары, из 300 полушубков собрано 23, вместо 3 460 вещей собрано 403.

Зав. парткабинетом Мызгину систематически помогать руководителям агитколлективов и агитаторам проводить совещания групп и консультации о достижениях лучших колхозников, колхозов, работ предприятий, лучший опыт.

Выписка из заседания Бюро РК ВКП(б).

4.10.41 г.

Утвердить состав райкомиссии по сбору теплых вещей для Красной Армии в количестве 7 человек: председатель — Узляков, заместитель — Рыков, члены комиссии: Сытко, Мейрович, Мызгин, Бондарев, Мухина.

Д. А. Салацкая
Арт-галерея «Dias»

АРТ-ПЛЕНЭР КАК ВИД ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЧАСТНОГО МУЗЕЯ НА ПРИМЕРЕ АРТ-ГАЛЕРЕИ «DIAS»

Арт-пленэры в России начинают свою историю еще в XIX веке. Примером служит старейшая в России «Академическая дача им. И. Е. Репина», которая была открыта в 1884 году. Репинская традиция писать всем вместе тематические этюды под открытым небом сохранилась в Доме творчества до наших дней. Так же хорошо известен Дом творчества «Челюскинская», который был создан специально для работы художников-графиков и расположен в живописных дачных местах Подмосковья. Еще один пример — Дом творчества «Горячий Ключ», расположенный в небольшом курортном городе Горячий Ключ на правом берегу реки Псекупс, одном из красивейших мест Краснодарского края. Хорошо известен и Дом творчества художников «Старая Ладога» — творческая база Художественного фонда РСФСР, существовавшая в середине и второй половине XX века в Ленинградской области на правом берегу реки Волхов, напротив села Старая Ладога.

И. П. Беляева, жена заслуженного художника РСФСР, многолетнего руководителя творческой базы в Старой Ладоге Д. В. Беляева, пишет: «Это было одним из лучших времен Советского Союза. Бесплатные художественные базы по стране, где художники имели мастерские, комнаты для жилья, где их хорошо кормили,

куда доставляли из города и увозили обратно, где они в течение срока — двух месяцев могли творчески работать, как хотели. Где они были близки к природе. Когда об этом Дмитрий Васильевич рассказывал художникам в Париже...», в ответ раздавалось скептическое: «О-о-о! Пропаганда!» [1, с. 14].

Влияние Домов творчества на художественную жизнь было очень велико. У художников со всего Советского Союза была возможность приехать туда и работать в условиях, организованных для профессиональной работы и обустроенного быта. Так решались самые основные задачи — обмен опытом и получение новых впечатлений, установление контактов между художниками из разных регионов, приверженными разным стилевым течениям.

Судьба творческих дач после перестройки сложилась по-разному. Более благополучной, чем у других творческих баз художников (например, того же Дома творчества художников в Старой Ладоге), оказалась судьба Академической дачи, хотя и она переживает сегодня тяжелые времена, сохраняя скорее историческое значение.

В настоящее время профессиональные дома творчества только начинают возрождаться. Пример тому — «Челюскинская», где с 2017 года формируются группы для подготовки к региональной выставке «Сибирь–XII». В Доме творчества предоставляются условия для работы как печатных видов техники, так и уникальных видов. Работа печатника литографии оплачивается дополнительно. Проживание, питание и проезд производятся за счет участников.

На смену творческим дачам пришли частные галереи. Как считает Н. Суворов, «...в конце 1980-х... отечественное искусство вступило в новый этап — закончилась его изоляция... возникла острая потребность в специфической аккумуляции произведения современного искусства. Таким аккумулятором

стали художественные галереи» [2, с. 32].

«Практика галерейного дела — живой и динамичный процесс, включающий в себя работу с художниками, коллекционерами, покупателями, журналистами, устройство выставок и аукционов, участие в акциях» [2, с. 172]. От себя добавим — и проведение пленэров.

Ко времени появления частной иркутской Арт-галереи «DiaS» творческие дачи Союза художников, которые давали импульс новым идеям, возможности профессионального общения, взаимообогащения, критического взгляда художников на свое творчество, практически исчезли. Но возродилась старая форма общения — совместные пленэры.

Арт-галерея «DiaS» была создана частными лицами, супругами Дианой Салацкой и Робертом Кшиштофорски в 2009 году. Основу коллекции составляли картины, приобретаемые у сибирских художников в течение нескольких лет. В число первых приобретений входят работы Анатолия Погребного, Николая Тарасика, Аркадия Урбановского, Александра Муравьева, Виталия Смагина. Первое помещение галереи находилось в цокольном этаже собственного мебельного салона супругов, его площадь составляла 180 м². В 2013 году было построено отдельное двухэтажное здание в историческом квартале города общей площадью 500 м². Коллекция галереи увеличивалась, появились работы художников из других регионов и стран: Андрея Машанова, Вадима Иванкина, Георгия Кичигина, Николая Рыбакова, Михаила Омбыш-Кузнецова и др. Галерея начала активную деятельность в России и за рубежом, впервые представив сибирских художников на международной ярмарке «Арт-Москва» (сентябрь 2012), Art-China (сентябрь 2013), Art-Canton (ноябрь 2013), Asia Contemporary Art Show (май 2014), Art Fair (Guangzhou, декабрь 2013). Галереей выбрано несколько направлений деятельности, в том числе и проведение пленэров.

История пленэрной деятельности

галереи началась с 2012 года. Летом 2012-го состоялся пленэр в Монголии, организованный Иркутским художественным училищем им. И. Л. Копылова. Арт-галерея вошла в состав партнеров, являясь одновременно участником пленэра. В группу были приглашены художники Иркутска (С. Жилин, Д. Лысяков, С. Шоболов), Новосибирска (В. Иванкин), Красноярска (С. Ануфриев), Омска (А. Машанов), Братска (В. Никишин). В течение двух недель художники знакомились с бытом, культурой, творчеством монгольских коллег, накапливали эмоции и потенциал для дальнейшей работы с пленэрным материалом. Нам, новичкам в этом направлении деятельности, сложно было координировать действия двух групп. Возникали трудности с передвижением большой группы (больше 20 человек), но благодаря огромному опыту руководителя группы И. Г. Федчиной все проблемы решались быстро и не наносили вреда процессу.

В том же 2012 году состоялся следующий, второй пленэр в Польше. По приглашению польской частной галереи художники из Иркутска Д. Лысяков, С. Шоболов, Р. Присяжников, читинский художник В. Скроминский в течение 10 дней жили и работали в польском городе Жешув. Художники тесно взаимодействовали с молдавскими, украинскими, польскими коллегами, посещали музеи и галереи. После завершения пленэра был организован вернисаж, многие работы наших авторов были приобретены польскими ценителями искусства.

В 2013 году Арт-галерея организовала несколько пленэрных групп художников на остров Ольхон. На легендарном острове озера Байкал удалось найти комфортное для работы и проживания место, которое стало нашей постоянной базой. Гостевой дом «Воскресение» не обладал опытом приема художников, и нам приходилось на ходу изобретать как способы работы при любых погодных условиях, так и возможность просушки картин на крышах и заборах. База была способна

принять 10-12 человек, желающих окзалось гораздо больше, и мы заселяли гостей в юрты и палатки. Творческая атмосфера, возможность общения, красота острова, его магическая сила давали огромный заряд творческой энергии, поэтому художники были рады любым условиям проживания. Мы сразу определили приоритеты работы: полная творческая свобода и железная дисциплина. Художники вольны писать что хотят, чем хотят и сколько хотят. Организаторами был создан план мероприятий, который включал презентацию автора-участника в виде рассказа или слайд-шоу о себе и своем творчестве, презентацию деятельности галереи «DiaS», семинары по проблемам современного искусства, которые проводились искусствоведами и историками (А. Ермаков, В. Есипов, И. Федчина). Также проводились мастер-классы как для участников пленэра, так и для местного населения, в том числе и детей (рисунок, дудлинг, акварель, флористика). Для такого места, как поселок Хужир, подобные акции — событие. Жители поселка не избалованы культурными мероприятиями, и мастер-классы профессионалов для них очень важны.

В план мероприятий пленэра обязательно включаются экскурсии как по Иркутску, Байкалу, так и по тем местам, где непосредственно проводится пленэр. После окончания пленэра стало традицией проводить две выставки: вернисаж под открытым небом на турбазе в последний день пленэра и отчетную выставку-продажу сразу по возвращению в помещении Арт-галереи «DiaS». Многие художники возвращаются домой не только с новыми впечатлениями, но и с деньгами.

С 2015 года начинается новый этап пленэрной деятельности галереи. Впервые состоялся совместный с Красноярским союзом художников международный пленэр «Краски Ольхона» на острове Ольхон. В нем приняли участие 28 художников из Иркутска, Хабаровска, Красноярска, Москвы, Уссурийска, Улан-Удэ, Омска,

Курильска, Санкт-Петербурга, Армении, Латвии, Великобритании и Китая. По приглашению Красноярской региональной организации ВТОО СХР пленэр посетили почетные гости: директор Музея русского искусства в Харбине, почетный член Российской академии художеств, действительный член Академии художеств мира «Новая эра» господин Лю Минсю; проректор Института искусств Шаньдунского университета профессор Ван Мин Чан.

С 2016 года стало возможным выбирать не только сезон, но и место работы. Мы расширили границы деятельности и впервые провели пленэр в пос. Аршан республики Бурятия. В этом сезоне принимали участие художники из Иркутска, Ангарска, Хабаровска, Красноярска, Улан-Удэ, Новосибирска, Омска, Якутии и Нью-Йорка. Всего в двух потоках участвовало более 30 человек.

Курортный поселок Аршан — известное и популярное место отдыха в живописном районе Бурятии, он расположен в Тункинской долине у подножия Тункинских гольцов на высоте почти 1 000 м над уровнем моря. Поселок со всех сторон окружен горами, поросшими густым лесом. Кристально чистый воздух и великолепная девственная природа курорта дарят хорошее настроение, пробуждают вкус к жизни и творчеству.

В 2017 году, юбилейном для пленэрной деятельности, галерея смогла предложить художникам на выбор уже три места проведения пленэра и три сезона — весна, начало и середина лета. Расширение границ проведения пленэров и появление новых участников стало устойчивой тенденцией. Так, в первом сезоне 2017 года (Утулик) было 8 человек, из них четверо новых участников, а во втором при общем количестве 28 человек новых участников было 13. Не может не радовать тот факт, что у пленэров появились постоянные участники: В. Скроминский (Чита), В. Тимофеев (Омск), Н. Стрижнева (Красноярск), Д. Лысяков, Р. Присяжников, А. Имедеев, В. Дерезанова (Иркутск).

Разработано положение о проведении ежегодного международного пленэра «Краски Сибири–2017», получившего такое название после расширения географии пленэров в 2014 году.

В задачи и цели пленэра входят:

— поддержка и популяризация профессионального изобразительного искусства Сибири, РФ и позиционирование его в международном культурном пространстве;

— расширение международных и межрегиональных связей, гармонизация межнациональных отношений;

— укрепление сотрудничества среди художников, между странами, субъектами РФ;

— организация обмена опытом, развитие сотрудничества в области профессионального изобразительного искусства;

— реализация художественных проектов с привлечением профессиональных художников ближнего и дальнего зарубежья, России и Иркутской области;

— развитие культурного и событийного туризма в Иркутской области.

При отборе организаторы пленэров стараются учесть возраст их участников, их стилевые предпочтения и техники, особенности художественных школ и творческих направлений разных стран, участвующих в этой форме художественного образования.

География проведения пленэров постоянно расширяется, в 2017 году будет проведен пленэр в Камбодже, в знаменитом на весь мир храме Ангкор Ват. Благодаря опыту работы с посольствами разных стран, Россотрудничеством, творческие поездки галереи будут расширяться.

«...Каждый галерист стремится к расширению диапазона выставочной деятельности, цели и задачи которой могут перерасти пространство данного города и границы страны» [2, с. 110], считает Н. Суворов. Именно это и происходит с нашей галереей. Мы горды тем, что участниками пленэров, которые мы организуем уже пять лет, стали десятки художников разных стран, регионов России, разных школ и разных возрастов.

Литература:

1. Беляева И. П. Слово жены // Дмитрий Беляев: Альманах: Вып. 293. — СПб: Palace Editions, 2010. — 208 с.

2. Суворов Н. Н. Галерейное дело: Обращение произведений искусства. СПб: Лань, 2015. — 288 с.

Эбигейл Томсон,
 стипендиат гранта Фуллбрайт
 «Ассистент преподавателя английского
 языка»

ГОД В РОССИИ

Еда в России, конечно, иная, чем еда в США, по многим причинам. Во-первых, культура питания в России, особенно в Иркутске, предполагает в основном питание дома и не обращает большое внимание на то, чтобы попробовать новые блюда в ресторанах. В США я обычно ем в ресторане много раз в неделю, возможно, даже ежедневно. В университете я ходила в Старбакс каждое утро за кофе, в кафе или в ресторан быстрого питания на обед, и потом я ужинала дома. Но иногда, обычно каждые выходные, я ужинала в ресторане с друзьями. В США я трачу основную часть денег на еду и алкоголь. Попробовать новые рестораны или новые блюда с друзьями — одно из моих любимых занятий, и я придаю большое значение тому, где я ем и что я ем, когда путешествую. Когда у меня будут дети, я, наверное, не буду есть в ресторанах так много. Но вообще мои привычки в еде — обычные для молодых людей в США. Здесь, в Иркутске, кажется, что привычки совсем другие. Я редко слышу от студентов о новых ресторанах, блюдах или напитках, и вообще люди едят дома чаще.

Конечно, есть много других дополнительных аспектов культуры в сравнении с США. Например, рестораны здоровой еды и фастфуды здесь встречаются реже, и не так популярны, как в США. Я скучаю по фастфудам, таким как Panera, McDonald's, Chipotle и Arby's. Также обычно в любом городе США есть много ресторанов, которые предлагают разные виды еды, такие как японская, китайская, мексиканская и тайская. Я особенно скучаю по тайской и

индийской кухне. Количество и разнообразие продуктов в магазинах здесь меньше, чем в США, поэтому я не могу готовить много американских блюд в Иркутске. Но русская еда вкусная. Я люблю есть чебуреки и позы, и я буду скучать по чебурекам, когда я уеду. Холодец, сало и селедка под шубой слишком странные для меня по вкусу, но я попробовала.

В заключение скажу, что кофе и чай в России — самые вкусные в мире, я буду тосковать по ним и грустить, когда у меня не будет доступа к ним.

ЛЮДИ

Во-первых, у людей в России странные и абсурдные отношения с температурой тела. Им всегда холодно, несмотря на фактическую температуру на улице. Когда я нахожусь в любом здании в России, каждый раз мне слишком жарко. Кроме того, когда на улице температура экстремально низкая, я потею из-за толстой одежды, которую ношу. Я бы носила менее толстую одежду, но если бы я носила то, что хотела, то русские бы подозрительно смотрели. Но это очень важный и, может быть, интересный факт, как русские живут — здесь, в России, всегда жарко.

Во-вторых, русские ведут себя совсем иначе, чем американцы. На улице людям, которых они не знают, русские часто не говорят «спасибо», «извините» или «пожалуйста», и они, как говорят, редко улыбаются на улице. Однако если русский станет вашим другом, он много сделает для вас. При закрытых дверях русские — шумные, словоохотливые, эмоциональные и внимательные. Они такие гостеприимные и приветливые к иностранцам. Я думаю, что, может быть, только два человека в России были грубыми со мной.

Также русские не едят. Обычно, когда я провожу время с русскими, они не едят, и я всегда голодная. Но иногда, наоборот, русские едят слишком много для меня. Эта тайна, это меня всегда удивляет, и я этого никак не понимаю.

Русские такие спокойные. Они про-

сто принимают вещи, которые происходят, например, плохая погода или опоздание. Может быть поэтому, я заметила, русским нравится читать и смотреть печальные и глубокие произведения больше, чем другие. Наверное, «нравится» — неправильный глагол, но кажется, что русским надо читать и смотреть эти вещи. Надо понимать эту глубину русского характера, чтобы понимать русских людей.

ГОРОД

Размер Иркутска больше, чем любого города, в котором я жила в США, но интересно, что Иркутск кажется меньше, потому что часто, когда я гуляю по городу, я встречаю кого-то знакомого. В маршрутке, в кино, в магазине, на улице — не важно, я всегда вижу кого-то. Это странно, так как я прожила здесь только девять месяцев, но мне, конечно, нравится.

Когда другие «фулбрайты» приезжают в Иркутск, я люблю показывать им город. Достопримечательности здесь включают в себя много памятников, такие как бабр в сто тридцатом квартале, Александр III у реки, Яков Похабов тоже у реки. Мои любимые памятники — Гагарин на (конечно) бульваре Гагарина, учительница и школьники на Нижней набережной, Ленин на Ленина и турист на Карла Маркса. Я люблю бегать по утрам по городу, особенно мимо Ленина и Гагарина. Когда мои друзья приезжают сюда, мы обычно едим в одном из моих любимых ресторанов здесь — Prego, Chento или Kimchi.

Я часто смотрю фильмы в кинотеатре «New Cinema» в торговом центре «Новый», потому что мне очень нравятся люди, которые работают там, и кресла такие комфортные. Мне также нравится смотреть спектакли в драматическом театре, и я часто сижу на улице в сто тридцатом квартале, пока пью вино, слушаю музыку от музыкантов (на улице) и работаю. Я ненавижу ездить на автобусе, потому что всегда заболела в автобусах, но я знаю, что в Иркутске система общественного транспорта очень хорошая. Поэтому я всегда езжу на маршрутке. Магазины здесь хорошие,

и у Иркутска много торговых центров, что всегда мне кажется удивительным. Я часто заказываю пиццу или суши домой — суши здесь готовят вкусно.

Я могу говорить об Иркутске весь день. Город — странный для меня и полный приветливых и прекрасных людей, и здесь было много сюрпризов для меня. Я, конечно, буду скучать по моим любимым частям города: по моим пробежкам на бульваре Гагарина; восходам, которые видно с Иерусалимского кладбища (весной это просто великолепное место); летящим самолетам, которые видно из моего окна; прогулкам на улице Карла Маркса, когда старая американская музыка играет из динамиков; и по запаху черемухи утром, когда я иду на работу.

ТРАДИЦИИ

Когда я думаю о русских традициях, я думаю о русских праздниках, так как их много. Такие праздники, как День города, День победы, Женский день, День труда, День России, День защитника отечества и Родительский день — некоторые праздники похожи на наши, но мы отмечаем их совсем по-другому, а некоторых у нас нет. И конечно, наш самый большой праздник — Рождество, а не Новый год. Но что я знаю точно: русские любят отмечать, и они любят свои праздники.

У русских много маленьких привычек, которых нет у американцев, например, субботники и то, как они дарят подарки. Когда русские дарят людям подарки или даже когда они поздравляют кого-то, они говорят много, и все их мысли такие глубокие и личные. Для американцев эта привычка очень некомфортная и неудобная, потому что мы просто говорим другу другу «Поздравляю» или «С днем рождения», или что-то похожее, и это все. Поэтому, когда русские дарят нам подарки или поздравления, мы никогда не знаем, что сказать. Также цветы — очень популярный подарок в США, но в России значение цветов более важное, чем у нас.

Другие традиции — у нас нет Масленицы. Когда мы отмечаем Пасху, у нас

пальмы, не вербы, и у нас нет кулича. У нас нет «последнего звонка», и учебный год начинается в разные даты везде в США, не первого сентября. Брак не так важен и распространен, как здесь, и все пожимают руки независимо от пола.

БАЙКАЛ

Байкал — великолепное место, как никакое другое. Первый раз, когда я увидела Байкал, — его размер, красоту и цвет — я сильно удивилась, хотя много знала из своего исследования. У Байкала много аспектов, которые так уникальны, когда мы представляем их вместе, например, его глубина, размер и прозрачность. Я понимаю, почему много людей, которые живут вокруг Байкала, и даже иркутян, говорят о Байкале как о человеке. У Байкала есть тайна, и традиции, связанные с Байка-

лом, конечно, усиливают это чувство. Шаманы, которые живут на Байкале, кажутся мне и умными, и сумасшедшими, но этот факт просто логичен, так как они живут у Байкала. Легенды, особенно главная легенда о Енисее, Ангаре и Байкале, очень романтичные и прекрасные, и я понимаю, как появилась такая сильная и волшебная культура Байкала.

Каждый раз, когда я ездил на Байкал, неважно куда, я очень уставала. Почему? Я не знаю. Зимой, я думаю, уставала от страха смерти после поездки по льду или по крутым горам. Но летом? Я не уверена. Может быть, я уставала, потому что жизнь чувствуется важнее и сильнее на Байкале. Все такое красивое и серьезное, и поэтому я думаю обо всем больше и глубже, чем обычно.

Станислав Гольдфарб

А. Д. ГОРЕМЫКИН:
«...ЛИБО В ГЕНЕРАЛ-
ГУБЕРНАТОРЫ, ЛИБО
В СТЕНЬКИ РАЗНЫ!»

ВСТРЕЧА НАСЛЕДНИКА ЦЕСАРЕВИЧА НИКОЛАЯ

Пожалуй, первым серьезным испытанием в новой должности для А. Д. Горемыкина стала организация встречи наследника-цесаревича Николая, будущего императора, который возвращался в столицу из длительного путешествия на Восток. Подготовка к встрече началась еще осенью 1890 года, а сама поездка пришлась на лето 1891 г. Конкретно в Иркутске наследник-цесаревич был 23-25 июня.

Ситуация осложнялась тем, что в Японии на цесаревича было совершено покушение, и далее любое участие наследника в общественных мероприятиях сопровождалось усиленными мерами безопасности.

Так что задолго до прибытия наследника в Иркутское генерал-губернаторство началась подготовка.

А. Д. Горемыкин готовился к встрече тщательно и продуманно, по-военному четко. Забегая вперед, скажем, что все, что касалось встречи и проводов наследника, его поездки по территории Иркутской и Енисейской губерний, прошло без заминки и происшествий. Горемыкин лично участвовал в разработке маршрута, писал инструкции по безопасности, оценивал и исправлял элементы праздничного декора, сам проехал по главным пунктам остановки. Так, ему не понравились праздничные арки, и Правитель канцелярии Моллериус отправляет срочную

телеграмму в Кимельтей: «Генерал-губернатор, найдя сельские арки иркутского округа однообразными, бедно украшенными, приказал распорядиться оставить высокими елками, гуще увить гирляндами, по возможности разнообразнее украсить. Примите соответственные меры. Распоряжения о посуде одобрены» (1).

Заблаговременно были созданы «Инструкция комендантам, назначенным в места остановок Высочайшего поезда», «Дополнительная секретная инструкция Комендантам, назначенным в места остановок по пути следования Государя Наследника Цесаревича», «Ведомость продуктам», «Ведомость о наряде нижних чинов в пунктах по пути следования Его Императорского высочества Государя Наследника Цесаревича по округу».

Сложной и щепетильной стала проблема наличия в Иркутске и в других населенных пунктах политических ссыльных. Многие из них уже отбыли сроки, зарекомендовали себя на педагогическом, научном, юридическом поприще, но свита наследника, которая путешествовала с ним, и центральная власть, напуганные событиями в Японии, страховались и требовали от местных чиновников абсолютной гарантии безопасности. Вполне естественно, что доверия к политссыльным, многие из которых входили в подпольные молодежные организации, в том числе народовольческие, не было. Между тем Горемыкин должен был понимать: успешный во всех отношениях визит — в интересах территории, да и его собственной судьбы тоже. В правительственных кругах хотели, чтобы первый визит наследника в Сибирь не был ничем омрачен.

Среди политссыльных пошли слухи, что Горемыкин собирается на время нахождения цесаревича в Иркутске выслать их всех подальше от губернского центра. Один из очевидцев событий, бывший политссыльный П. Торгашев вспоминал:

«Нас всех тоже волновало и беспокоило, что предпримет Горемыкин по

отношению к нам. У меня переговоры с управляющим палатой начались заблаговременно.

«Кажется, Горемыкин, — сказал мне однажды управляющий, — намерен вас и ваших товарищей на время проезда выслать из города. Я на днях узнаю. И если он задумает высылку, я вам дам командировку куда-нибудь в сторону от тракта. Недели две проездите, проветритесь. Это будет лучше».

Через несколько дней управляющий палатой сообщил мне, что Горемыкин решил никого из нас не трогать, а потому и командировку незачем устраивать. Я передал товарищам это сообщение, и все успокоились. Но, как выше я говорил, Горемыкин, прижатый в последнюю минуту полицмейстером, дал ему *carte blanche*. А этот ретивый служака обманом пригласил каждого из нас отдельно к себе, а затем отправил в тюрьму, где всех нас заключили в одну большую камеру...» (2)

Не обошлось без казусов. В дни проезда цесаревича насильно окрестили группу бурят. К Горемыкину явилось десять бурят Балаганской степной думы с жалобой на исправника и архиерея, обвиняя их в насильственном крещении. В версии Торгашева это звучит так:

«Горемыкин принимал по делам всех в общем большом зале. Выйдя к просителям, генерал прежде всего подходил к лицам попроще, а если были инородцы, то к ним первым. Так было и на этот раз. На моих глазах такая сцена.

Из группы бурят выделяется один и подает генералу прошение. Горемыкин, взяв прошение, не читает его, а говорит буряту:

— Ну, расскажи, о чем просишь?

— Крестил, вашество, насильно, насильно крестил!.. — кланяется низко бурят.

— Что такое? Насильно крестил?.. Что за ерунда?.. Кто кого крестил?..

— Меня крестил... насильно крестил... большой халамандрит приезжал... халамандрит (так буряты

называли архиерея — Торгашев) меня насильно крестил! — снова кланяется бурят.

— Ничего не пойму! — удивляется генерал. Но так как он любил всегда разъяснять просителям все подробно, то и говорит:

— Крестить по догматам православной церкви насильно нельзя... Пока не убедится, что желающий принять православие понял и проникся новой верой, его не будут крестить... — и пошел, пошел в этом роде. — Понял? — закончил генерал.

Но бурят, терпеливо выслушав лекцию о порядке крещения, снова кланяется.

— Крестил насильно, вашество...

— Ничего не понимаю... Ну, хорошо! Я разберу... А тебе что? — обращается Горемыкин к другому буряту.

— Крестил, вашество, насильно крестил... Николай называл... Каталажка держал...

Горемыкин начинает нервничать, но, желая загладить неприятную историю (в приемной было много разных просителей и представляющихся), вздумал шуткой отделаться. Увидев среди бурят верзилу чуть ли не в сажень, говорит ему:

— Ну, и ты скажешь, что тебя насильно крестили?..

— Крестил, вашество, крестил!.. Я убежал... много бежал... Меня поймал... пять человек держал... халамандрит воду поливал... Потом исправник зубы давал, зачем много бежал.., — разъяснил верзила-бурят.

В зале раздался сдержанный хохот. Горемыкин окрысился на ближе стоявших.

— Ну хорошо, идите с Богом... я разберу — обратился он к бурятам» (3).

Оказывается, этот случай уже давно обсуждался в местном обществе. И все знали о сложных отношениях генерал-губернатора и епископа Вениамина. Торгашев считал, что между ними была вражда. А поводом стали вроде бы незначительные размолвки по поводу того, где стоять

солдатам для парадного развода перед собором. Случилась перебранка и «письма обоих в столицу». «Горемыкин писал в Петербург, и Вениамин писал в Петербург, а пока что пускались на военные хитрости.

Пришел развод к собору, а на спорном месте уже стоит амвон, чаша для освящения воды и т. п. На другой раз рано утром причт торопился занять место, а там уже ходит часовой, поставленный еще ночью.

Так и воевала духовная власть со светской, и этому враждебному настроению придавали много значения, на него возлагали надежду, что Горемыкин воспользуется «миссионерским фокусом» Вениамина» (4).

А что касается случая с крещением, то это были местные трения. От епископа пришла бумага — найти по одному буряту от улуса для крещения. Исправник, в свою очередь, приказал старшинам найти по одному человеку, их набралось 66. Он запер их в каталажку и отпраповал епископу, что все сделано, утром их крестили. Скандал дошел до столицы.

У Горемыкина сложились хорошие отношения с цесаревичем-наследником, и это сыграло свою роль в дальнейшем, когда тот стал императором. Есть предположения, что, кроме ритуальных представлений императору, у них происходило и неформальное общение. Николай II помнил о замечательном приеме в Иркутске, не отказывал Горемыкину как генерал-губернатору в его просьбах при решении тех или иных местных вопросов, а в конце, уже назначив его членом Государственного Совета, дал отличную характеристику всему, что тот сделал за время своего управления огромным краем.

ЖИЗНЕННЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ

Когда мы говорим о генерал-губернаторах — чиновниках столь высокого ранга, то следует понимать, что, за редким исключением, их жизнь была очень

закрытой. Мало кто из них занимался целенаправленно саморекламой. И, конечно, не только в силу воспитания и личных представлений, но и потому, что они считали себя слугами государя и отечества, а следовательно, им надлежало служить, а не заниматься популяризацией собственной персоны.

Механизмы продвижения по карьерной лестнице в России в конце XIX — начале XX века, не исключая традиционных способов, видоизменялись во времени. В основном, высшие чиновники в губерниях были карьерными людьми, видевшими императора или его министров несколько раз за всю жизнь, но зато имевшими хорошие послужные списки, участвовавшими в большом количестве в военных походах, проведении реформ, управлении губерниями...

Светской жизнью больше интересовались их жены, что принималось местным обществом вполне спокойно.

Каждый генерал-губернатор имел собственные взгляды на актуальные проблемы своего времени. Но личные архивы генерал-губернаторов словно подверглись «чистке». Архивное наследие Иркутского военного генерал-губернатора А. Д. Горемыкина — не исключение. Как такового его и нет. Сделаем важное уточнение. Когда мы оперируем понятием «взгляды», то ведем речь прежде всего о широком спектре человеческих представлений о жизни: любви и дружбе, эмоциях по отношению к тому или иному событию, отношении к государству, законам, политике и т. п. Одним словом, обо всем, что может волновать человека. Чиновник постоянно и без устали должен реагировать на проблемы в текущей ситуации, и потому у профессиональных чиновников, а Горемыкин был именно из этой когорты, жизненные представления складываются зачастую не только в виде системных концепций, но и в результате удачных или неудачных действий. Потому что траектория его жизни и деятельности — служба «государю и отечеству», а оце-

нивать его труд будут как раз примерами принесенных пользы или вреда государю и отечеству. И все!

Есть и еще одна проблема в реконструкции представлений о жизни дореволюционного провинциального чиновничества, пусть даже и такого уровня, и событий, относящихся к эпохе Российской империи. Идеологическая концепция правящей партии с 1917 года строилась исключительно на отрицательных характеристиках всего, что было связано с монархией и с большинством исторических деятелей того времени. Разумеется, это не касалось народных героев России, декабристов, революционеров и т. п. На протяжении десятилетий большинство и профессиональных историков, и просто интересующихся историей в СССР благодаря мощной пропаганде общепринятой директивой искренне считало (или делало вид, что искренне), что если имперское государство принимало тот или иной закон, то он обязательно был направлен на ухудшение положения населения. Разумеется, в такой системе координат главный злодей — император, чиновник высокого уровня, реакционер и проводник имперского зла. На деле так было не всегда. Горемыкин желал следовать закону. В одном из писем он писал Якутскому губернатору: «...Я вынес убеждение, что большинству дел по существу дано соответствующее направление... Замеченные отклонения от точного требования закона главным образом производились в зависимости от неверного изучения и понимания законоположений нашими полицейскими чинами и от недостаточно внимательного отношения к нуждам как общества, так и отдельных просителей, со стороны этих лиц...» (5) Таких высказываний немало, и не задуматься над ними нельзя. И чтобы понять свою историю, мы обязаны прорваться через дебри предрассудков и ложных заключений.

Александр Дмитриевич Горемыкин видится нам человеком консервативных взглядов. Пожалуй, единственная харак-

теристика, где дается такое определение его воззрениям, принадлежит политическому ссыльному М. Кролю. Перед нами очевидец и участник событий последней четверти XIX века. Вот что он писал в своих интереснейших мемуарах: «Когда я приехал в Иркутск, генерал-губернаторский пост занимал там генерал Горемыкин. Он был человеком весьма консервативных взглядов, но внутреннее чутье ему подсказывало, что в Восточной Сибири ультрареакционная политика неуместна» (6). Далее мемуарист объясняет свои слова: «Александр III находил большую опору в консервативном, нередко крепостнически настроенном дворянстве, но Сибирь никогда не знала крепостного права и не имела представления о «благородном» дворянском сословии. «Верхний слой» в Сибири состоял почти исключительно из «самородков», выбившихся в люди только благодаря своей личной энергии и выдающимся способностям. Они поднимались вверх из самой гущи народной. То были разбогатевшие крестьяне или даже потомки каторжан и поселенцев. Эти пионеры создали и сибирскую торговлю, и транспорт, и столь прославленный золотой промысел, и естественно, что они гордились той созидательной ролью, которую они играли в сибирской жизни. Сибирский купец, золотопромышленник или владелец универсального магазина был чем-то совсем иным, нежели «российские» купцы. Они требовали к себе уважения и при всех случаях жизни держали себя с большим достоинством. Генерал-губернатор Горемыкин сумел найти тон, которым надо говорить с этой своеобразной сибирской буржуазией. Он также правильно понял характер тех отношений, которые должны установиться между ним и культурным слоем сибирского общества, чтобы он жил с ними в мире» (7).

«Генерал Горемыкин, — продолжает Кроль, — к счастью, не был ни Угрюм-Бурчеевым, ни Держимордой, и этого было достаточно, чтобы в Иркутске годы его управления дышалось более или менее

свободно, и чтобы деятельность местных общественных и научных работников дала хорошие результаты» (8).

Еще одно существенное замечание М. Кроля: «Со смертью царя Александра III мрачная реакция стала немного сдавать. И в Иркутске тоже чувствовали, что что-то в России переменялось... Быть может, политика генерал-губернатора Горемыкина тоже была отголоском едва-едва заметной перемены, происшедшей со смертью Александра III в высших правительственных сферах» (9).

Все генерал-губернаторы не очень жаловали оппозиционную печать. И потому высокие чиновники время от времени либо сами брались за цензуру изданий, либо назначали туда доверенных лиц.

Вот как оценивал А. Д. Горемыкина-цензора политический ссыльный П. Торгашев: «Газету вести бывало подчас трудновато. Цензура сильно временами теснила. Особенно, когда получала хлопбучки из Питера. В таких случаях Горемыкин набрасывался на редактора, а сам держал цензуру. Это было на руку газете — самые смелые (по тогдашнему времени) статьи проходили при цензуре генерала. Помню такой случай.

По случаю смерти Александра III «Восточное обозрение» написало передовую статью. Горемыкин не пропустил, найдя ее крамольной. Редакция не хотела давать другую. Горемыкин требовал статью, грозя не выпустить номера. Тогда редакция составила новую, очень краткую. Там было сказано, что за тринадцать лет царствования в бозе почившего императора было проведено тринадцать таких-то реформ (все ретроградные) — и только тогда Горемыкин пропустил и поблагодарил редактора за объективность статьи. А через месяц из Петербурга от цензурного комитета получилась сильная головоломка. Чуть-чуть газета не погибла» (10).

По воспоминаниям И. И. Попова, А. Д. Горемыкин требовал к себе на прочтение фельетоны Иллича (В. С. Свитыч-Иллич, автор газеты «Восточное обозре-

ние»). Это сердило автора, и однажды он написал фельетон «Часы», где вывел цензора — чиновника особых поручений Щербо-Равича и генерал-губернатора Горемыкина. Цензура фельетон прочла, но ничего предосудительного не обнаружила, и он появился в печати. «Наутро иркутяне с удовольствием прочли фельетон и в длинном господине узнали Равича-Щерба, а в полном с палкой в руках — Горемыкина, который в момент, когда «глагол времен» должен будить людей и возвестить миру радость, дотронулся до механизма своей палочкой, и часы вместо бодрого боя издали одно хрипение. А. Д. Горемыкин, конечно, узнал потом себя и всем говорил, что не счел возможным зачеркнуть фельетон, а дал возможность Илличу «продернуть» его и цензуру.

...После Свитыча фельетоны в «Восточном обозрении» стали писать Е. А. Перфильев и А. Н. Варенцов — оба под псевдонимами. Первый подписывался «Z», а второй — «П. Золин». Перфильев был старшим ревизором акцизного управления, стоял близко к нашему кружку, часто приходил на журфиксы и импровизировал злободневные юмористические рассказы. Я убедил его писать. Опыт вышел удачным. Фельетоны его были написаны простым литературным языком, без всяких особенных словечек. Начальник его Синеуцкий одобрял и поощрял писательства Е. А., а Горемыкин журил его, указывал, что его чиновники продергивают генералов в красных лампасах» (11).

А вот что рассказывал в своих воспоминаниях А. А. Корнилов: «В «Восточном обозрении» Заичневский вел иностранный отдел, и я помню, как Горемыкин, который лично цензуровал «Восточное обозрение», и, надо сказать, цензуровал очень строго, говаривал мне, не скрывающему от него своего участия в этой «антиправительственной» газете: «Умный человек у вас Заичневский и с большим интересом читаю я всегда его статьи по иностранной политике, — но только чудак! Охота же ему писать

так много для меня, единственного читателя, потому что ведь почти все, что он пишет, я велю зачеркнуть красными чернилами». Я передал этот отзыв генерал-губернатора самому Заичневскому и помню, как он добродушно смеялся» (12).

Кстати, самого Корнилова, которого в Иркутске считали человеком левых взглядов, Горемыкин очень ценил и уважал, хотя и называл «мой красный чиновник» (13).

Обратимся к воспоминаниям П. И. Торгашева, который был осужден в 1883 г. военно-окружным судом по политическим мотивам как государственный преступник. Какое-то время он жил в Верхнеудинске и Баргузине, а потом оказался в Иркутске. В своих «Сибирских воспоминаниях» (1883–1900 гг.), опубликованных в журнале «Голос минувшего», он уделил много места А. Д. Горемыкину.

Есть в воспоминаниях несколько сюжетов, которые характеризовали отношение Горемыкина к ссыльным и политссыльным.

В воспоминаниях современников, которые были опубликованы, А. Д. Горемыкин представлен фигурой противоречивой. Литератор Александр Амфитеатов, познакомившийся с Горемыкиным в 1896 году на Всероссийской выставке в Нижнем Новгороде, вспоминал о нем, как о человеке либеральных взглядов: «А. Д. Горемыкин был, кажется, лишь однофамилец, даже не родственник пресловутому министру внутренних дел и, в противность ему, имел репутацию сановника либерального. Он был очень общителен, не дурак выпить и охотник поговорить. Мне он крепко запомнился по одной остроумной беседе, когда он, за «красненьким» начав речь от разбойничества в «вверенном ему крае», то есть в Восточной Сибири, пустился с большим жаром доказывать В. И. Ковалевскому, М. И. Кази, С. Т. Морозову, мне и еще нескольким собеседникам, что над русским народом тяготеет некое таинственное заклятие. Между его даровитыми людьми совсем

нет людей, пригодных для средней общечеловечности, а всем открыты лишь две удовлетворяющие душу дороги, две крайности: либо в генерал-губернаторы, либо в Стеньки Разины!..

Кто-то на такой генерал-губернаторский афоризм сделал ядовитое замечание, что, конечно, мол, его высокопревосходительству по опыту лучше знать.

— А что же вы думаете, я себя исключаю? — храбро и даже как бы с азартом возразил нисколько не смущенный Горемыкин. — Отнюдь нет. Если бы я не был генерал-губернатором, то, конечно, наверное, был бы Стенькою Разиным. И скажу вам, что смолоду чувствовал в себе большие задатки, чтобы таковым быть. — Подумал, осушил стакан «красненького» и учительно заключил: — Истинное несчастье наше в том заключается, что даже и в таком скудном выборе нет порядка, но — вечная путаница. Кто мог бы быть отличным генерал-губернатором, тому то и дело приходится идти в Стеньки Разины, а кому бы как раз впору Стенькою Разиным быть, тех сажают в генерал-губернаторы».

Вместе с тем Амфитеатрова поразило, что Горемыкин тут же рассказал о шести подписанных им за время своего генерал-губернаторства смертных приговорах, все шесть — разбойникам-варнакам за чудовищные убийства целых семейств: «Ни в одной конфирмации не раскаиваюсь, — спокойно, с убеждением закончил он, — дикие звери были».

Вывод, который напрашивается из всех этих сомнений и предположений Горемыкина, может быть самым простым и понятным — в душе генерала нередко шла борьба между «нельзя по закону» и «жалко по-человечески», и где-то там, в глубине дремал «компромисс» между рациональным и идеальным.

Факты свидетельствуют, что Горемыкин вполне сносно относился к политическим ссыльным. В своих записках издатель «Восточного обозрения» И. И. Попов вспоминает, что генерал-губернатор А. Д. Горемыкин с большим уважением

относился к Екатерине Брешко-Брешковской, стоявшей у истоков партии эсеров. Революционерка отбывала в Иркутске поселение после каторги и селенгинской ссылки. Она занималась просветительской работой, сотрудничала в «Восточном обозрении» и помогала ссыльному поляку Вацлаву Серошевскому работать над этнографическим трудом «Якуты». Попов вспоминает, как А. Д. Горемыкин не раз спрашивал у него: «Ну что ваша Брешковская, всё «Якутов» пишет? Ох, уж эти мне якуты. Как бы вместо якутов не вышла целая философия и тактика революционной борьбы в России, написанная в отделе, покровителем которого я состою».

Как вспоминал Торгашев, с первых дней вступления в должность и приезда в Иркутск Горемыкин затребовал списки ссыльных во вверенном ему крае. Генерала интересовало, как выполняется законодательство в отношении этой категории населения. При этом он заявил: «Государственные ссыльные — враги моего государя, а потому и мои враги. Никаких льгот им не давать (речь шла о возможности свободного передвижения по губерниям — С. Г.)». И далее начальник края потребовал, чтобы любое передвижение политических ссыльных могло осуществляться лишь с его разрешения. «Кроме того, он нашел, что Иркутск слишком хорошее место для ссылки и намерен был выселить нас всех оттуда. Поднялся переполох. Все, жившие в Иркутске, уже отбыли первые стадии ссылки и имели право тут основаться. После долгих препирательств их оставили в покое, но новых решено было не пускать в Иркутск.

Суровый приказ для иногородних разрешился довольно комично. Есть город Балаганск, где жили ссыльные, жила полиция и очень мало обитателей. Городок на половину был пуст. Балаганск отделялся рекой Ангарой от большого, оживленного села Малышевки. Фактически Малышевка была городом, а Балаганск его слободой. За всякой надобностью, до закупки провизии вклю-

чительно, надо было идти в Малышевку. И вот в силу приказа Горемыкинского необходимо было просить разрешение генерал-губернатора на выезд из Балаганска в Малышевку за покупками. Разумеется, выполнить этот приказ не было физической возможности. Но для ограждения местной полиции ссыльные стали ежедневно заваливать Горемыкина прошениями о разрешении отправиться в Малышевку. Взыла канцелярия генерал-губернатора от получаемой ежедневно груды прошений. Горемыкин растерялся, и приказ был отменен. Были еще попытки репрессий против государственных ссыльных, но все неудачные, а затем установились мирные отношения» (14).

И. И. Попов: «Горемыкин любил либеральничать и щегольнуть своей терпимостью. Иногда разрешал ссыльному из деревни переехать в Иркутск или уездный город. Он говорил — «лежачего не бьют». Он охотно разрешал ссыльным участвовать в научных экспедициях — «для науки я все готов сделать» — и вообще поступать на службу, считая, что занятому человеку некогда заниматься революцией. К политическим ссыльным он относился, пожалуй, лучше, чем к сибирякам, которых считал всех сепаратистами, почему его цензура неукоснительно вычеркивала выражения «наш край», «мы — сибиряки» и противопоставление этому «россияне» и тому подобное.

В общем, взбалмошный, неуравновешенный, он кричал на подчиненных даже на улице, разносил гимназистов за то, что они не встали перед ним во фронт, а если мальчуганы убегали, то посылал ловить их городского или даже своего адъютанта на извозчике» (15).

«Генерал этот был человек честный в бюрократическом смысле, т. е. не причастен к воровству. Жил скромно, что особенно бросалось в глаза после широкой жизни его предшественника гр. А. П. Игнатьева. Говорят, что когда Игнатьев приехал в Иркутск и увидел дом, где ему приходилось жить, то произнес эту фразу:

— И в этой конюшне я должен жить целые годы!

Горемыкин же, прибыв в то же помещение, воздел руки и с умилением воскликнул:

— Благодарю тебя, боже, и моего государя, хоть на старости лет проживу в таком дворце.

Не ручаюсь за достоверность рассказа, но вся дальнейшая (около 10 лет) жизнь Горемыкина была полною противоположностью Игнатьева.

Горемыкин, старый армейский служака, не обладающий административными талантами, решил оправдать оказанное ему доверие точным исполнением данной ему при назначении инструкции. А потому он сразу стал попадать впросак. Враг всякой помпы, он с палкою в руках, без свиты и конвоя отправлялся гулять по городу и от встречных требовал поклона с обнажением головы. Получались целые истории по этому поводу, а иногда и скандалы.

— Я здесь представитель моего государя, — говорил Горемыкин. — Снятие фуражки требую не для себя лично, а как представитель монарха.

К чести Горемыкина надо сказать, что он терпеливо выслушивал всякого смелого человека. И если доводы были убедительны, то он сдавался на капитуляцию. «Шапочный» вопрос таким образом и разрешился. Горемыкину доказали всю нелепость его требования. И генерал скоро стал большинству публики лично известен, на улицах многие раскланивались теперь с ним из вежливости к самому генералу, а не по принуждению» (16).

Такие «исторические анекдоты» ходили не только о Горемыкине. Пожалуй, не меньшую «любовь» в этом отношениинискал другой иркутский генерал-губернатор — Николай Петрович Синельников, который считался «богато одаренной натурой». Вот что, к примеру, писала о нем газета, опираясь на воспоминания одного из чиновников синельниковской администрации П. П. Суворова «Записки о прошлом»:

«Синельников, как можно судить по словам г. Суворова, скоро же приобрел широкую и завидную популярность не только во вверенном ему генерал-губернаторстве, но даже и вне пределов его. «Ну что за молодец ваш генерал-губернатор, — говорил еще в Томске г. Суворову приятель его, богатый сибиряк И. В. Бирюлев. — Вот настоящий правитель. Не только Восточная Сибирь, но и мы готовы ему в ножки поклониться. Представь себе, проезжает внезапно, никого не предвеляя, генерал Синельников прошлою зимою через наш город. Пока он на станции пил чай, случился большой пожар недалеко от почтового дома. Ваш генерал, одетый в меховой казакин, крытый сукном, отправился на пожар. Пришел и видит, что сильно горит, а полицейские власти во главе с полицмейстером стоят да покуривают папиросы. Горячий, должно быть, старик! Он спросил кого-то в толпе, указывая на куривших:

— Это что за люди?

— Наши самые охранители, — отвечает неизвестный. — А вон этот, наш наибольший, значит, сам г. начальник полиции.

Генерал подошел к полицмейстеру. Последний не успел выпустить дым из рта, как Синельников громко обратился к нему:

— Если ты полицмейстер, то твое дело распоряжаться, огонь тушить, а не папиросами забавляться при народном несчастье! Марш на крышу!

Полицейстер спросил: «Вы кто такой? Кто дал вам право командовать мной?» Старик прервал:

— Молчать! Власть у того, кто умеет ею распоряжаться! Я — Синельников. Ваш добрый сосед!

При этом грозном имени и при виде особы величественной осанки вся толпа мгновенно обнажила головы. Полицейские растерялись и тряслись со страху. Через минуту они были уже в огне. И пожара как не бывало. В клубе я слышал, будто бы ваш начальник послал нашему генерал-

губернатору Хрущову следующую телеграмму: «Проезжая через Томск, потушил пожар и распек полицмейстера за равнодушие к бедствию ближнего» (17).

А. А. Корнилов, чиновник по особым поручениям при Иркутском генерал-губернаторе, с которым А. Д. Горемыкин был практически в приятельских отношениях, а впоследствии и вовсе дружил, подал на своего начальника жалобу в Сенат. Причина — запрет со стороны директора народных училищ Иркутской губернии и Иркутского генерал-губернатора допустить в качестве лекторов на народных чтениях частные лица. Вероятно, само по себе событие не стоило бы и внимания, но общественность в Иркутске сильно возбудилась по этому поводу. И вот, Правительствующий Сенат 29 сентября 1899 г., рассмотрев жалобу Корнилова, отменил решение Горемыкина (18).

А. Д. Горемыкин не рукоплескал этому факту, но, что совершенно точно, это никоим образом не отразилось на их взаимоотношениях с Корниловым: они до конца жизни А. Д. Горемыкина оставались теплыми и дружескими.

Еще один случай, характеризующий Горемыкина, привел Торгашев:

«Великий Сибирский тракт — Иркутск–Томск — был сплошной пыткой для проезжающих. Выбоины, провалы летом, а зимою, благодаря снежным заносам, «нырки» глубиною с сажень — это были такие дорожные ужасы, что и описать трудно. Ремонт тракта производился «натуральной повинностью», которая была настоящим бичом для населения и крупной наживой для уездной полиции. При Игнатьеве установили «повозный сбор» с проходящих обозов. Такой сбор достигал свыше 200 000 рублей в год, и эта сумма была назначена на ремонт тракта в 1 500 верст. Попали денежки «повозные» в руки чиновных техников, а тракту от этого не легче. Чем больше на ремонт идет, тем тракт становится более непроезжим.

Поехал Горемыкин на ревизию. Даже подготовленный для его поездки тракт

привел в ужас генерала. Только на одном участке генерал отдохнул, тарантас его плавно покачивало на гибких дрожжинах. Ухабов ни следа, промоин не видать, и по мостам свободный проезд. Удивило это генерала. Потребовал к себе начальника участка.

— Как вы этого достигли? Во что вогнались версту?

Стоимость ремонта на версту поразила генерала своею дешевизной по сравнению с расходами на других участках.

— Да вы кто такой?

— Государственный ссыльный...

— Теперь я понимаю весь секрет, — ударил себя по лбу генерал.

По окончании ревизии тракта произошла коренная реформа дорожного управления. Во главе появился дельный инженер, а большинство начальников участков — государственные ссыльные, как Ляпицкий, Сикорский и др. Масса мелких подрядчиков была избрана также из ссыльных и до самого открытия рельсового пути тракт Иркутск–Томск был в образцовом порядке» (19).

«В другую из своих поездок Горемыкин открыл массу злоупотреблений в волостях. Писаря были, главным образом, из уголовных ссыльных. И Горемыкин порекомендовал поселению приглашать в волостные и сельские писаря государственных ссыльных.

Так постепенно генерал, объявивший вначале войну «врагам государства», должен был сознаться, что эти враги не так уж плохи, и о гонениях, притеснениях уже не было и речи.

Но курьезов было немало. Генерал по многим вопросам был мало сведущ и часто влетал здорово.

Однажды он разнес в пух и прах кандидата на военно-судебные должности З. за то, что тот, явившись к нему, представился таким образом: «Я явился к вашему шеству как поверенный ее, каторжного №, чтобы подать прошение о помиловании...»

— Вы кто такой? — вскипел генерал.

— Кандидат на военно-судебные должности капитан З.

— Не верю!..

— Вашество!.. Я не раз имел честь представляться...

— Не верю!.. Говорю, не верю!.. Не могу верить!.. Капитан службы моего Государя — поверенный сс.-каторжного?!! Да вы с ума сошли?.. — горячится генерал.

Итолько когда Горемыкину разъяснили, что быть поверенным сс.-каторжного совместно со званием капитана, он развел руками и произнес:

— Я солдат и разных судейских порядков не могу понять! Разве мало гражданских адвокатов?..

Второй случай.

В городе совершилось дерзкое убийство с ограблением. Виновные были преданы военному суду. Следствие установило существование шайки, долго оперировавшей в Иркутске. В поимке злодеев отличился один полицейский чин, хотя главари и ускользнули. Горемыкин поторопился, представив это чина к награде. Затем в суде раскрылась картина, довольно неприятная для полиции. Обвиняемые указывали на чинов полиции как на своих участников и, главным образом, на чина, отличившегося поимкой грабителей. Горемыкин рвал и метал. Он потребовал к себе этого вероломного полицейского на расправу.

В приемную входит полицейский офицер. Взынченный донельзя генерал вскакивает.

— Честь имею!.. — начал было вошедший.

— А!.. Так вот ты какой, негодяй?! — набросился Горемыкин на него, весь багровый от гнева.

— Честь имею.., — снова начинает вошедший, пораженный такой встречей.

— Молчать! Я вам покажу, как нарушать присягу!.. Марать мундир... Я вас на каторге сгною!..

— Позвольте, ваше-ство, доложить...

— Молчать! Говорю вам... Еще оправдываться смее?.. Сию минуту

под арест! Вон!!! — и генерал позвонил.

Вбежавший адъютант получил приказ отправить полицейского под арест. Но тут выяснилось маленькое недоразумение. Представлявшийся полицейский офицер ехал в Забайкалье на службу и проездом через Иркутск решил явиться к Горемыкину. Вызванный же для разноса полицейский чин любезно уступил свою очередь приезжему, и генерал, не узнав его, распек невинного. Горемыкин извинился, даже отдал визит невинно обиженному.

Понемногу все сгладилось. Горемыкин, говорю, был ценным человеком в том смысле, что всегда почти сознавал свои промахи, если ему их доказывали. И со временем иркутяне зажили с генералом миролюбиво, насколько это было возможно» (20).

Некоторые черты характера Горемыкина раскрылись в его всеподданнейших отчетах императору. Разумеется, с большой долей вероятности такие отчеты были итогом коллективного труда и не могли принадлежать одному лишь Горемыкину. Более того, вполне вероятно, что существовал некий шаблон, по которому отчет составлялся. Но точно так же следует понимать — идеологом всего документа являлся, конечно же, Горемыкин. Он же, вероятно, задавал направление отчету, указывал на основные его положения, которые прописывались наиболее тщательно. И, конечно же, отдельные параграфы, разделы, абзацы он писал сам. В отчете за 1893–1895 годы есть раздел, обозначенный как «Меры к улучшению учебной части и возвышению духовно-нравственного развития населения».

Процитируем некоторые наиболее важные высказывания Иркутского генерал-губернатора.

«...Для большей очевидности крестьянскому и инородческому населению Сибири той пользы, какую может принести школа в практической его жизни, необходимо не ограничиваться насаждением посредством школы одной грамот-

ности, как средства в глазах обучаемых пристроиться так или иначе к писарским занятиям, но выдвинуть на подобающее место интересы земледелия и промыслового труда и домашней обстановки населения...» (21)

А вот смысл его слов о том, что обучаемые не должны отрываться от своей среды, требует небольшого разъяснения. Собственно, расшифровку этого дал и сам Горемыкин: «Население в пределах Иркутского учебного округа, привыкшее к широкому земельному простору, издавна ведет свое сельское хозяйство самым хищническим образом. Почти повсеместно вспашка земли без удобрения, с оставлением потом пахоты в залежь, выжигание старой травы, без ограждения при этом лесов от пожара, сплошная рубка леса — составляют обычное явление. Чтобы народная школа стала живым проводником в население правильного взгляда на хозяйственные занятия, необходимо, чтобы вблизи учительских семинарий учреждались сельскохозяйственные школы с образцовыми при них фермами. Работая на ферме в свободное от классных занятий время, ученики этих семинарий практически научились бы приложению преподаваемых им сведений к делу с применением усовершенствованных приемов и орудий производства» (22).

Другими словами, Горемыкин в конце XIX в. предлагал создать учебно-производственные хозяйства. Они и были созданы спустя десятилетия уже в Советской России, только назывались чуть-чуть иначе — учебно-производственные комбинаты. Многие из них пережили 90-е годы XX в., а отдельные успешно работают и по сей день.

Еще из высказываний Горемыкина: «... Чем шире знания, тем разнообразнее их применение для массы населения, проходящей только начальную школу, обучение должно, во-первых, утверждать в народе «веру и верность» (император поставил отметку «Совершенно уверен»), а затем иметь ближайшею целью выяснить

крестьянину и городскому простолюдину условия и средства к развитию его производства и домашнего благосостояния. При этом прилагать все старания, чтобы обучаемые не отрывались от среды, к которой они принадлежат...» (23)

Строки «вера и верность», написанные Горемыкиным, с точки зрения оппозиционно настроенной интеллигенции выглядят не очень привлекательно. Ведь за «верой и верностью» виделось желание Горемыкина и «русифицировать инородцев», и усилить государственное регулирование во всех сферах жизнедеятельности. Какие только негативные оценки не давали они генералу и его реформам: реакционные, направлены на ухудшение положения крестьян и инородцев, укрепляют феодально-крепостнический строй и т. п.

Что следует из его высказывания «Вера и верность»? В контексте горемыкинских строк — указание на незыблемость православной веры и верности царю. Это было основой представлений служилого генерала, воспитанного на уваровской триаде «Православие. Самодержавие. Народность».

Мы знаем, что его общественно-политические представления могли укладываться в эту распространенную среди чиновников высшего ранга идею. Кроме всего прочего, Горемыкин — военный человек. Для него «Вера и Верность» были связаны с присягой и, значит, являлись базисными мировоззренческими понятиями. Эти взгляды не мешали ему верить в прогрессивность своих идей по улучшению жизни населения края.

Горемыкин очень способствовал появлению под Иркутском сельскохозяйственной школы. 21 февраля 1893 года он возбудил перед Министерством Земледелия и Государственных имуществ ходатайство об открытии в Иркутской губернии низшей сельскохозяйственной школы на 40 учеников вблизи учительской семинарии. Такое же ходатайство он подготовил и для Енисейской губернии.

В январе 1895 года благодаря поддержке генерал-губернатора вблизи Иркутска открылось одноклассное училище с земельным участком при нем для практических занятий сельским хозяйством (24). Горемыкин был убежден, что деятельность такого учебного заведения благотворно скажется и на взрослом населении деревни, «наглядно знакомя его с лучшими приемами и более совершенными орудиями хозяйства». Горемыкин настолько верил в прогрессивность и полезность учебно-хозяйственных комплексов, что внес рассказ о них в свой всеподданнейший отчет императору. Ознакомившись с этим сюжетом, Николай II сделал пометку — «Уверен».

Надо сказать, что, будучи хорошо образованным человеком, Горемыкин увязывал успех в той или иной отрасли с наличием подготовленных кадров. Практически во всех его всеподданнейших отчетах этим вопросам отводилось внимание. Проблемы, накопленные годами, разумеется, не могли быть разрешены одномоментно. Тем более без соответствующих изменений в законах.

Горемыкин ратовал за увеличение числа образовательных учреждений, соответственно, указывал на дефицит учителей. Особое отношение было у него к образованию в сельской местности. Он справедливо считал Иркутское генерал-губернаторство территорией с преимущественно крестьянским трудом. По его мнению, начальные училища, сельские школы «должны развивать в своих учениках не обширные, но здравые сведения об условиях домашнего и хозяйственного благосостояния населения. Преследуя только одну грамотность, сельская школа мало способствует совершенствованию бытовой обстановки населения, так как отвлеченные знания, усвоенные крестьянскими детьми в начальной школе, или легко забываются, или побуждают окончивших курс искать замены крестьянского труда более легким, писарским, конторским, прикащичьим; следователь-

но, отрывают мало-мальски грамотного человека от обычной жизни его семьи и ее непосредственных интересов. Школа будет ближе и полезнее для народа, когда обучение в ней будет согласовано с главнейшими потребностями населения; когда в занятия с детьми старшего возраста, а в воскресные и праздничные дни — и в сообщения для взрослых будут входить сведения по крестьянскому хозяйству и домашней гигиене. Десятилетний опыт пребывания в должности Главного начальника края последовательно, из года в год убедил меня, сколько терпит население от непроведения в его среду, конечно, строго проверенных, но жизненно ему полезных знаний по хозяйству и гигиене: плохая обработка земли и сорные всходы, истощение почвы, повальные болезни от нечистоты в домашнем и усадебном быту — все это постепенно устранится под влиянием проведения в население правильных указаний народной школы и школьной гигиены» (25).

Горемыкин высказал идею о том, что в сельской местности учителя должны иметь собственное хозяйство на школьных участках размером в 15 десятин. По его мнению, это будет отличным побудительным мотивом как для учителя, так и его учеников на практике воплощать теоретические знания. Нужно пересмотреть школьные программы в сторону усиления практических знаний по сельскому хозяйству. «Но одних теоретических занятий по такому предмету, как сельское хозяйство, и притом для передачи их населению показом, было бы недостаточно; для практических занятий земледелием воспитанники учительских семинарий должны работать при сельско-хозяйственных училищах, в течение всех каникул своего пребывания в учительской семинарии, т. е. три месяца в каждый год, систематически исполняя за это время все работы без исключения. Только при условии продолжительного ежедневного физического труда можно подготовить и приохотить к делу действительно опыт-

ных и привычных к земледельческой работе учителей сельских школ» (26).

Во всеподданнейшем отчете за 1900–1902 гг. генерал-губернатора Пантелеева, сменившего Горемыкина, отмечалось, что сельскохозяйственное училище, которое было открыто его усилиями Александра Дмитриевича, сделало значительные успехи. Оно стало привлекать к себе внимание местного крестьянства (27).

Горемыкин пытался укрепить статус сельского учителя, его материальное положение. Неоднократно заявлял, что чем устойчивее будет положение сельского учителя, тем с большей преданностью он будет заниматься и школьным делом, и обработкой школьного участка как учебно-опытного полигона, а значит, тем больше пользы он принесет и своим ученикам, и их родителям. «Только прочность положения учителя исподволь ослабит в нем постоянное стремление в город и сделает из него сельского жителя, связанного с населением однородными заботами и материальными интересами» (28).

По части «устойчивости положения» Горемыкин выступил новатором. Он предложил разделить жалованье сельского учителя на разряды. Причем каждый следующий разряд повышал бы его жалованье на 50% по сравнению с предыдущим. Прибавки должны быть независимы от разряда или местоположения школы. Они должны назначаться учителю лично «во внимание его успешным занятиям в школе и к удовлетворительному ведению земледельческого хозяйства на участке» (29). Чем не современная мотивация?!

Соответственно, и содержание учебно-воспитательного персонала в сельской местности должно было быть, по мнению генерал-губернатора, поставлено вне зависимости от сельских обществ.

Горемыкин выступал от имени государства, ему он доверял всецело и все нововведения связывал с ним. Выше мы говорили о сельской школе. Но такой же подход легко усмотреть и по отношению к важным для того

времени промышленным отраслям.

К примеру, во всеподданнейшем отчете за 1893–1895 гг. есть раздел, посвященный горному промыслу. А в нем сюжет о соледобыче. Соль входила в число предметов первой необходимости. Вблизи Иркутска, где в селении Усолье издавна действовал старейший в России солеваренный завод, продукция его продавалась очень дорого. Что делает начальник края? Ходатайствует об изъятии главного солеваренного предприятия из частной аренды и развитии промысла казенными средствами. Такое уже практиковалось на Усть-Кутском солеваренном заводе. В итоге ходатайство А. Д. Горемыкина уважили и продажная цена соли значительно понизилась: с 70 коп. и 1 рубля 80 коп. до 46 коп. в Усолье. А далее Горемыкин пишет императору: «Если деятельность Усольского солеваренного завода пока нельзя признать достаточно развившеюся, то уже одно понижение цены на соль на Иркутском рынке оправдывает установление на заводе казенного солеварения» (30). В продолжение темы генерал-губернатор высказывает Министру Земледелия и Государственных Имуществ «некоторые соображения в отношении сокращения расходов на выварку соли, увеличения ее выходов и заинтересования служащих заводов возможно большим сбытом соли» (31).

Здесь, как и в истории с сельскими учителями, — формирование мотивации для производственного персонала. Согласимся, для высокопоставленного чиновника конца XIX века такого рода предложения — явление малораспространенное.

Соляная модернизация затронула и Якутскую область, куда поставки важного продукта теперь пошли по новым ценам с казенных заводов. На 25 копеек цена за пуд упала в Якутске летом, а зимой снижение составило 1 рубль 35 коп! А ведь еще недавно соль в области рассматривалась чуть ли не как лакомство и предмет роскоши!

К жизненным представлениям Горемыкина вполне можно отнести его позицию в вопросе участия своих чиновников в публичной жизни. Г. В. Оглезнева пишет: «В то же время очевидно, общественная деятельность чиновников не вызвала недовольства региональных властей, в частности генерал-губернатора А. Д. Горемыкина» (32).

Так было не везде и не всегда. Во многих губерниях действовал либо негласный запрет на участие чиновников в местной общественно-политической жизни, либо строго ограниченное участие в рамках отдельных мероприятий. О нескольких эпизодах в своих воспоминаниях поведал редактор «Восточного обозрения» И. И. Попов.

«В 1897 г. вся ссылка и иркутяне были возмущены выпадом «Сибирского вестника» против Аквилона. Под этим псевдонимом писал П. Ф. Якубович (Л. Мельшин) и вел в «Восточном обозрении» литературные обозрения, которые он присылал из Кургана. «Сибирский вестник», не подозревая, что Аквилон и Якубович одно лицо, стал обвинять его в плагиате, в каком-то темном прошлом и так далее. Подсизывая «Восточное обозрение», «Сибирский вестник» смешал Аквилона с кем-то из людей с темной репутацией. Редакция резко напала на «Сибирский вестник», называя его поступок нелепой гнусностью и сожалея, что «Восточное обозрение» не может раскрыть псевдоним Аквилона, иначе «Сибирский вестник» сгорел бы от стыда... В «Восточном обозрении» было напечатано негодующее письмо за многими подписями, преимущественно политических ссыльных. Были здесь и подписи А. А. Корнилова и М. М. Дубенского, которых, как своих чиновников, Горемыкин пожурил за этот протест. Ему указали, что и политические ссыльные также подписали протест.

— Ну и пусть... Политические ссыльные за протесты и сосланы... И было бы странно, если бы они не защитили своего (Горемыкин знал, кто Аквилон). Моим чи-

новникам не пристало выступать в газете на защиту государственного преступника.

Когда же Корнилов запротестовал против этого замечания Горемыкина, то последний сдал и заметил, что выговаривает Корнилову и Дубенскому только для порядка».

А. Минаков, составляя портрет российских губернаторов, отметил важный, с нашей точки зрения, момент: губернаторы старались не обострять отношения с общественностью. Мы знаем немало примеров, когда высокопоставленные чиновники лишались своих постов именно по причине скандалов и ссор с общественностью. В конце XIX в. такое не приветствовалось и не одобрялось.

Горемыкин не любил публичных мероприятий. Сравнивая его и нового начальника края Пантелеева, И. И. Попов писал: «Не злой, мягкий, не особенно вредный, среднего ума, но весьма воспитанный человек, Пантелеев быстро сошелся с иркутским обществом и стал к нему несравнимо ближе, чем Горемыкин. Пантелеев любил представительство, устраивал обеды, балы, рауты, чего никогда не делал Горемыкин» (33).

Сторонилась публичности и супруга Горемыкина. В отличие от нее жена нового начальника края Пантелеева активно играла роль первой дамы. «Жена Пантелеева Алекс. Вл. была не глупая, образованная, с большой выдержкой и в то же время добрая женщина. В Иркутске говорили, что она помогает мужу в управлении краем и без нее управление совершенно свихнулось бы. Она участвовала в различных обществах, сошлась со многими иркутскими дамами. Дочь Пантелеевых (не помню имени), прекрасно говорившая на разных языках, интересовалась политической ссылкой, пренебрежительно относилась к придворной жизни, а отец называл ее «нигилисткой» (34).

При всей своей нелюбви к мишуре А. Д. Горемыкин, судя по отдельным его шагам, по тому окружению, которое складывалось вокруг него самого и

близких ему людей в администрации, не был противником контактов даже с политическими ссыльными, не говоря уже об известных общественных деятелях губерний, если таковые оказывались полезными тому или иному делу. Хорошо известно, что только благодаря его воле и поручительству политические участвовали во многих, в том числе широко известных, экспедициях, в осуществлении культурных проектов. Он даже поощрял их участие в различных государственных программах, где их знания были очень востребованы.

Достаточно вспомнить так называемую Сибиряковскую экспедицию по изучению Якутского края, строительство Иркутского драмтеатра, организацию новых учебных заведений, участие в Нижегородской выставке и т. д.

В 1891 г. И. М. Сибиряков предлагает ВСОРГО средства на организацию работ с «целью исследования экономических и других условий жизни инородцев Якутской области» (35). Непременным условием Сибиряков считал руководство экспедицией Д. А. Клеменцем. Напомню, что Д. А. Клеменц являлся активным участником хождения в народ и был сослан в Сибирь. В 1892 г. его избрали на пост правителя дел ВСОРГО, попечителем которого являлся генерал-губернатор.

Д. А. Клеменц лично занялся организацией Сибиряковской экспедиции, определил структуру и масштаб работы, выбрал район исследования.

В соответствии с первоначальным планом предполагалось, что экспедиция будет работать на р. Лене. Д. А. Клеменц выступил на заседании распорядительного комитета и внес предложение заменить командировку одного путешественника этнографической экспедицией в Якутскую область и организовать комплексную стационарную экспедицию, основной костяк которой составят политические ссыльные и местные жители. Д. А. Клеменц считал момент, выбранный для исследования якутов, очень благоприятным.

«Там теперь пока проживает много политических ссыльных, серьезно знакомых с языком якутов, их обычаями, и людей образованных» (36). Следует заметить, что эту точку зрения разделяли не все. Даже Г. Н. Потанин сомневался, можно ли привлекать к работе именно политссыльных, что уж говорить о генерал-губернаторе.

Д. А. Клеменц едет в Якутск, получает согласие от политических ссыльных Н. А. Виташевского, В. И. Иохельсона, И. И. Майкова, Э. К. Пекарского, В. С. Богораза-Тана, С. Ф. Ковалика, Л. Г. Левенталя и других принять участие в Сибиряковской экспедиции. Круг исследуемых вопросов был настолько широк, что свою работу экспедиция закончила только в 1896 г. Обработка научного материала продолжалась и в начале следующего века.

Чтобы понять, с какими трудностями при организации экспедиции мог столкнуться А. Д. Горемыкин, отметим, что «Положение» от 12 марта 1882 г. запрещало ссыльным заниматься педагогической деятельностью, входить в различные научные общества, а также участвовать в их заседаниях. Далеко не всегда политссыльные получали разрешение заняться научными исследованиями, связанными с передвижением по краю. А. Виташевский в письме Д. А. Клеменцу писал: «Пихтинская экскурсия не разрешена губернатором. Очевидно, нас боятся как людей, от которых всего можно ожидать. А кроме того, выходит как будто, что не тем духом повеяло. Не решаясь, по понятным для Вас причинам, излагать все мои предположения, я считаю, однако, нужным предупредить Вас, что без уверенности, что участие наше в экспедиции будет, безусловно, благосклонно встречено генерал-губернатором, Вам нечего в г. Якутск и приезжать» (37).

Якутский губернатор в донесении к Горемыкину 9 января 1893 г. сообщал: «В особом, вместе с сим посылаемом, донесении я имел честь представить Вашему высокопревосходительству о своем решении к привлечению государствен-

ных преступников к занятиям по статистике и исследованию экономических и бытовых условий жизни населения, но в строго определенных пределах намеченной Областным Статистическим Комитетом программы, и при непосредственном наблюдении со стороны администрации за деятельностью их исключительно в этом направлении, не трогая никого с места водворения.

Посему и принимая во внимание, что проектируемые под руководством Клеменца экспедиции имеют представить из себя нечто в роде комиссии и при том из элементов, во всем ее составе, включая и представителя, неблагонадежных в политическом отношении, и, следовательно, экспедицию, способную злоупотребить своими занятиями по исследованию края в целях, совершенно чуждых намерениям Правительства и ко вреду для его интересов, я считаю долгом почитательнейше испрашивать распоряжения Вашего высокопревосходительства об отклонении экспедиции Сибирякова, если она не может быть им составлена из лиц вполне благонадежных в политическом отношении. О последующем имею честь покорнейше просить почтить меня уведомлением» (38).

Якутский губернатор явно не желал брать на себя ответственность за участие политических ссыльных в экспедиции и за их передвижения. По его мнению, они могли бы собираться вместе и, с точки зрения чиновника, вполне легально плести новые заговоры против правительства. А. Д. Горемыкину ничего не оставалось, как согласиться со своим подчиненным. Его соображения были логичны, и Горемыкину вольно или невольно пришлось принять сторону Якутского губернатора. Письмо к последнему было секретным, написано от руки и датировано 5 марта 1893 года.

Но надо было знать Клеменца. Только благодаря его авторитету и личным контактам с местной администрацией генерал-губернатором был в итоге под-

писан документ, решивший судьбу экспедиции (39). В письме к И. М. Сибирякову Д. А. Клеменц, в частности, писал: «Узнал я, кроме того, что генерал-губернатор словно вооружен против Якутской экспедиции и ни за что не разрешит участия в ней ссыльных...

Пользуясь добрым расположением, я завел речь об Якутской экспедиции. Тон вышел снова враждебный, но генерал пустился в рассуждения; удалось выяснить, что никаких намерений игнорировать его власть не было, что экспедиция не имеет каких-либо противозаконных целей и т. д. Результатом этих переговоров и были те условия, на которых разрешена была экспедиция...» (40)

Дмитрий Александрович убедил Александра Дмитриевича в острой необходимости экспедицию начать.

Для начальника края соответствующими службами была подготовлена справка об участниках предстоящих исследований. Приведем лишь одну короткую характеристику:

«При распределении трудов экспедиции между сотрудниками ее изучение Колымского округа поручено ссыльному Иохельсону.

Вениамин Иохельсон сослан в Якутскую Область по Высочайшему повелению на 10 лет и был поселен согласно предписания... в г. Олекминске.

Департамент полиции, получив сведения о крайней политической неблагонадежности Иохельсона... просит о переводе его в Колымский округ, что и было сделано» (41).

Думаю, в этом смысле А. Д. Горемыкин пошел против корпоративного мнения, приняв положительное решение. Оно было единоличным, поскольку мало кто из местных начальников хотел брать на себя такую ответственность. Генерал-губернатор допустил, пусть и в пределах округа, свободное перемещение не просто политических ссыльных, а фактически цвета народнической антиправительственной партии — известных участни-

ков героического хождения в народ. Вероятно, делу помогло и то, что все они не были бомбистами, т. е. террористами, а попали в ссылку именно за антиправительственную пропаганду 70-х — начала 80-х гг. XIX века.

Горемыкин мог пострадать. Он шел на серьезные риски. Не обошлось без сомнений, внутренней борьбы, учитывая такие свойственные ему черты характера, как совершенно замечательное отношение к дисциплине, исполнению законов и указаний. Ему сложно было принять аргументы противоположной стороны. Но он рискнул и победил — экспедиция дала выдающиеся материалы и результаты.

Подобные решения Горемыкин принимал и раньше. Известного народника, идеолога кружка «чайковцев» М. А. Натансона поселили в Иркутске после длительных хлопот А. А. Корнилова — тогда чиновника особых поручений при А. Д. Горемыкине. Как свидетельствует Попов, Горемыкин, знавший, что его сотрудник никогда ничего не просил для себя, «сдался». Получается, именно по решению Горемыкина Натансона, который, между прочим, привлекался к суду по делу Нечаева, выпустили из тюрьмы, и он получил возможность остаться в губернском центре (42).

Впрочем, тот же Попов, описывая взаимоотношения с начальником края, отмечал Иркутского губернатора И. П. Моллериуса, который частенько шел навстречу просьбам о смягчении положения политических ссыльных, и считал, что Горемыкин в этих вопросах был менее податлив (43).

Известен эпизод, свидетельствующий о человеческих качествах Горемыкина, и связан он с болезнью И. И. Попова, редактора газеты «Восточное обозрение». Когда супруга Попова узнала о его болезни, она моментально отправилась из Европейской России в Иркутск. Попов писал: «Горемыкин отдал распоряжение почтовому ведомству, чтобы на почтовых станциях на тракту держали наготове для

нее тройку лошадей и В. А. могла бы ехать без замедления» (44).

Но вернемся к истории Сибиряковской экспедиции, которая без Горемыкина просто не состоялась бы.

Д. А. Клеменц, ученый и путешественник, показал себя в качестве организатора полевых исследований и впоследствии был назначен директором этнографического музея имени Александра III. Участники экспедиции получили многочисленные награды, что способствовало их дальнейшей работе в новых экспедициях и научных исследованиях. О Горемыкине шла слава, что он «хороший» губернатор, дальновидный начальник края. Материалы экспедиции были реально бесценны для принятия практических решений о земельном устройстве инородцев соответственно задаче, которую ставил И. Сибиряков, выделив средства на организацию знаменитых исследований. «Мне важно, — писал он, — чтобы экспедиция насколько возможно выявила исторический ход развития жизни инородцев. Вымирают они или наоборот нарождаются и совершенствуются? Влияние на то и другое русской культуры. Крайне важно выяснить экономические условия жизни и данные влияния их обуславливающие. Выяснить состояние образования, положение народного здоровья, продовольствия, меры, принимаемые для лечения эпидемических болезней и эпизодий. Вопрос о проказе, поднятый г-жею Марсдэн...

...Для выяснения характера важно собирание сказок, поверий, пословиц, исследование обычного права.

...Важно также не одно описание современного положения инородцев, но и меры клонящиеся к улучшению их быта...» (45).

Г. Н. Потанин подчеркивал, что Д. А. Клеменц как организатор Якутской экспедиции проявил очень большой такт и умение говорить с властями. «Мне бы ни за что не оборудовать это дело», — отмечал он (46).

Приведем несколько пунктов из условий, на которых была разрешена экспедиция. Пункты эти во многом были лично выработаны генерал-губернатором А. Д. Горемыкиным:

«1. Чтобы к исследованиям были приглашены также секретарь Якутского статистического комитета Попов, исправник Карзин и Кондаков, некоторые священники и намеченные правителем дел ветеринарные врачи.

2. Чтобы все рукописи авторов, которые будут в Якутской области, были представлены на цензуру Вашему превосходительству (якутскому губернатору — С. Г.) и от Вас (Д. А. Клеменца — С. Г.) уже переданы в Отдел Географического общества.

3. Чтобы правитель дел Клеменц руководил этой экспедицией и докладывал мне регулярно о расходе сумм.

4. Чтобы привлеченные к деятельности экспедиции ссыльные необходимые для целей экспедиции разъезды производили лишь в пределах округа, в котором каждый из них поселен, и по письменному разрешению исправника.

5. Чтобы не было допущено съездов под видом необходимого обсуждения каких-либо общих по экспедиции вопросов» (47).

Сибиряковская экспедиция была, по мнению М. К. Азадовского, последним крупным предприятием ВСОРГО.

А вот хлопоты политссыльных по делу А. С. Белевского (Белоусова), который писал в «Русские ведомости», по воспоминаниям того же И. И. Попова, не удались. А. Д. Горемыкин не поддержал ходатайство об оставлении его в Иркутске.

Какие-то представления о жизненных взглядах Горемыкина можно «выудить» из Всеподданнейших отчетов. Отдельные разделы генерал-губернатор писал нередко сам. Таким отчетам при Александре III отводилось важное место как прямым источникам местной информации. А. Минаков отметил, что «из губернаторских отчетов император и министры регулярно получали сведения о состоя-

нии всех сфер жизни каждого региона. Высказанные в отчетах и получившие монаршее одобрение инициативы губернаторов нередко ложились в основу важных политических решений» (48).

Стараниями управляющего делами Комитета министров — известного российского государственного деятеля А. Н. Куломзина — отчеты стали играть еще более важную роль в принятии тех или иных решений, касающихся конкретной территории. Куломзиным был введен порядок, по которому перед заседанием Комитета министров всем членам кабинета рассылались тексты отчетов с императорскими пометами.

Отчет за 1893–1895 годы начинается с упоминания о программе десятилетнего развития Иркутского и Приамурского генерал-губернаторств. «С высочайшего соизволения в 1887 г. была установлена для Иркутского и Приамурского генерал-губернаторов, примерно на десятилетний период, программа деятельности на пользу населения Восточной Сибири. Эта программа наметила следующие задачи: административное и судебное преобразование, устройство инородческого управления, устройство путей сообщения и усовершенствование строительной дорожной части, развитие горного промысла, преобразование медицинской части, меры к улучшению учебной части и возвышению духовно-нравственного развития населения, поземельное устройство, меры к устройству переселенцев и меры к ограничению ссылки, а также усовершенствованию тюремной части.

Всеподданнейше представляя ныне за время шестилетнего моего управления краем второй отчет, имею счастье доложить Вашему Императорскому Величеству, что в осуществлении установленной программы, которой я продолжал неуклонно следовать, достигнуты в отчетный период нижеследующие результаты...» (49).

Отметим важную деталь — Горемыкин действительно был сосредоточен

на выполнении пунктов, которые перечислил в начале отчета и называл их «составляющими» программы развития Восточной Сибири на период 1887–1897 гг. И ему, действительно, удалось сделать многое.

Прежде всего — об административных и судебных преобразованиях, которые давным-давно назрели в крае и были реально проведены при непосредственном участии А. Д. Горемыкина, что и отмечали его современники. Сам же он писал в отчете: «Давно осознанные недостатки существующего в крае губернского управления послужили основанием к составлению в 1887 г. проекта соответственной реформы. Одинаковое преобразование Министерство Внутренних дел признало необходимым распространить на Тобольскую и Томскую губернии...» (50)

Речь шла о возможной ликвидации Иркутского генерал-губернаторства, создании самостоятельных административных единиц — Иркутской, Енисейской губерний, ликвидации ГУВС — Главного управления Восточной Сибири.

Еще более настоятельным считал Горемыкин преобразование окружного (уездного) административного управления, которое в крае приостановилось из-за возникших разногласий с Министерством юстиции. «Представленные мною в 1892 г. основные положения, применимые к Иркутской и Енисейской губерниям, закона о земских начальниках должны были повести к преобразованию существующих в крае низших судов. Со своей стороны, Министерство Юстиции, пользуясь результатами особо командированных в Западную и Восточную Сибирь лицами, наметило замену Сибирских судебных учреждений новыми судебными установлениями, с применением судебных уставов Императора Александра II...

Пользуясь моим нахождением в Петербурге, я получил возможность переработать первоначальное представление о введении в Сибири земских начальников,

согласуя его с проектом Министерства Юстиции о преобразовании судебных учреждений и с видами Министерства Внутренних Дел, чем существенно устранится дальнейшее отлагательство осуществления этой важной для края реформы» (51).

Император Николай II, знакомясь с отчетами Горемыкина, делал особые пометки. В данном случае написал: «Очень надеюсь».

Горемыкин убеждал верховную власть в необходимости увеличения в губерниях края числа товарищей (заместителей — С. Г.) прокуроров. «Осуществление этой меры, о которой я ходатайствовал перед Министерством Юстиции в мае минувшего года (1894 — С. Г.), немало освободит от производства следствия чинов полиции, не подготовленных к этому делу и обремененных своими прямыми обязанностями» (52).

Он предлагал вообще изъять у полиции производство следствия.

А. Д. Горемыкин не прошел и мимо реформы инородческого управления. Тому было много причин: это и жалобы самих инородцев на сложившуюся систему, где нередки злоупотребления инородческих же начальников, и тот факт, что грядущие реформы губернского и окружных управлений неминуемо затронут важные стороны инородческого управления. Пожалуй, Горемыкин искреннее не понимал, почему в конце XIX века на территории одного государства должны действовать две различных системы управления для подданных одной страны. Он исходил из того, что реформы будут «способствовать их (инородцев — С. Г.) обрусению, предуказанному Августейшею волей в Бозе почившего Государя Императора Александра III...» Напомним, что и предшественник Горемыкина на посту генерал-губернатора граф Игнатъев во всеподданнейшем отчете за 1887–1889 гг. писал о неотложности пересмотра законов об инородческом управлении. Он считал, что нужно как можно быстрее принять меры к «обрусению бурят». С

этим были согласны отец и сын — Александр III и Николай II. Оба оставили свои пометки на отчетах в духе «Да», «Весьма пора».

Горемыкин и его ближайшие сотрудники, разрабатывая реформы управления, учитывали мнение, «что инородцы по образу жизни, промыслам и настоящему их быту стоят в одинаковой степени гражданственности с русскими сельскими обывателями» (53).

В 1892 г. Министр внутренних дел И. Н. Дурново предложил ряду генерал-губернаторов сибирских территорий дать свои предложения по этому вопросу. А. Д. Горемыкин представил проект, суть которого заключалась в распространении закона о земских начальниках не только на русское население Сибири, но и на «инородцев», причем на равных условиях.

В конце 80-х гг. XIX века были проведены статистические исследования по части землепользования и хозяйственного быта, в том числе инородческого населения Восточной Сибири. Цифры убеждали, что кочевые инородцы Иркутской и Енисейской губерний «сделались истинными хлебопашцами» (54).

Эта информация и побудила Горемыкина проектировать для них нормы надела при новом землеустройстве. Более того, такие наделы проектировались для них в значительно большей площади, чем для русского сельского населения. И обоснованно — у инородцев было крупное рогатое скотоводство.

Горемыкин исходил из того, что и управление коренными народами на основе Уставов Сперанского устарело, и население во многом стало страдать от произвола инородческих начальников. Изменения, которые он предлагал ввести, основывались на том, чтобы и для коренных народов был введен институт крестьянских начальников. Возникает вопрос: как оценить позицию Горемыкина? Хорош или плох был закон, у истоков которого стоял другой иркутский генерал-

губернатор — А. П. Игнатъев, которого в советской историографии обвиняли в стремлении проводить обрусение коренных народов Сибири? Л. М. Дамешек, к примеру, дает в целом негативную оценку закону: «Не следует, однако, забывать, — пишет он, — что административные преобразования были направлены в первую очередь на усиление полицейской опеки над народами Сибири и их скорейшую русификацию. Реформа, проводимая помещичье-бюрократическим государством в буржуазную эпоху, сохраняла в то же время ясно видимые феодальные черты» (55).

Так ли это на самом деле?

Законотворчество Сперанского в части управления коренными народами в советской историографии рассматривается как явление прогрессивное. Почему к новым изменениям в контексте предложений Игнатъева и Горемыкина относятся негативно?

В современной России много народов со своими обычаями и традициями. Хорошо, когда обычаи и традиции соблюдаются и учитываются в общем своде законов. По-другому и быть не должно. Но никому не приходит в голову управлять современным государством в разных его частях по законам предков. Более того, практика 90-х гг. XX века, когда интересы национальных республик ставились выше общероссийских законов, поставила государство перед фактом парада суверенитетов. И никто не станет говорить о том, что это укрепило государство.

Почему же стремление Игнатъева и Горемыкина установить для равноправной части российских подданных (инородцев) одинаковое с русскими крестьянами «попечение» есть ущемление их национальных интересов — «обрусение»? И это при том, что сохранялось предоставление инородным управам права разбирать судебные дела в инородческой среде самим. «В настоящее время (1892 г. — С. Г.) разбор и решение исковых дел инородцев, — писал Горемыкин, — ведется родовыми управлениями и инородны-

ми управами в качестве словесных расправ. А полиция составляет для таких дел третью инстанцию» (56).

До сего момента управление инородцами строилось на Положении 1822 года, разработанном М. М. Сперанским. «Хоть условия жизни огромного большинства их во многом отличаются ныне от прежних», — уточнял Горемыкин.

Он предлагал скорейшее введение у инородцев такого же общественного управления, как и у крестьян. Это послужило бы «скорейшему слиянию инородцев с русским населением». При этом он сделал существенную оговорку: «Отнюдь не касаясь религиозной свободы инородцев».

Эти мысли Горемыкина в советской историографии оценивались, как желание уничтожить национально-культурные традиции коренных народов, шовинизм и т. п. Так ли это? Думаю, что ответ надо искать в несколько иной плоскости — экономической. В случае причисления инородцев к разряду оседлых законом предусматривалось введение у них общественного управления, как и у русского крестьянства. При этом генерал-губернатор понимал, что «ожидать просьб о том самих инородцев трудно: ибо с перечислением в разряд оседлых, им приходится обыкновенно платить больше государственных сборов...»

И далее начальник края писал: «...Преобразование общественного управления инородцев даст им самим существенные выгоды: с давних пор слышатся серьезные жалобы инородцев на устаревшие порядки их управления и на произвол общественных начальников, облеченных действующим законом почти бесконтрольной властью» (57).

Мотивация Горемыкина понятна: «Если признаваемое более развитым и предприимчивым крестьянское население нуждается в близкой местной власти, уполномоченной законом на ограждение прав каждого обывателя, то тем более нуждается в такой власти население ино-

родческое, весьма часто не только эксплуатируемое своими головами и старостами, но и подпадающее в кабальную зависимость от местных влиятельных инородцев» (58).

Если отрешиться от пропагандистского лозунга, что все имперские проекты исключительно плохи, и начать объективно разбираться в каждом конкретном случае, то с правовой точки зрения, действительно, перечисление в разряд оседлых позволяло кочевым инородцам получить по закону защиту со стороны общих крестьянских учреждений.

* * *

Когда мы говорим о жизненных представлениях человека, будет неправильным акцентировать внимание лишь на базовых чертах характера. Вряд ли можно опустить его эмоциональный тонус в житейских ситуациях.

В них Горемыкин нередко проявляет себя как человек сентиментальный. Это подчас становилось известным: эпизод с резервными лошадьми для супруги редактора «Восточного обозрения», прощание с сослуживцем А. А. Корниловым, с которым он состоял в приятельских отношениях до конца жизни, и др.

Что-то подобное обнаруживалось в редких письмах к разным адресатам.

«...24 августа 1901 г. А. Д. Горемыкин — А. А. Корнилову.

«Почтою также получил я, дорогой Александр Александрович, и присланную Вами копию с письма на высочайшее Имя: оно лучше всяких других характеризует Ваше обращение к Особе Государя и в выражениях действительно верноподданного русского человека; но оно охватило предмет всеподданнейшего Вашего обращения так широко, что я не предвижу содержания резолюции, какая Вам будет объявлена; да и будет ли она объявлена, так как лично за себя Вы не просите.

Радуюсь за Вас, что Вы пристроились к делу, которое Вам по душе; но Вы

можете не только «нарваться», но непременно надорветесь: сидеть 14 часов в сутки за умственным трудом, с неизбежным участием сердца... Да это самоубийство! Скорее выписывайте к себе Наталию Антиповну и сына (к стыду, не знаю его имени), авось совокупными силами они изменят Ваш настоящий образ жизни. Если Вы сохранили ко мне доверие, то я решительно настаиваю на перемене Вашего образа жизни. Кроме редакторских занятий, Вам приходится посвящать несколько часов в сутки на постороннее чтение, на частные сношения... где же время для отдыха, для необходимого моциона? При усвоенных порядках, потерпите Вы, потерпит и дело, во имя которого Вы так трудитесь, ясно? А сын? Измените распределение Вашей жизни...» (59)

Из письма А. Д. Горемыкина А. А. Корнилову.

«...Письмо (неясное имя) Александровны очень, оч. печально: она оскорблена и за этим не видит еще будущего. Она ни слова не пишет мне о мотивах к отказу ей в пенсии за 15 лет, в праве на которую все были уверены; не смотря на указание Крутовского, она готова ехать на Дальний Восток, в Хабаровск, снова на должность преподавательницы. Но это все ее не тревожит; она не может понять

только — как это можно потребовать отставки человека, который положил душу свою на дело, которому служил, и который не знает за собою никакого худа?.. Да поможет ей бог. Быть может, за совершимся с ней поведет к лучшему для нее же. Она думает приехать в Петербург и побывать у меня. Тогда посмотрим — нельзя что для сделать в отношении пенсии...» (60)

***

Это все, что удалось «накопать» из источников и литературы о «человеческих взглядах» Александра Дмитриевича Горемыкина. Увы, отрывочные факты не дают полной картины о его нравственных представлениях, не описывают его мнение по важнейшим событиям того времени. Но что совершенно очевидно, перед нами человек, верный долгу, ответственный чиновник, пытающийся улучшить жизнь. Он не мог плохо служить, не мог скрывать подчас своих эмоций. Не мог изменить государю, вере. Не мог предавать и искренне верил в то, что его дела и поступки полезны для Отечества.

Он однозначно разделял свое и государственное, и потому семья жила на его жалованье.

Примечания

1. ГАИО. Ф. 25. ОП. ОЦ. Д. 73а. Л. 119.
2. П. Торгашев. Сибирские воспоминания. Голос минувшего. 1914. № 11. С. 129.
3. Там же. С. 131-132.
4. Там же.
5. ГАИО. Ф. 25. ОП. 8. Д. 39. Картон 810. Л. 1 об.
6. М. А. Кроль. Страницы моей жизни. М. 2008. С. 249.
7. Там же. С. 250.
8. Там же. С. 251.
9. Там же. С. 259.
10. П. Торгашев. Сибирские воспоминания. Голос минувшего. 1914. № 10. С. 148.
11. И. И. Попов. Забытые иркутские страницы. Иркутск. 1989. С. 50.
12. А. А. Корнилов. Воспоминания. Вопросы истории. 1994. № 2. С. 127-128.
13. М. А. Кроль. Страницы моей жизни. М. 2008. С. 262.

14. П. И. Торгашев. Сибирские воспоминания. Голос минувшего. 1914. № 10. С. 145.
15. И. И. Попов. Забытые иркутские страницы. Иркутск. 1989. С. 59.
16. П. И. Торгашев. Сибирские воспоминания. Голос минувшего. 1914. № 10. С. 144.
17. Енисейский листок. 1894. 20 февраля.
18. ГА РФ. Ф. 5102. ОП. 1. Д. 215. 91 об.
19. П. И. Торгашев. Сибирские воспоминания. Голос минувшего. 1914. № 10. С. 145-146.
20. П. И. Торгашев. Сибирские воспоминания. Голос минувшего. 1914. № 10. С. 146-147.
21. ГАИО. Ф. 25. ОП. ОЦ. Д. 584. Л. 21-22.
22. ГАИО. Ф. 25. ОП. ОЦ. Д. 584. Л. 22.
23. ГАИО. Ф. 25. ОП. ОЦ. Д. 584. Л. 21-22.
24. ГАИО. Ф. 25. ОП. ОЦ. Д. 584. Л. 22.
25. ГАИО. Ф. 25. ОП. ОЦ. Д. 352. Л. 50-51.
26. Там же.

27. ГАИО. Ф. 25. ОП. ОЦ, Д. 405. Л. 150.
28. ГАИО. Ф. 25. ОП. ОЦ, Д. 352. Л. 53.
29. Там же.
30. ГАИО. Ф. 25. ОП. ОЦ, Д. 584. Л. 15.
31. Там же.
32. Известия Иркутского государственного университета. Серия «История». Иркутск. 2011. № 1. С. 88.
33. И. И. Попов. Забытые иркутские страницы. Иркутск. 1989. С. 116.
34. Там же.
35. ГАИО. Ф. 25. ОП. ОЦ, Д. 126. Л. 1.
36. Изв. ВСОРГО. Иркутск. 1914. Т. 45. С. 181.
37. Письма политических ссыльных в Восточной Сибири. Иркутск. 1978. С. 171.
38. ГАИО. Ф. 25. ОП. ОЦ, Д. 126. Л. 1-2.
39. ГАИО. Ф. 293. ОП. 1. Д. 101. Л. 84.
40. Изв. ВСОРГО. Иркутск. 1914. Т. 45. С. 200.
41. ГАИО. Ф. 25. ОП. ОЦ, Д. 126. Л. 10-10 об.
42. И. И. Попов. Забытые иркутские страницы. Иркутск. 1989. С. 44.
43. Там же. С. 65.
44. Там же. С. 68.
45. ГАИО. Ф. 25. ОП. ОЦ, Д. 126. Л. 5.
46. Архив ЛО ИВ АН РФ. Ф. 28. ОП. 2. Д. 269. Л. 98.
47. ГАИО. Ф. 293. ОП. 1. Д. 101. Л. 84; РГАФ. Ф. 102. ОП. 130. Д. 195. Л. 2.
48. «Родина». 1915. № 2. С. 36.
49. ГАИО. Ф. 25. ОП. ОЦ, Д. 584. Л. 1.
50. ГАИО. Ф. 25. ОП. ОЦ, Д. 584. Л. 2.
51. Там же.
52. ГАИО. Ф. 25. ОП. ОЦ, Д. 584. Л. 3.
53. ГАИО. Ф. 25. ОП. ОЦ, Д. 584. Л. 5.
54. Там же.
55. Л. М. Дамешек. Народы Сибири в административной системе Азиатской России XVIII — начала XX века. Иркутск. 2016. С. 64.
56. ГАИО. Ф. ОЦ, Д. 575. Л. 8.
57. ГАИО. Ф. 25. ОП. ОЦ, Д. 584. Л. 4.
58. ГАИО. Ф. 25. ОП. ОЦ, Д. 584. Л. 5.
59. ГА РФ. Ф. 5102. ОП. 1. Д. 523. Л. 7-8.
60. ГА РФ. Ф. 5102. ОП. 1. Д. 523. Л. 8-8 об.

М. Г. Меерович

ДЕРЕВЯННОЕ НАСЛЕДИЕ АРХИТЕКТУРЫ Г. ИРКУТСКА – УНИКАЛЬНАЯ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНАЯ И ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЦЕННОСТЬ

*Над быстролётной Ангарой,
Вблизи Байкала — утреннего чуда, —
Твоих домов узорная причуда,
Твоих домов благословенный рой.*

Марк Сергеев

Статья подготовлена в рамках программы фундаментальных научных исследований Минстроя России и РААСН. Проект № 1.3.7.

Деревянная историческая жилая застройка г. Иркутска обладает удивительным по красоте декоративным убранством. Она — главная историческая ценность современного Иркутска (Рис. 1).

На фасадах домов запечатлена культура и дух народов, населявших Сибирь, их представления о красоте, степень развития отдельных ремесел, уровень технической и художественной культуры, верования, в частности в существование добрых и злых сил природы.

Магический орнамент покрывает фасады домов. Он несет знаки солнца и дождя, полей и растений, семян и прорастающих весенних цветов. Он содержит необъяснимые формы, которые еще ждут своего исследователя. Магический орнамент покрывает окна и двери, отгоняя злых духов.

Рис. 1. Иркутск, ул. Седова, 70.
Источник: Фотографии старого Иркутска. URL.:
<http://www.pribaikal.ru/irkutsk-album/gallery/0/600.html>
(Фото Б. Дмитриева)

Подавляющее большинство исторических деревянных зданий г. Иркутска не обладает статусом памятника, так как кроме уникального декора не имеет других необходимых для этого характеристик. А одно лишь декоративное убранство деревянных домов не спасает их от сноса, так как без воды и канализации они являются настоящими трущобами.

Но именно они и являются главной культурной ценностью — подлинным Объектом Всемирного Культурного Наследия.

Кроме памятников федерального, регионального, местного значения и вновь выявленных объектов, в Иркутске до нашего времени сохранился значительный массив рядовых деревянных домостроений, которые составляют своеобразный художественный фон, формирующий вместе с озелененными пространствами частных дворов уникальное средовое окружение памятников, — сома масштабную человеку жилую среду.

И объекты культурного наследия, и

фоновая застройка хранят историческую память, являясь ресурсом самоидентификации жителей Иркутска и неоценимым потенциалом культурного наследия Сибири.

Конфликт «ценности» и «трусщобности» исторической деревянной застройки в предыдущие годы разрешался одним лишь способом: снести и на ее месте построить современные многоэтажные дома. Ветхое деревянное жилище рассматривалось лишь как резерв территории под новое строительство. Подобную политику в отношении среды обитания необходимо срочно и кардинально менять. На всех уровнях власти. И местные администрации исторических городов обязаны прислушиваться к людям, пока еще сохраняющим силы хотя бы на то, чтобы публично говорить о ценностях исторического наследия, о необходимости его сохранения. Причем, сохранения не в музеефицированном виде (который мало кого сегодня интересует и который некому потом содержать), а в формах живой, обитаемой городской среды. И местные власти должны не просто прислушиваться, а направлять нешуточные ресурсы своих муниципальных программ на воплощение смыслов существования людей. Только так можно здесь, в городах Сибири (да, впрочем, и многих других регионов стра-

ны), восстановить основы человеческой жизнеспособности. Потому что наследие (культурное, религиозное, национальное) — это основа идентичности, которая создает базис жизнестойкости, позволяющей этому месту быть конкурентоспособным. Правительства стран, которые осознали этот факт, теперь так же истово, как еще недавно уничтожали, берегают и восстанавливают свое архитектурное и культурное наследие.

***И ты стоишь, в судьбу свою вобрав
Минувших дней события и сказки,
Простор — от Енисея до Аляски,
Соседство океанов и держав.***

Марк Сергеев

Иркутск — одновременно и типичный, и уникальный сибирский город.

Типичный, потому что возник точно таким же образом, что и все остальные города на восточной окраине России в XVI–XVII вв. в результате колонизационной политики — сначала как укрепленное место размещения военного отряда казаков (Рис. 2), а потом как деревянная крепость с административными и военно-хозяйственными постройками (Рис. 3). А затем и как каменная крепость с деревянными жилыми и административными зданиями (Рис. 4).

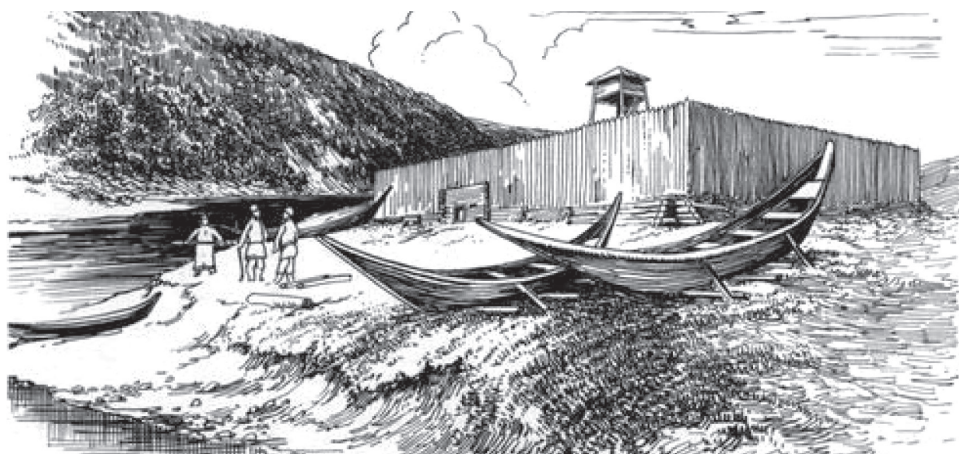

Рис. 2. 1652 г. Иркутская деревянная крепость-острог — начальный этап колонизации Восточной Сибири (рисунки Б. Лебединского).

Источник: Судьба деревянного Иркутска. Перспективы развития города [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.brandcampus.ru/pause/pause_28.html на русс. яз.

Рис. 3. 1695 г. Иркутская деревянная крепость (реконструкция В. Кочадамова).
Источник: Шесть стилей деревянного Иркутска. Часть 1: Сибирское барокко, классицизм, модерн, неатрибутированные формы [электронный ресурс]. Режим доступа: http://archvuz.ru/2013_2/8 на русс. яз.

Рис. 4. 1700 г. Иркутская каменно-деревянная крепость (гравюра Б. Лебединского).
Источник: Шесть стилей деревянного Иркутска. Часть 1: Сибирское барокко, классицизм, модерн, неатрибутированные формы [электронный ресурс]. Режим доступа: http://archvuz.ru/2013_2/8 на русс. яз.

Поселение стремительно росло. Каменными в нем были лишь культовые, административные и отдельные общественные здания. Весь остальной город, как и все прочие города Сибири, был деревянным. Причина в том, что кирпич дорог, а деревья полным-полно — за околицей тайга. В 1730 г. в Иркутске насчитывалось всего лишь 5 каменных строений: 2 церкви, приказная изба, пороховой погреб и пивоварня (1).

Вся остальная жилая застройка представляла собой 1-2-этажные деревянные дома. И через семьдесят лет картина не изменилась — к концу XVIII в. в Иркутске насчитывалось 2 800 домов, из которых каменных (и казенных, и частных) было около 30 (2), остальные — деревянные (3). В 1803 г. в городе — 59 каменных построек. В 1810 г. — более 70 каменных зданий, из них 30 частных казенных домов (4) (Рис. 5, 6, 7).

Рис. 5. Иркутск. Вид с Иерусалимской горы.
Источник: Иркутск. Вид с Иерусалимской горы [электронный ресурс]. Режим доступа: <http://baikal.ru/ru/irkutsk/cards/panors/pan3.html> на русс. яз.

Рис. 6. Иркутск. Вторая половина XVIII в.

Источник: Иркутск на почтовых открытках [электронный ресурс]. Режим доступа: <http://baikal.ru/ru/irkutsk/cards/panors/pand3.html> на русс. яз.

Рис. 7. Иркутск. Вторая половина XVIII в.

Источник: Иркутск на почтовых открытках [электронный ресурс]. Режим доступа: <http://baikal.ru/ru/irkutsk/cards> на русс. яз.

В конце XVIII в. росту города в немыслимой степени способствовал тот факт, что в 1799 г. Иркутск стал столицей гигантской

губернии, границы которой захватывали и Камчатку, и Американский континент, в частности Аляску (Рис. 8).

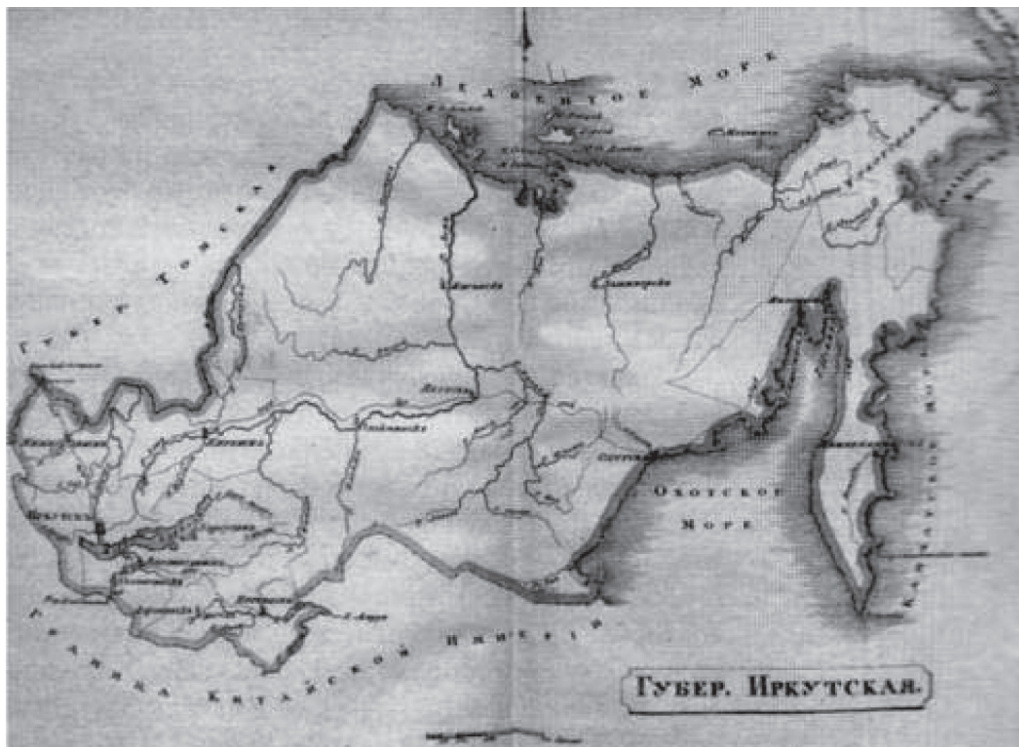

Рис. 8. Карта Иркутской губернии. 1808 г.

Источник: Шесть стилей деревянного Иркутска. Часть 1: Сибирское барокко, классицизм, модерн, неотрибутированные формы [электронный ресурс]. Режим доступа: http://archvuz.ru/2013_2/8 на русс. яз.

В г. Иркутске формировались все экспедиции на Дальний Восток, в Монголию, Якутию, Америку. Через Иркутск шли все посольства в Пекин и торговые караваны в Китай. Оптовая торговля с Тихоокеанским Востоком сосредотачивалась в руках иркутских купцов, что способствовало формированию крупных личных капиталов и, как следствие, интенсивному гражданскому строительству и сопутствующему ему украшению новостроек и интерьеров.

В 1879 г. пожар уничтожил всю центральную часть города. После пожара Иркутск довольно быстро отстроился заново. Причем на месте сгоревших домов возникла новая деревянная и каменная застройка, которая планировочно мало отличалась от допожарной, потому что

новые дома появлялись в тех же самых границах земельных участков, которые были до пожара, и в прежних габаритах зданий. Делалось это из-за необходимости следовать тем же самым нормативным требованиям противопожарных разрывов между зданиями, предельно разрешенной этажности, необходимости обеспечивать прежние эксплуатационные условия — разворот телег, въезд во двор, удобство разгрузки поклажи и проч. Эта новая деревянная застройка во многом воспроизводила те формы декоративного убранства домов, которые существовали до пожара. Потому что ничего иного плотницкие бригады изготавливать не умели и при восстановлении домов повторяли известные им приемы и воспроизводили отработанные ими формы (Рис. 9, 10, 11).

Рис. 9. Застройка города после пожара 1879 г. Вид города Иркутска. 1898 г.

Источник: Иркутск на почтовых открытках [электронный ресурс]. Режим доступа: <http://baikal.ru/ru/irkutsk/cards> на русс. яз.

Уникальность современного Иркутска заключается в том декоративном убранстве, которое несут сохранившиеся до сегодняшнего дня деревянные дома, возведенные в конце XVII — начале XIX века. Именно деревянная историческая застройка является основной чертой Духа места и главной характеристикой идентичности города. Декоративное убранство деревянных домов Иркутска — главная ценность историко-культурного наследия, «архитектурный генофонд» Восточной Сибири.

Рис. 10. Застройка города после пожара. Вид города Иркутска. 1906 г.

Источник: Иркутск на почтовых открытках [электронный ресурс]. Режим доступа: <http://baikal.ru/ru/irkutsk/cards> на русс. яз.

***И вдруг привидится такое:
В сплетенье судеб и тревог
Встает над дикою рекою
Иркутский рубленый острог.
...Ни знатных зодчих, ни прорабов,
Ни удалых грузовиков,
Весь мир — боярский сын Похабов
Да сотня дюжих казаков.***

Марк Сергеев

В 1731 г. Иркутск становится центром провинции и его роль как административного и торгового центра резко возрастает.

Рис. 11. Новая застройка Иркутска после пожара. Вид города Иркутска. 1914 г.

Источник: Иркутск на почтовых открытках [электронный ресурс]. Режим доступа: <http://baikal.ru/ru/irkutsk/cards> на русс. яз.

В середине XVIII в. тип планировки усадебной застройки окончательно переходит от сельского вида жилого дома к городскому, а внешний вид городских жилых домов коренным образом изменяется с появлением пиленых досок (5). В предыдущий период — с момента основания города до середины XVIII в. — г. Иркутск строился почти исключительно из топорного леса, и вопрос экономии не стоял, так как вокруг был строевой лес, постепенно выбираемый на строительство и дрова (6). Если брус, пластины, тес и применялись, то довольно редко ввиду трудоемкости их изготовления. Так, для получения бруса, плаха (половина бревна) или пластин бревна стесывались топором или раскалывались при помощи клиньев. Для кровли использовалось дранье или тес. При изготовлении теса нужно было расколоть бревно на части топором и деревянными клиньями, затем обтесать поверхность полученной тесины топором-теслом. Сложность и медленность этого процесса исключали широкое использование теса и, как следствие, основное его количество шло на устройство кровли, а в оформлении фасадов он почти не употреблялся (7).

Пиленый стройматериал появился с возведением лесопилки, которая располагалась на р. Ушаковке и приводилась в действие при помощи воды (поэтому летописи именуют ее «пильной мельницей»). Точное время ее появления неизвестно, но в начале 1757 г. она уже работала (8). Принято считать, что именно появление пиленых материалов явилось одной из причин переворота в архитектуре городского жилища, так как повлекло за собой изменение конструктивной системы — замену самцовой конструкции крыши (Рис. 12) на стропильную. Некоторые специалисты (Калинина, Красная) считают, что это совпало по времени с регламентацией межевания участков, что, в свою очередь, повлекло торцовое

Рис. 12. Дом с самцовой кровлей. Архитектурно-этнографический музей «Тальцы». Источник: Калинина И. В., Красная Н. Н. Город и дерево. Архитектура и ремесло. — Иркутск: ООО Агентство «МайР», 2013. — 452 с., илл. С. 78

расположение жилых домов на участке, и с законодательным определением торцового фасада, обращенного к улице, как главного (9).

Некоторые исследователи (Л. Басина, А. Гаращенко, И. Калинина, Е. Ладейщикова) полагают, что формирование во второй половине XVIII в. городского облика дома также связано с появлением таких новых строительных материалов, как листовое стекло и листовое железо (10).

Исчезновение массивных самцовых бревен и появление щипца из пиленых досок привели к устройству фронтона и формированию принципиально новой фасадной композиции, поскольку теперь сруб стены отделился от крыши, перестав составлять с ней неразрывное целое. Наряду с более пологой, утратившей с торца значительные выносы двускатной кровлей стала применяться конструкция высокой (подчас равной высоте самого дома) четырехскатной крыши с вальмами (дом с подобной кровлей получил наименование «горбатый»), которая еще более закрепила преобразования композиции фасада, поскольку торцовый фасад, который обычно являлся главным, уличным, приобрел прямоугольное очертание (Рис. 13).

Рис. 13. Иркутск. Жилой дом, названный «горбатым». Троицкая ул. (ул. 5 Армии).

Источник: Калинина И. В., Красная Н. Н. Город и дерево. Архитектура и ремесло. — Иркутск: ООО Агентство «МайР», 2013. — 452 с., илл. С. 20.

Если ранее самцовый бревенчатый щипец составлял неразрывное единство со стеной, сливаясь с нижней частью постройки, то теперь прямоугольная стена фасада резко разграничилась с кровлей,

визуально отделившись от нее либо фронтоном, либо вальмовым скатом, что дало повод для появления обильного подкарнизного декора (Рис 14).

Рис. 14. Иркутск. Дом с вальмовой кровлей. Подкарнизный декор кровли и фронтона.

Источник: Предоставлено Я. Лисициной

Изменились пропорциональные соотношения основных объемов, важную роль начинают играть оконные проемы, размеры которых увеличились. Как следствие, с лицевых фасадов исчезают волоковые окна, первоначальная двухосная композиция заменяется трехосной (позже ставшей традиционной), что изменяет положение окон на фасаде, их размеры и пропорции. Примерно в это время на колодных окнах появляются зачаточные формы наличников в виде простой доски, прикрывающей щель между верхней колодной и бревном (11). Изредка наличники и подкарнизные доски профилировались скромной порезкой в виде орнаментальных полос в технике глухой резьбы (12). Тип городского жилого дома на одну семью представлял собой сооружение в одно или в два жилья на подклете, иногда с мезонином. Большие двухоконные сени делались с высоким крыльцом (13).

Отказ от самцовых кровель и появление колодных окон открыли дорогу использованию новых элементов архитектуры — карнизов, фронтонов, балконов с ограждением в виде балясин, наличников и т. д. (14). По мнению отдельных специалистов (Калинина, Красная), зачаточные формы наличников появляются в иркутских жилых домах с середины XVIII в. (15).

***Домик деревянный неказистый
И забор — не нынешним чета.
Только взгляд становится
искрившим,
Там резьба, как песня, как мечта.***

Л. Лампи

Деревянный декор иркутских домов включает пять стилей: 1) сибирское барокко; 2) классицизм; 3) неорусский (славянский языческий); 4) восточный; 5) модерн. Кроме того, присутствуют художественно целостные ансамбли неатрибутированных на данный момент стилистических форм.

Удивительно то, что до сих пор внимание исследователей было сосредото-

но всего лишь на двух стилях — барокко и классицизме. Остальные не выделялись и не изучались. Так, в статье, посвященной декору фасадов и интерьеров иркутских домов, московский архитектор Е. Ю. Барановский, исследовавший деревянную историческую застройку г. Иркутска, указывает на наличие всего двух стилей — «барочного и классического» (16), прочие формы именуя «эклектичными модификациями». Другие стили — неорусский (славянский языческий), восточный, деревянный модерн оставались в «научной тени» и не привлекали внимания исследователей, несмотря на то, что в иркутских домостроениях они представлены, пожалуй, наиболее широко и многообразно (особенно славянский языческий).

Каждый их иркутских стилей декора отличается спецификой архитектурной пластики и своеобразием форм практически всех элементов, слагающих художественный ансамбль декоративного убранства данного вида. В этой связи трудно согласиться с высказыванием о том, что иркутские «деревянные постройки сложно отнести к конкретному стилистическому направлению, поскольку грань между декоративными элементами классицизма и барокко трудноразличима» (17).

Рассмотрим стили декора, выявив в каждом из них характерные признаки и специфические элементы, определив конкретные художественные «границы», разительно отличающие их друг от друга, и поставив вопросы о причинах возникновения этих стилей в сибирской провинции, движущих силах и механизмах смены одного стиля другим.

СИБИРСКОЕ БАРОККО

Когда краеведы, историки и архитекторы говорят и пишут о «сибирском барокко» (именуемом иногда московским, нарышкинским или украинским), то обычно в качестве примеров и основных объектов изучения приводят каменные культовые здания. Особенно часто как наиболее яркий образец сибирского ба-

рокко приводят Крестовоздвиженскую церковь — подлинный шедевр сибирского культового зодчества (Рис. 15).

Рис. 15. Иркутск. Декор фасада Крестовоздвиженской церкви.

Источник: Храмы г. Иркутска [электронный ресурс]. Режим доступа: http://dickhunter.narod.ru/photoalbum_irkutsk_ch.html на русс. яз.

Но очень мало, практически ничего не пишут об огромном количестве деревянных иркутских домов, фасады которых украшены деревянными наличниками с криволинейным сандриком в виде двух встречных волют и акротерия, выполненных в технике объемной резьбы. Этот наличник с характерным художественным элементом — объемным резным акротерием и волютами — и является основным признаком деревянного иркутского декора стиля «барокко» (Рис. 16).

Рис. 16. Иркутский деревянный декор. Сибирское барокко (Фото Б. Дмитриева, Л. Антипина, Н. Зарубиной, М. Мееровича)

Анализ исключительно каменной храмовой архитектуры для описания стиля «сибирское барокко» и игнорирование огромного количества деревянных домов рядовой застройки с уникальнейшим резьбовым декором являются следствием устойчивого представления специалистов о том, что «барочное стилистическое направление нашло отражение в основном в культовой архитектуре», в то время как «в частном деревянном домостроении... господствовал классицизм» (18). С этим утверждением невозможно согласиться.

В ходе исследования, выполненного студенткой Зарубиной Н. А. на кафедре Архитектурного проектирования ФГБОУ ВПО «Иркутский государственный технический университет» в форме научно-исследовательской дипломной работы по теме ««Сибирское барокко» в деревянной гражданской архитектуре г. Иркутска XIX в.» (19), были выявлены, обобщены и типологизированы формы декора данного стилистического направления, расположенные на наличниках, лобанях, подоконных досках. Исследование доказало, что разнообразие форм декора стиля «иркутское барокко» значительно богаче и шире, нежели в каменной культовой архитектуре. И что барочное стилистическое направление нашло свое воплощение в гражданской архитектуре в несравнимо большей степени и в значительно более широком диапазоне создания пластических форм, нежели в культовой.

Несмотря на глубину и широкий охват материала исследованием Н. А. Зарубиной, выявившим, систематизировавшим и обобщившим барочные формы декора более чем сотни сохранившихся объектов, приходится констатировать, что проявление барокко в гражданской деревянной архитектуре г. Иркутска, к сожалению, еще очень далеко от исчерпывающих выводов. На сегодняшний момент даже не определена точная дата появления этого стиля в деревянной архитектуре города. Возможно, он возник

даже раньше массовой моды на классицизм, принудительно привитой российской провинции в результате целенаправленной государственной архитектурной политики в самом конце XVII в. Или он появился только во второй половине XVIII в. — после того, как ослабились нормативно-законодательные регулятивы внедрения образцовых классицистических фасадов. Или барокко и классицизм сосуществовали одновременно (о чем свидетельствуют одинаковые даты построек, несущих разные формы декора, а также совершенно не описанное явление одновременного наличия на фасаде деревянных иркутских домостроений элементов обоих стилей) — факт, который до сих пор остается абсолютно не разъясненным с точки зрения общей теории эволюции архитектурных стилей, описывающей их последовательную смену, но никак не одновременное существование.

Также до сих пор не разъяснены причины появления этого стиля в Иркутске. Указания на то, что он возник благодаря выходцам из Украины или европейской части России, которые мигрировали в Сибирь и принесли с собой стилистические предпочтения «украинского барокко» или «московского барокко», впоследствии «переплавившиеся» на месте в формы «сибирского барокко», бездоказательны и основаны лишь на визуальном сходстве некоторых форм и элементов. Эта версия сомнительна, прежде всего, потому, что по всей траектории соответствующих миграционных потоков по территории России, во всех тех местах, где оседали переселенцы, ничего подобного не обнаруживается.

Гипотеза о влиянии польских ссыльных, которые в результате депортации перемещались из Польши непосредственно в Сибирь, нигде не оседая по пути принудительной высылки, кажется более правдоподобной. Но и она требует проверки из-за целого ряда присущих ей противоречий. В частности, выяснения того, селились ли в Иркутске польские ссыльные

компактно или рассредоточено? Выступали ли они в роли застройщиков жилья или были лишь его арендаторами, потому что стиль декора определялся владельцем дома, а не временными квартиросъемщиками. Работали ли они плотниками или резчиками по дереву (т. е. имели ли возможность привнести привычную им барочную стилистику в свои повседневные заказы)? Для проверки этой гипотезы нужно построить сравнительные таблицы, позволяющие сопоставить национальную и культурную (а также, возможно, и религиозно-конфессиональную) принадлежность владельцев домостроений с одной стороны, и виды декора на этих домах с другой. А затем определить, имеется ли какая-либо художественно-образная специфика домостроений, в которых жили польские ссыльные. Было бы весьма целесообразным провести подобную работу в отношении территориальной локализации проживания представителей других конфессий и этнических диаспор (в частности, для выявления генезиса восточного стиля иркутского деревянного декора (20)).

Калинина И. В. и Красная Н. Н. утверждают, что привнесению в иркутское деревянное зодчество архитектурных стилей «барокко» и «классицизм» в конце XVIII в. способствовали профессиональные архитекторы А. Я. Алексеев и А. И. Лосев, работавшие губернскими архитекторами (21). Однако хронологически период их деятельности в этом качестве соответствует периоду господства классицизма, но никак не барокко... Кроме того, профессиональные архитекторы практически не были задействованы в процессах деревянного жилищного строительства и вряд ли могли хоть как-то способствовать появлению и массовому распространению деревянного барочного декора.

Необходимо также проверить предположение о прототипической роли в возникновении стиля «сибирское барокко» барочных иконостасов православных храмов г. Иркутска, поскольку на это ука-

зывают И. В. Калинина и Н. Н. Красная, высказывая предположение о том, что именно отсюда барочные мотивы «постепенно переключались в домовую резьбу. Связь эта закономерна, поскольку ту и другую резьбу выполняли одни и те же мастера, более того, изощренность форм иркутских барочных наличников могла возникнуть только на базе мастеров-резчиков высокой квалификации... Именно в иконостасной резьбе зародились и сформировались орнаментальные мотивы, формы и композиционные приемы» (22).

Для проверки этой гипотезы следует проанализировать эволюцию стилистики иконостасов (и церковных интерьеров в целом) в период с конца XVII в. до начала XIX в., а затем хронологически сопоставить ее с появлением и последующей эволюцией «сибирского (иркутского) барокко» на фасадах иркутского жилья. Данное исследование позволит конкретизировать хронологические границы явления «иркутское барокко» поскольку общеизвестно, что проявление архитектурной «моды» (в том числе и в интерьерах) применительно к церковной архитектуре — это явление совсем не стихийное, а скорее «законодательное». Это значит, что храмовые здания строились и оформлялись не в соответствии со вкусами настоятелей, эстетическими предпочтениями руководства местной епархии или, тем более, вкусами прихожан, а согласно церковным канонам, и тот или иной стиль декоративного убранства интерьеров церквей был централизованно регулируемым и предписываемым из столицы, из Синода. Установление точных датировок церковных постановлений о распространении стиля барокко в провинцию и сопоставление их с датами возведения жилых иркутских домостроений с барочным декором позволит выявить хронологическую последовательность событий и характер влияния интерьеров культовых зданий на фасады гражданских. Также следует установить, имели ли мастера-резчики иконостасов возмож-

ность (и в каких масштабах) «подрабатывать на стороне», занимаясь резьбой наличников жилых домов.

Пытаясь обнаружить истоки сибирского барокко в гражданской деревянной архитектуре Иркутска, также следует проработать и «бытовую» гипотезу происхождения — влияние стилистики мебели, выступившей в качестве прототипа для заимствования пластических элементов в оформлении наличников зданий.

Стиль «сибирское барокко» и его

местная разновидность «иркутское барокко», проявившие себя в деревянной гражданской архитектуре г. Иркутска — это уникальное, неизученное явление, предмет давно назревших комплексных региональных краеведческих исследований.

КЛАССИЦИЗМ

«Деревянный классицизм» — стиль, имитирующий в дереве формы каменной архитектуры классицизма (Рис. 17, 18, 19).

Рис. 17. Пример иркутского деревянного декора, имитирующего формы каменной архитектуры (ул. Декабрьских событий, 52. Фото М. Мееровича)

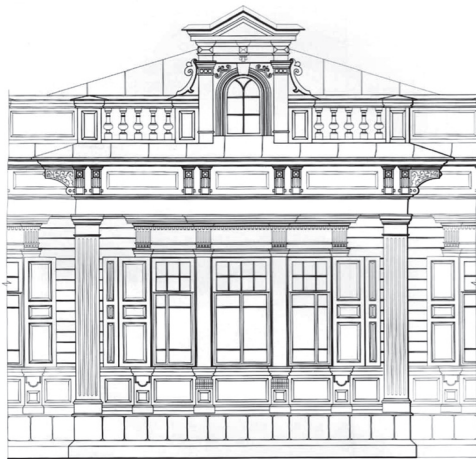

Рис. 18. Пример иркутского деревянного декора, имитирующего формы каменной архитектуры (ул. Декабрьских событий, 52). Чертеж фрагмента фасада. Источник: Калинина И. В., Красная Н. Н. Город и дерево. Архитектура и ремесло. — Иркутск: ООО Агентство «МайР», 2013. — 452 с., илл. С. 380.

Рис. 19. Пример иркутского деревянного декора, имитирующего формы каменной архитектуры (ул. Декабрьских событий, 52). Чертеж фрагмента фасада. Источник: Калинина И. В., Красная Н. Н. Город и дерево. Архитектура и ремесло. — Иркутск: ООО Агентство «МайР», 2013. — 452 с., илл. С. 383.

Стиль классицизм был привнесен в Сибирь вместе с «высочайше рекомендованными» фасадами, которые ста-

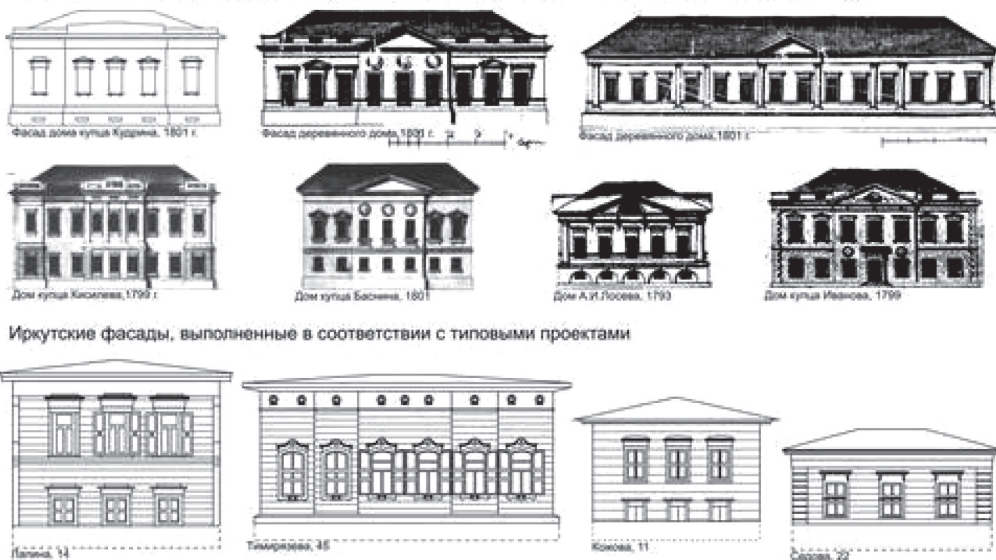
ли поступать в иркутскую провинцию из Санкт-Петербурга начиная с 1792 г. (Рис. 20, 21).

Рис. 20. «Фасадов примерных против протчих вновь строящихся городов каменным и деревянным домам», 1770-е гг. (верхний ряд слева направо: фасад каменного дома, фасад дома с лавками на первом этаже; нижний ряд: фасады деревянных домов).

Источник: Асманкина В. А. Влияние эстетики классицизма на декоративное убранство деревянной гражданской архитектуры г. Иркутска конца XVIII — начала XX в. Научно-исследовательская историко-теоретическая дипломная работа. Рук. Меерович М. Г., конс. Ладейщикова Е. Р. 2011. — 90 с. — рукопись

1792 - Высочайше утвержденный градостроительный план и первые образцовые фасады для Иркутска

Иркутские фасады, выполненные в соответствии с типовыми проектами

Рис. 21. Образцовые фасады для Иркутска. 1792 г.

Источник: Асманкина В. А. Влияние эстетики классицизма на декоративное убранство деревянной гражданской архитектуры г. Иркутска конца XVIII — начала XX в. Научно-исследовательская историко-теоретическая дипломная работа. Рук. Меерович М. Г., конс. Ладейщикова Е. Р. 2011. — 90 с. — рукопись

В 1809 г. издается правительственный указ «О строении частных домов в городах по вновь высочайше утвержденным фасадам». За три года (с 1809-го по 1812 г.) было издано пять гравированных альбомов чертежей, соответствовавших взглядам русского классицизма. Они были объединены под общим названием «Собрание фасадов, Его Императорским Величеством высочайше апробирован-

ных для частных строений в городах Российской Империи». В пяти альбомах, рассылавшихся на места, содержалось в общей сложности около 224 образцовых фасадов жилых, хозяйственных и других зданий и свыше 70 проектов заборов и ворот. Проекты не сопровождалась планами, потому что целью этой акции было обеспечить стилевое единство застройки, оставив при этом будущему владель-

цу максимальную свободу в выборе планировки дома и его украшения. Каждый конкретный застройщик, получая разрешение на строительство, снабжался всего двумя предписывающими чертежами: планом участка и фасадом здания. В Иркутск экземпляр (в двух томах) «Высочайше утвержденных фасадов частных домов по городам Российской империи» поступил в начале 1810 г. 14 марта эти образцовые фасады были препровождены в городскую думу для обязательного исполнения (23).

Согласно строительному Уставу того периода «постройка по фасадам может быть производима в большей или меньшей величине с уменьшением числа

окон, размера их» (24). Во второй половине XVIII в. была разработана (архитектором И. Лемом) и разослана по меньшей мере по 200 российским городам серия проектов из 8 домов и лавок, называвшаяся «Фасада примерных против протчих вновь строящихся городов каменным и деревянным домам». В соответствии с Уставом проекты были снабжены сопроводительной записью: «Наружные украшения и внутреннее расположение оставить хозяевам на волю кто какия пожелает» (25). Это давало законодательные возможности серьезных изменений образцовых фасадов на местах (Рис. 22) и предоставляло полную свободу собственникам в декорировании зданий.

1.

2.

Рис. 22. Иркутск. Преобразование образцового фасада в ходе доработки образцовых проектов на местах: 1. Образцовый фасад; 2. Дом Гофмана (ул. Большая).

Источник: Калинина И. В., Красная Н. Н. Город и дерево. Архитектура и ремесло. — Иркутск: ООО Агентство «МайР», 2013. — 452 с., илл. С. 35.

Итак, и материал постройки, и внутренняя планировка, и декор фасада в конце XVIII — начале XIX в. в г. Иркутске определялись владельцами домов самостоятельно и административными структурами никак не регламентировались. Таким образом, частный застройщик, с одной стороны, строго подчинялся градостроительной дисциплине и внедряемой свыше общей стилиевой направленности городской застройки, а с другой — имел достаточно широкую свободу в определении внутреннего обустройства домостроений и их внешнего оформления. В результате переделки образцовых фасадов под дерево — основной в тот период местный строительный матери-

ал — и возник в г. Иркутске «деревянный классицизм».

Однако с 1811 г. декоративное убранство стало регламентироваться. С этого времени, в отличие от предшествовавшего периода, когда выбор наружного украшения производился самостоятельно и своевольно домовладельцем или архитектором, фасады могли декорироваться только формами и элементами из художественного арсенала классицизма: модульонами, триглифами, замковыми камнями, рустованными цепями углов зданий, ордерными композициями и другими элементами, традиционному русскому деревянному зодчеству совершенно не свойственными (Рис. 23) (26).

«В соответствии с проектными образцами фасады деревянных зданий получали обязательную симметрию, трехчастное членение по высоте, подобно ордерному, а также обшивку гладкими досками, имитировавшую штукатурку каменной поверхности» (27).

Рис. 23. Иркуцк. Жилой дом, пер. Волконского, 10. Источник: Калинина И. В., Красная Н. Н. Город и дерево. Архитектура и ремесло. — Иркуцк: ООО Агентство «МаиР», 2013. — 452 с., илл. С. 38.

С этого момента типология декора стиля классицизм иркуцких деревянных домостроений разделяется на три «руса»: 1) изготовление стилистических элементов классицизма (карнизов, пилястр, тяг, капителей и проч.) в деревянном исполнении (Рис. 24); 2) изготовление стилистических элементов классицизма (ризалитов, триглицфов, лопаток, на которых часто делали вертикальные желобки, имитирующие каннелюры, капителей, тяг и проч.) за счет штукатурки по дранке (Рис. 25), — в этом случае для придания еще большего сходства с каменной архитектурой также оштукатуривались и плоскости деревянных стен; 3) изготовление в деревянном исполнении ставен, наличников, фриза, подкарнизного декора и проч., но размещение их на оштукатуренном фасаде деревянного дома (Рис. 26).

Рис. 24. Пример деревянного дома, в котором элементы фасадного декора выполнены штукатуркой по дранке (ул. Свердлова, 23. Фото М. Мееровича)

Рис. 25. Пример деревянного дома, оштукатуренного по дранке (ул. Некрасова, 9 а. Фото М. Мееровича)

Рис. 26. Пример оштукатуренного деревянного дома с подшивным дощатым фризом, деревянными наличниками, ставнями, подкарнизным декором и проч. (ул. Некрасова, 9 а. Фото М. Мееровича)

Иркутская деревянная архитектура стиля классицизм с элементами, выполненными из дерева, несет практически всю палитру пластических решений каменной классицистической архитектуры (Рис. 27). И при этом отличается рядом характерных особенностей. Так, одной из отличительных черт иркутского деревянного классицизма являются фальшивые кронштейны (Рис. 28, 29). В подлинной классической архитектуре они являются элементом, реально поддерживающим выступающие части здания (свесы кровли, балконы и т. п.). В противоположность этому в иркутской деревянной архитектуре деревянные кронштейны дома лишь фиктивно держат сильный вынос кровли, потому что на самом деле они не являются наружными выносами балок перекрытия, как в классической архитектуре, а лишь имитируют их наличие.

Рис. 27. Имитация форм каменной архитектуры в дереве (ул. Декабрьских Событий, 52).
Источник: Калинина И. В., Красная Н. Н. Город и дерево. Архитектура и ремесло. — Иркутск: ООО Агентство «МайР», 2013. — 452 с., илл. С. 380.

Рис. 28. Фальшивые деревянные кронштейны (ул. Марата, 54. Фото М. Мееровича)

Рис. 29. Фальшивые деревянные кронштейны (ул. Декабрьских событий, 52).
Источник: Калинина И. В., Красная Н. Н. Город и дерево. Архитектура и ремесло. — Иркутск: ООО Агентство «МайР», 2013. — 452 с., илл. С. 382.

Другим характерным признаком иркутского деревянного классицизма являются деревянные триглыфы, которые представляют собой деревянный брусок с 2-4 неглубокими бороздками со скошенными углами, на котором ниже полочки располагаются 4-5 деревянных объемных треугольника, обозначающих (имитирующих) классицистические «капли» (Рис. 30). Характерной чертой является то, что в иркутском деревянном классицизме разрыв между триглыфами далек от классицистических образцов — расстояния между ними в 5-6 раз больше, чем в обычной каменной ордерной схеме.

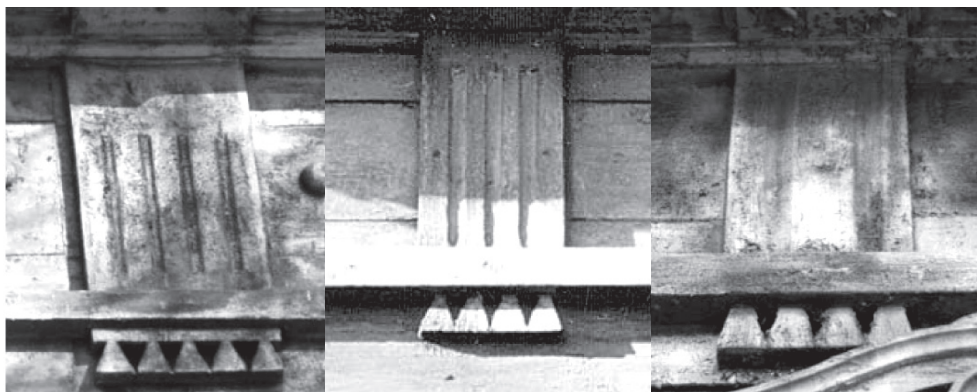

Рис. 30. Иркутские триглифы (Фото В. Асманкиной)

Сегодня феномен иркутской деревянной архитектуры, имитирующей каменные формы архитектуры классицизма, в достаточной мере не исследован и не изучен. Это серьезная исследовательская задача регионального краеведения. На сегодняшний момент очевидным является лишь тот факт, что по разнообразию форм, по оригинальности пластических решений, по характеру сочетания с другими стилями это — уникальное явление в сибирской архитектуре.

Для того, чтобы глубже понять истоки возникновения, распространения и развития этого стиля в деревянной гражданской архитектуре г. Иркутска и Восточной Сибири в целом, необходимо выяснить, сколько домов, относящихся к этому стилю, было в Иркутске до массового уничтожения деревянной исторической застройки в советский период

в результате сноса, а особенно в результате поджогов в последние десятилетия. Сколько домов с той или иной разновидностью классицистического декора сохранилось на сегодняшний день в Иркутске, как они расположены, можно ли выявить закономерности их появления в зависимости от этапов расширения городской застройки? Почему они разбросаны по территориям, относящимся к разным этапам развития города? Почему мы не обнаруживаем близких по стилю декора домов, расположенных рядом друг с другом? Какие разновидности классицистического стиля реально представлены в декоративном оформлении фасадов иркутских зданий? Почему, например, в системе классицистического декора встречается совершенно нехарактерный для классицизма растительный орнамент (Рис. 31)?

Рис. 31. Растительный орнамент в классицистическом декоре (ул. Карла Либкнехта, 24. Фото М. Мееровича)

МОДЕРН

Стиль модерн в дереве существует в г. Иркутске всего в нескольких отдельных примерах. Он не представляет собой массового явления, подобного вышеперечисленным стилям (Рис. 32).

Рис. 32. Иркутск. Жилой дом в стиле модерн, ул. Дзержинского, 15.
Источник: Калинина И. В., Красная Н. Н. Город и дерево. Архитектура и ремесло. — Иркутск: ООО Агентство «МайР», 2013. — 452 с., илл. С. 398.

Рис. 33. Иркутский деревянный декор. Модерн (ул. Профсоюзная, 87).
Источник: Резьба по дереву в архитектуре Иркутска [электронный ресурс]. Режим доступа: http://irkipedia.ru/content/rezba_po_derevu_v_arhitekture_irkutska

В отечественной историографии, посвященной деревянному декору, принято считать, что одной из основных причин изменения его стилистики являлась эволюция технологий и инструментов работы с деревом. Интереснейшей задачей исследования декора деревянной гражданской архитектуры г. Иркутска является выяснение, какая технология производства плотницких работ «сопровождала» каждый из перечисленных выше стилей: модерн, деревянный классицизм, «иркутское барокко», «древнерусский языческий», восточный?

Для ответа на вопрос о механизме воспроизведения стилей деревянного декора необходимо также собрать хронологически развернутый материал о процентном соотношении хозяйств г. Иркутска, занимающихся столярным и плотничным промыслами, о количестве плотницких артелей, об общем количестве членов артелей, содержании их работы, характере взаимодействия с заказчиком, отношении расценок на возведение сруба и на декорирование фасада, способе изготовления декора — штучном (для каждого здания) или «поточном» (когда декор заготавливался впрок и заказчик мог купить его так же, как мы сегодня покупаем на строительных рынках гипсовые карнизы), об этнической принадлежности мастеров-резчиков и т. п.

Эти вопросы касаются и деревянного модерна. И, решая их, исследователь вновь с неизбежностью выходит к теме «подготовки плотницких и столярных кадров по 15 видам ремесел» (28) и оказывается перед необходимостью охарактеризовать художественное образование, которое получали выпускники «Конторы строения домов и различных ремесел», составлявшие костяк рабочих артелей, занимавшихся изготовлением декоративного убранства жилых домов. А самое важное — необходимо выяснить, в какой мере они могли влиять на вкусовые и стилистические предпочтения заказчика?

Также необходимо составить хроно-

логические таблицы, в которых синхронно сопоставить на иркутском материале: а) эволюцию технологий плотницких работ (появление в Иркутской губернии машин, инструментов по распиловке дерева и вырезанию криволинейных форм, изменение техник обработки древесины, способов скрепления различных деталей в единую композицию наверху и т. п.); б) расширение территории города на различных этапах его развития с показом, в какой период и какие новые стилистические веяния появлялись на той или иной конкретной территории; в) эволюцию деревянного декора различных стилей (наглядно показать, что изменялось со временем, а что оставалось неизменным); г) эволюцию архитектурной моды и «официально распространяемых» стилей (когда появились те или иные стили, когда начали смешиваться); д) примеры декора, спроектированного профессиональными архитекторами и примеры работы народных плотницких артелей (провести сравнительно-сопоставительный анализ и показать, в чем разница).

Один из основных вопросов темы: на каком этапе строительства жилого дома и кто конкретно определял характер декоративного убранства (на стадии проекта, на стадии согласования, на стадии строительства, на стадии украшения)? В какой мере характер декора регламентировался распоряжениями чиновников? В какой степени хозяин волен был сам определять внешний вид своего дома, а в какой вынужден был следовать традиции (описать примеры и сопоставить постройки, относящиеся к произвольному решению хозяина дома и к определенному стилю, навязанному ему сверху)? Можно ли утверждать, что выбор стиля декоративного убранства дома и конкретных элементов декора мог принадлежать исключительно мастеру артели? То есть, кто выступал «субъектом» декорирования: а) хозяин домостроения; б) профессиональный архитектор, привлекавшийся к проектированию здания;

в) художник, участвовавший в меблировке интерьера или разработке внешнего вида — фасада здания; г) бригадир артели плотников, на свой вкус подбиравший и компоновавший стандартные элементы отделки фасадов; г) городской архитектор, подписывавший разрешение на применение типового фасада, и др.?

НЕОРУССКИЙ («СЛАВЯНСКИЙ ЯЗЫЧЕСКИЙ»)

Название «славянский (древнерусский) языческий стиль» декора условно. Оно указывает на присутствие в деревянном орнаменте иркутских домов магико-символических элементов, описанных Б. А. Рыбаковым в его трудах «Язычество древней Руси» (29) и «Язычество древних славян» (30) (Рис. 34).

Рис. 34. Иркутский деревянный декор. Древнерусский языческий стиль (бульвар Гагарина, 16. Фото Б. Дмитриева)

Если мы рассмотрим верх типичного иркутского оконного наличника, то увидим, что он украшен резным полукругом, расположенным посередине, и еще двумя четвертинками кругов по краям (Рис. 35).

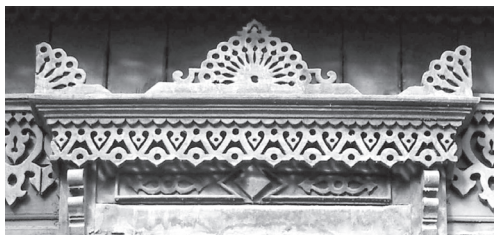

Рис. 35. Знаки солнца на наличнике дома (улица Марата, 62. Фото М. Мееровича)

Б. А. Рыбаков приводит в своей книге значения подобных языческих религиозно-магических символов (31). Опираясь на них, можно утверждать, что декоративные элементы в виде полукруга и четверика символизируют небесное светило в трех состояниях ежедневного, ритмически повторяющегося цикла солнцехода: восход, полдень и закат (Рис. 36).

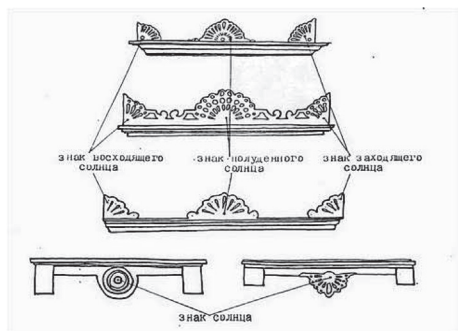

Рис. 36. Знаки солнца в иркутском деревянном декоре (Составлено М. Г. Мееровичем)

Наличие архаического знака солнца в нижней части окна объясняется тем, что представления о мире у древних славян имели трехчленную структуру (Рис. 39). Согласно этим представлениям солнце после прохождения по небесной части своего пути спускалось под землю, где омывалось в подземных водах, а затем вновь восходило на небе — чистое и животворное. Этими представлениями, кстати, предопределено особое значение в сюжетах

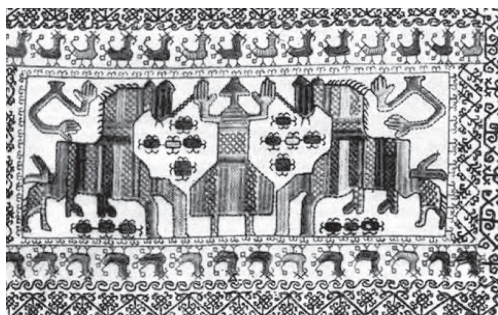

Рис. 37. Традиционный древнерусский мотив вышивки — изображение коней и водоплавающих птиц. Источник: Рыбаков Б. А. Язычество древних славян. М.: Наука. 1994. — 610 с.

древнерусского быта — в вышивке, резьбе на домашней утвари и т. п. — изображений водоплавающих птиц (гусей, уток, лебедей), а также коней. Именно они возили солнце в его надземной (кони) и подземной (гуси) частях солнцехода (Рис. 37, 38, 39).

Рис. 38. Изображения коней и водоплавающих птиц, а также знака солнца на бытовой утвари. Источник: Рыбаков Б. А. Язычество древних славян. М.: Наука. 1994. — 610 с.

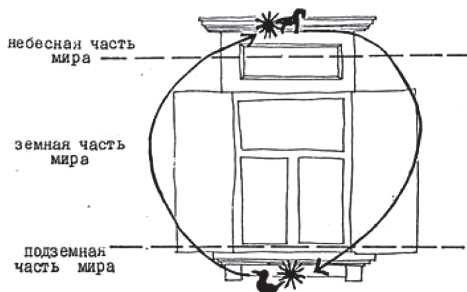

Рис. 39. Трехчленная структура мира и круговорот солнца в представлениях древних славян (Составлено М. Мееровичем)

Небесная часть, в соответствии с языческими мировоззренческими представлениями, разделялась на два неба: «ближнее» облекало землю (небо светил и воздуха),

отделенное от «верхнего» неба голубым куполом «тверди»; в «верхнем» обитал Род — верховный повелитель вселенной и распорядитель «хлябей небесных» (запасов воды). На деревянных наличниках иркутских домов мы встречаем знаки дождя (хлябей небесных), изображенные в виде деревянных капель, направленных вниз — к знаку поля.

Помимо знаков воды в декоре встречается еще несколько устойчивых идеограмм. Можно предположить, что это знаки божественной оплодотворяющей силы, обеспечивавшей, по мнению древних, воспроизводство всего живого (в том числе растений, домашних животных и проч.). Эта оплодотворяющая сила представлялась проявлением высшей эманации — «женского семени», обеспечивающего возобновление жизненного цикла. Оно периодически возникало перед изумленным взором предков в виде возникавших ниоткуда, а следовательно, чудесным, божественным образом, капель росы. Эти капли трактовались как капли животворного молока, извергнутые на землю богиней плодородия Макошь, и именовались «грудами». Они изображаются в виде округлой формы, присущей как каплям росы, так и женской груди. Эти знаки располагались в верхнем ярусе магически-заговорного декора, соседствуя со знаками дождя, потому что животворная влага — такой же неотъемлемый элемент плодородия, что и солнечная благодать (Рис. 40, 41).

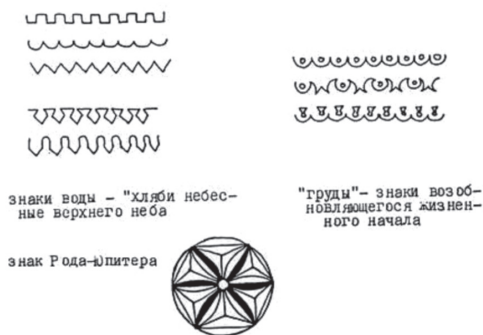

Рис. 40. Знаки дождя и груд в иркутском деревянном декоре (Составлено М. Мееровичем)

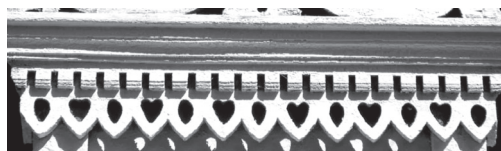

Рис. 41. Знаки воды (дождя) и «груды» в декоре деревянной архитектуры г. Иркутска (ул. Кайская, 22. Фото А. Матвеевой)

Ниже под знаками хлябей небесных (дождя) и груд в данном типе декора, как правило, располагаются один или два прямоугольника или ромба или плоские геометрические фигуры иных конфигураций. Это знаки поля, причём поля «засеянного» — благодаря изображению семени (Рис. 42).

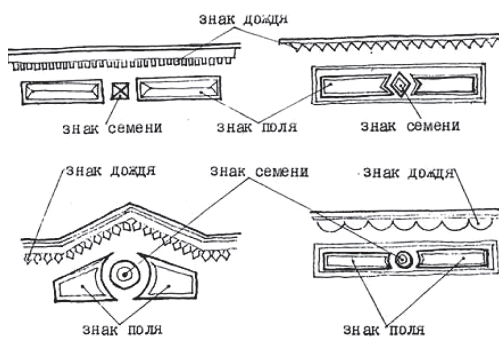

Рис. 42. Знаки поля и семени (засеянного поля) и знаки дождя над ними в иркутском деревянном декоре (Составлено М. Мееровичем)

Часто над знаками поля, как правило, засеянного (что обозначается за счет размещения значка семени), встречаются знаки прорастающих растений.

Рис. 43. Знаки прорастающих растений (ул. Карла Либкнехта, 19. Фото А. Матвеевой)

Рис. 44. Знаки прорастающих растений над знаком засеянного поля (ул. Грязнова, 9. Фото М. Мееровича)

Рис. 45. Виды растительного декора с подзоров иркутских зданий.

Источник: Калинина И. В., Красная Н. Н. Город и дерево. Архитектура и ремесло. — Иркутск: ООО Агентство «МайР», 2013. — 452 с., илл. С. 101.

Иногда знаки прорастающих растений располагаются рядом со знаком семени либо в границах знака поля или по бокам от него. Иногда знаки растений замещают знаки поля, располагаясь на его месте (Рис. 46).

Рис. 46. Знаки дождя (прямоугольные), знаки груд (полукруглые), знаки растений, располагающиеся на месте знака поля (ул. 1-ая Красноказачья, 12. Фото М. Мееровича)

Постоянство и цикличность солнцехода, регулировавшего жизнь и деятельность людей, необходимость цикличного проявления женского осеменяющего начала — росы, а также дождя, периодически проливающегося на поля и обеспечивающего рост растений и т. п., являлись устойчивыми элементами сюжетов архаической аграрно-мифологической обрядности. Таким образом наши предки просили благосклонности у природы, чтобы получить хороший урожай. Как следствие, все эти архаические символы, выражающие обрядно-мифологические представления наших предков, связанные с земледельческим культом солнца, воды, семян, поля, прорастающих растений и т. п., содержатся в деревянном узорочье древнерусского стиля иркутской деревянной гражданской архитектуры.

Деревянный декор древнерусского языческого стиля — это универсальное образно-идеографическое письмо, элементы которого, несмотря на формаль-

ные различия, визуально «читаемы» и легко могут быть понятны даже человеку, не знакомому с русским языком или письменностью. Эти символы несут магико-символический смысл и играют роль оберегов. Сводя их в единую смысловую систему, можно изобразить идеальную схему-модель обережного аграрно-магического декора, располагавшегося вокруг окна (Рис. 47, 48).

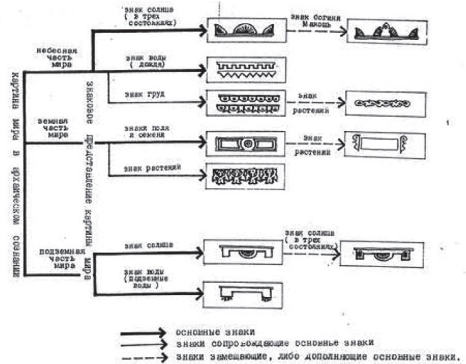

Рис. 47. Идеальная схема-модель обережного аграрно-магического декора (Составлено М. Мееровичем)

Рис. 48. Идеальная схема-модель обережного аграрно-магического декора, располагавшегося вокруг окна в иркутской деревянной архитектуре XIX в. (Составлено М. Мееровичем)

Некоторые деревянные здания Иркутска являются почти образцовой иллюстрацией этой идеальной схемы. Например, в декоре зданий, расположенных на ул. Грязнова, 9 и ул. К. Либкнехта, 120 (уничтоженного в августе 2011 г. финансово-строительной корпорацией «Новый город»), мы встречаем практически все элементы языческого обережного аграр-

Рис. 49. Иркутские примеры, наиболее полно воплощающие схему обережного аграрно-магического декора (ул. Грязнова, 9; ул. Карла Либкнехта, 120 — уничтожен в августе 2011 г. финансово-строительной корпорацией «Новый город». Фото М. Мееровича)

Древнерусский языческий декор иркутских домостроений — яркий пример обережного заговора, воплощенного в дереве. Но в отношении него остается много нерешенных вопросов. Например, объяснение магико-символического значения иркутского декора, изложенное в данной статье, опирается, как мы указывали, на труды Б. А. Рыбакова (32), в которых он описал пласт дохристианских верований восточных славян, основанных исключительно на солнечном культе.

но-магического декора в полном соответствии с логикой их размещения: а) солнце в трех состояниях — восход, полдень, заход; б) три знака солнца в подземной части, сопровождаемые знаками воды; в) знаки засеянного поля и вокруг него прорастающих растений; г) знаки дождя над знаком поля и т. п. (Рис. 49).

Но ведь существовал еще и лунный культ. Какова возможная трактовка смыслового значения элементов деревянного декоративного убранства исходя из этой системы языческого мировоззрения?

Также остается не разъясненным вопрос о том, почему ничего подобного не встречается в северных областях России, хотя известно, что переселенцами именно из этих территорий заселялся Иркутский край в XVI–XVIII вв. Присутствовало здесь и значительное количество ссыль-

ных. Было много представителей коренного населения — бурят. Как отмечал в 1745 г. ученый-натуралист Г. В. Стеллер — участник Второй Камчатской экспедиции Витуса Беринга, некоторое время проживавший в Иркутске, «...в городе имеются жители трех сортов: сибиряки, ссыльные, или новые русские, и братья, или буряты. К жителям, однако, могут быть причислены еще и промышленные. Они пришли из самых бедных местностей России — с целью обогатиться сравнительно со своим бывшим состоянием, но многие из них поселяются здесь насовсем <...> промышленные являются выходцами со всех городов России и Сибири, но большинство из них со времени прекращения торговли в Архангельске прибыло из Архангельской провинции и городов Устюг, Вологда, Соль Вычегодская, Яренск, а также из городов Арзамас, Ярославль и Рязань. В России их называют бурлаками или гулящими, но здесь они безосновательно получили название «промышленные». Они могут заниматься всем, чем хотят, тогда как прежде это название прилагалось лишь к тем, кто ходит компаниями на соболиный, лисий, бобровый и песцовый промыслы, на рыбную ловлю или занимался торговлей и поставлял купцам слюду и тому подобные вещи» (33).

Если описанная выше система древнерусского языческого декора действительно имеет древнеславянские корни и была привнесена в Сибирь в ходе ее колонизации из перечисленных выше русских городов, то почему подобный декор фактически не представлен ни в этих городах, ни в других поселениях, возникавших в Сибири в ходе ее колонизации?

Каков механизм воспроизведения деревянного декора? Мы знаем, что городская гражданская архитектура создавалась артелями плотников, воспроизводившими известные им образцы из поколения в поколение методом «по прототипу». Безусловно, естественные изменения накапливались, наслаивались. Они размывали и изменяли первоначаль-

ный смысл и вид, трансформировали исходные формы. Иркутская деревянная архитектура содержит много примеров подобного «размывания» смыслов, их утраты и, как следствие, изменений и искажения прототипических форм декора (Рис. 50, 51).

Рис 50. Изменение формы солярного знака вследствие утраты обережного смысла декора (ул. Горная, 5 а. Фото М. Мееровича)

Рис 51. Изменение формы солярного знака вследствие утраты обережного смысла декора (ул. Горная, 6. Фото М. Мееровича)

Со временем развивалась технология плотницких работ. Как следствие, рельефный орнамент сменялся прорезным, а с появлением металлических гвоздей распространение приобрел накладной многоступенчатый декор. Народные мастера, давно позабыв об изначальном обережном смысле декора, скорее всего, лишь привычно воспроизводили традиционные изображения и композиции. А также применяли модные в то время формы и привлекательные художественные мотивы (Рис. 52).

Рис. 52. Исчезновение знака поля в верхней части наличника и замена его на модные рюшечки; лишенное смысла дублирование знака солнца в нижней части окна (ул. Горная, 17 а. Фото М. Мееровича)

ВОСТОЧНЫЙ

В ходе исследования, выполненного студенткой Матвеевой А. А. на кафедре Архитектурного проектирования ФГБОУ ВПО «Иркутский государственный технический университет» в форме научно-исследовательской дипломной работы по теме «Влияние культуры Востока на декоративное убранство гражданской архитектуры г. Иркутска начала XVIII — конца XIX в.» (34), среди иркутских деревянных построек было выявлено 35 объектов, несущих «восточный» стиль декоративного убранства. По технике изготовления декора эти домостроения можно разбить на три группы: а) с пропиленной резьбой (Рис. 53); б) скульптурной резьбой (Рис. 54), в) выполненные в смешанной технике (Рис. 55).

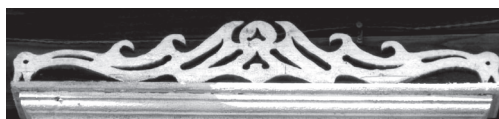

Рис. 53. Восточный орнамент, выполненный в технике пропиленной резьбы (ул. 2-я Железнодорожная, 54. Фото А. Матвеевой)

Рис. 54. Восточный орнамент, выполненный в технике объемной резьбы (ул. Марата, 41. Фото А. Матвеевой)

Рис. 55. Восточный орнамент, выполненный в смешанной технике (ул. Седова, 43. Фото А. Матвеевой)

Можно выделить три типа наверший, несущих восточный стиль декора: 1) сохраняющий трехчастную структуру прототипического древнерусского декора, изображающую знак солнца в трех состояниях (при этом происходит замена «восточными» элементами знаков древнерусского декора — полукруга и четвертей, имитирующих три состояния солнечного диска: восход, закат и полдень) (Рис. 56); 2) со сплошной, неразрывной декоративной композицией, сохраняющей три композиционных оси, расположенных аналогично прототипу древнерусского декора (Рис. 57); в) со сплошной, одноосевой композицией (лучковый карниз с единичным пропиленным или скульптурным элементом) (Рис. 58).

Рис. 56. Навершие наличника восточного стиля, сохраняющего трехчастную структуру прототипического древнерусского декора (ул. Бабушкина, 15. Фото А. Матвеевой)

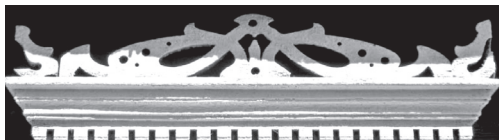

Рис. 57. Сплошное навершие, сохраняющее три композиционных оси, расположенные аналогично древнерусскому прототипу (ул. Кайская, 22. Фото А. Матвеевой)

Рис. 58. Сплошная одноосевая композиция — лучковый карниз с единичным пропильным или скульптурным элементом (ул. Грязнова, 16 а, ул. Подгорная, 12. Фото А. Матвеевой)

Во всех случаях восточный стиль в своих художественных формах несет явные черты бурятской орнаменталистики (Рис. 59).

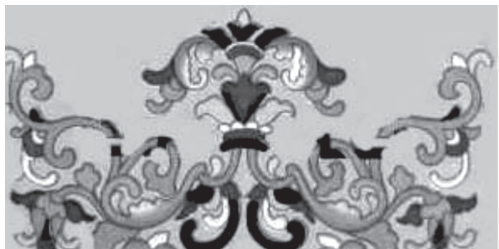

Рис. 59. Бурятская орнаменталистика — прототип стилистики элементов «восточного» стиля декора

иркутской деревянной гражданской архитектуры XIX в.

Источник: Матвеева А. А. Влияние культуры Востока на декоративное убранство гражданской архитектуры г. Иркутска начала XVIII — конца XIX в. Научно-исследовательская историко-теоретическая дипломная работа. Рук. Меерович М. Г., конс. Ладейщикова Е. Р. 2010. — 120 с. с илл. — рукопись.

Характерным признаком восточного стиля декора также является появление на фризовой доске, на месте прототипических элементов древнерусского декора (знака поля или засеянного поля), восточных «графических» пропильных или объемных композиций (Рис. 60).

Рис. 60. Расположение «восточных» элементов на месте славянских (ул. Грязнова, 16 а; ул. Марата, 41. Фото А. Матвеевой)

Элементы восточного декора, стилистически не характерные для древнерусской системы декоративного убранства, обнаруживаются и на подоконных досках (Рис. 61).

Рис. 61. Восточные элементы декора на подоконных досках (ул. Горького, 14. Фото А. Матвеевой)

Исследуя восточный стиль иркутского декора, необходимо ответить на вопрос, в какой мере связаны формы декоративных элементов фасадов деревянной гражданской архитектуры г. Иркутска с националь-

ной культурой народов, населявших Сибирь. Или визуальное сходство с образами восточной орнаменталистики — это лишь случайное совпадение? Какие конкретно мотивы присутствуют в декоративном обрамлении иркутских окон: бурятские, монгольские, китайские, японские, иные? Какая из восточных культур и по каким причинам оказала наибольшее влияние на формообразование восточного стиля иркутского декора? Какие графические, композиционные, художественно-образные черты этой культуры могут рассматриваться как предопределяющие типологию форм одного из стилей иркутской декора? В чем состоит специфика декоративного убранства восточного стиля деревянной гражданской архитектуры г. Иркутска в отличие от других городов России?

НЕОБЪЯСНИМЫЕ (НЕАТРИБУТИРОВАННЫЕ) ФОРМЫ ДЕКОРА

К отдельной стилистической группе деревянного декора г. Иркутска конца XVIII — начала XIX в. следует отнести все те разнообразнейшие формы убранства деревянной гражданской архитектуры, которые не нашли пока внятного разъяснения своего происхождения, не получили отнесения ни к одному из известных стилей, не обрели пока строгой научной констатации.

Но, несомненно, они представляют собой столь же яркое и необычное художественное явление, как и художественно завершенные стили, описанные выше. Эти необъяснимые формы ожидают своего детального и углубленного обследования,

Рис. 62. Пример неатрибутированных форм декора иркутских деревянных зданий (ул. Иосифа Уткина, 6 б. Фото М. Мееровича)

изучения, обобщения, систематизации (Рис. 62, 63, 64, 65). Эти не обретшие пока своего историко-культурного описания формы ждут своего исследователя.

Рис. 63. Пример неатрибутированных форм декора иркутских деревянных зданий (ул. Карла Либкнехта, 19. Фото М. Мееровича)

Рис. 64. Пример неатрибутированных форм декора иркутских деревянных зданий (ул. Пятой Армии, 35, ул. Горная 13 а. Фото М. Мееровича).

Источник: Жемчужина неправильной формы [электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.a3d.ru/architecture/stat/318>

Рис. 65. Пример неатрибутированных форм декора иркутских деревянных зданий (роспись лобани классицистического наличника). Архивная фотография. Объект утрачен (Фото М. Мееровича)

СОЧЕТАНИЯ НЕСКОЛЬКИХ СТИЛЕЙ

Характеризуя иркутский деревянный декор, следует подчеркнуть такую его особенность, как сочетания двух, трех и более стилей (Рис. 66).

Рис. 66. Сочетание трех стилей: классицизма, восточного и древнерусского (ул. Марата, 54. Фото М. Мееровича)

Этот феномен смешения (переплетения) стилей — двойного (барокко с классицизмом, классицизм с восточным, древнерусский с классицизмом и т. п.), тройного (барокко с классицизмом и древнерусским, классицизм с древнерусским и восточным и т. п.) — требует своего детального изучения. Необходимо установить период возведения таких построек, сопоставляя кварталы, в которых они находятся, с точными датами возведения этих кварталов. И, в конечном счете, ответить на вопрос «как хронологически протекали процессы»: а) появления каждого из описанных выше стилей, б) привязки образцовых классицистических проектов, в) трансформации и наложения образцовых классицистических проектов

Рис. 67. Сочетание двух стилей: классицизма и древнерусского (ул. Каландаришвили, 23. Фото М. Мееровича)

на существовавшие к этому времени стилистические ансамбли (восточный, древнерусский), г) смешения стилей и включения в их ансамбли появившегося позднее сибирского барокко и т. д. (Рис. 67, 68, 69).

Рис. 68. Сочетание трех стилей: классицизма, восточного и древнерусского (ул. Карла Либкнехта, 15. Фото М. Мееровича)

Рис. 69. Сочетание двух стилей: классицизма и сибирского барокко (ул. Ударника. 5. Фото М. Мееровича)

*Пусть есть города и красивой, и выше,
но где бы пути иркутян ни легли,
они тебя видят, они тебя слышат,
любимый Иркутск, середина Земли!*

Марк Сергеев

НЕРЕШЕННЫЕ КРАЕВЕДЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ

Феномен декоративного убранства деревянной исторической архитектуры г. Иркутска требует своего углубленного краеведческого, архитектурного, культурно-исторического и художественно-образного изучения. Он нуждается не только в сборе и систематизации первичного натурального материала и его обобщающем описании, но и в ответе на ряд вопросов, ключевых для понимания процессов появления, усложнения и трансформации как отдельных элементов стиля, так и стилистических систем в целом: кто был «субъектом» декорирования — домовладелец, строители, центральная власть, спускавшая сверху образцовые фасады, обязательные к применению, городские власти, которые согласовывали внешний вид домов? Как функционировал механизм согласования декора домостроений, возводимых без проектов (по типовым «контурам» образцовых фасадов)?

Необходимо выяснить роль профессиональных архитекторов в распространении декоративных форм, в частности иркутского деревянного классицизма, в трансформации прототипов и рассылаемых образцов. Влияли ли и каким образом проекты, выполненные профессиональными архитекторами, на возникновение декора на тех домах, которые самостоятельно возводились артелями плотников? Какое количество домостроений возводилось ремесленническими артелями без предварительно разработанных проектов декоративного убранства? Как проекты профессионалов могли влиять и реально влияли на образную составля-

ющую «продуктов труда» артельщиков?

Откуда «народные мастера» заимствовали барочные формы? Откуда они черпали представления о том, каким должен быть стиль «классицистический декор»? Кто учил иркутских строителей пониманию классицизма? Каким образом они получали представления о пропорциях? Из каких источников «срисовывали» классицистические элементы декора для применения их в своей работе?

Возможно, местом распространения этих знаний была «Контора строения домов и различных ремесел» — главное место подготовки плотников и столярных кадров в Иркутске (35). Для исчерпывающего ответа на этот вопрос следует изучить содержание процесса теоретической и практической подготовки кадров профессиональных рабочих в «Конторе»: состав учебных предметов (лекционных и практических курсов), их наполнение конкретными знаниями и т. п. Понять, какое место в этих учебных курсах занимали художественно-композиционные постулаты стиля «классицизм».

Следует также выяснить, изготавливался ли декор «штучно» — для конкретного заказчика, под конкретное строение, или заготавливался «погонажем» впрок (как сегодня изготавливаются и продаются полиуретановые карнизы)? Продавался ли он поштучно, и мог ли хозяин просто пойти в лавку и самостоятельно подобрать на свой вкус для своего дома тот или иной набор элементов, закупив его «метражом»?

Для понимания истоков возникновения, распространения и развития стилей деревянного декора необходимо установить специфику генезиса каждого из них: хронологические рамки появления древнерусского стиля, причины возникновения иркутского барокко, истоки восточного стиля и т. д. В отношении иркутского деревянного классицизма необходимо выяснить, по каким «правилам» и принципам «детали» и «элементы» иркутского классицизма (кронштейны, триглифы, розетки, пальметты и проч.) собирались в

единые классицистические композиции. В какой мере постройки иркутского деревянного классицизма соответствовали историческому прототипу? В какой степени и по каким причинам стилистические прототипы трансформировались в зависимости от местных условий? В чем состояли расхождения исходных пропорциональных прототипов, местных форм, т. е. в какой мере каноническая схема-модель классицистического декора изменялась в деятельности местных мастеров? Какую роль в трансформации классицистической схемы сыграло отсутствие технологий поточного изготовления сложных элементов (например, изготавливались только те элементы, которые не требовали штучной работы и, как следствие, стоили значительно дешевле)? Был ли классицистический деревянный декор гражданской деревянной иркутской архитектуры конца XVIII — начала XIX в. однороден, или в нем можно выявить несколько очевидно специфических разновидностей (подвидов)?

Необходимо на фактическом материале доказать, зависел или нет формально-стилистический характер каждого из стилей декоративного убранства от: а) планировочного решения домостроения, б) технологии изготовления декоративных элементов, в) конструктивных особенностей декора? В какой мере и каким образом на формы деревянного декора иркутских домостроений повлияли национальные культуры народов, населявших Сибирь (украинцев, белорусов, поляков, евреев, татар, бурят и др.)? Влияние какой из культур в наибольшей степени прослеживается в иркутском барокко, иркутском классицистическом декоре, восточном стиле (бурятские, монгольские, китайские, японские)? Происходили ли какие-либо видоизменения прототипических схем декора в связи с национальностью и культурой владельца дома? Или стиль декора выступал в роли феномена, «усредняющего» и «уравнивающего» художественные амбиции представителей

всех национальных меньшинств в рамках единого «государственного» стиля? И др.

Детальное изучение каждого из стилей декоративного убранства деревянной гражданской архитектуры г. Иркутска предполагает: а) натурную фотофиксацию сохранившихся объектов деревянного зодчества; б) сбор и обобщение архивного краеведческого материала по утраченным объектам; в) определение примерных (точных) дат возведения зданий за счет нанесения их на карту города, соотнесения с имеющимися точно датированными планами застройки города; г) систематизация элементов декора и выделение их разновидностей; д) выявление характерных мест расположения типичных элементов на фасадах домостроений; е) семиотическое изучение элементов декора и вариантов их комбинаций; ж) построение идеальных знаково-символических (смысловых) моделей по каждому из стилей; з) сравнительно-сопоставительный анализ реальных объектов с идеальными моделями систем декоративного убранства; и) выявление декоративных ансамблей, составленных из двух, трех, четырех стилей декора; к) объяснение причин возникновения стилей декора, особенностей генезиса, а также факторов, вызывавших искажения и трансформации художественно-образных черт в местных условиях (в частности, установление «субъекта» декорирования на каждом из исторических этапов развития архитектуры).

Вопросы, которые ждут сегодня ответов, касаются не только художественно-образных аспектов декоративного убранства иркутской деревянной архитектуры. Еще в большей мере они относятся к социально-организационным и социально-политическим сторонам процесса охраны объектов историко-культурного наследия, затрагивая деятельность администраций города и области. Сегодня в практике городского управления процесс уничтожения и рядовой деревянной застройки, и памятников архитектуры приобрел поточно-конвейерный характер.

Согласованное Службой по охране объектов культурного наследия Иркутской области невключение в список охраняемых объектов или выведение из списка памятников, придающие законные основания целенаправленному уничтожению деревянного дома собственником, по объемам деятельности службы перевешивают процесс сохранения и рачительного сбережения деревянного исторического наследия. Строительный бизнес смотрит на территорию, занятую деревянными историческими домостроениями, лишь как на резерв земли под новую застройку, а не как на «архитектурный антиквариат». И «расчищает» эту территорию под новое строительство с помощью тех органов и лицензированных экспертов, которые призваны обеспечивать охрану исторического наследия. А муниципальная власть не в состоянии сопротивляться этому процессу из-за отсутствия реальных механизмов сохранения и реновации крупных фрагментов исторической среды.

Сложно точно установить, сколько иркутских объектов культурного наследия (деревянные здания) было выведено за последние годы Службой по охране объектов культурного наследия областного правительства из списка охраняемых и оказалось обречено на уничтожение. По неофициальным данным, число таких объектов достигает более чем 250 за пять лет. Под давлением каких сил это было произведено? Насколько подобное «выведение» было культурно-исторически обоснованным? Сколько исторических зданий из числа тех, что не подпали под «официальный» приговор, оказались «случайно» сгоревшими «по причине негодной электропроводки»? Какое количество пожаров действительно является следствием плохого состояния электропроводки, а сколько — результатом целенаправленных поджогов и лишь прикрывается подобными официальными заключениями? И почему по ним не ведется расследований, направленных на поиск реальных поджигателей, а не на фиктивное обоснование причин,

позволяющее истинным виновникам уходить от наказания.

Следует упомянуть, что, по данным томских коллег, всего около 3-4% утрат деревянных домов происходит по причине самовозгорания электропроводки, большая часть — 43% — в результате целенаправленных поджогов с последующим уничтожением объектов, находившихся до пожара во вполне удовлетворительном техническом состоянии (для расчистки территории под новое строительство); 14% — в результате самовольного губительного искажения первоначального облика объекта; 14% — в результате сноса зданий, пришедших в аварийное состояние. А какова иркутская статистика подобного рода? Если томская статистика хотя бы приблизительно соответствует истинным причинам пожаров деревянных домостроений г. Иркутска, то закономерным является вопрос, обращенный к власти: что она делает для предотвращения тех 43% целенаправленных поджогов? Ведь опыт некоторых городов наглядно показывает: принятие местного закона о том, что на месте сгоревших деревянных домов, располагавшихся в границах «достопримечательного места», может появиться только точно такой же дом, начинает надежно спасать деревянные домостроения от «случайного» возгорания «из-за плохой электропроводки» (Рис. 70).

Рис. 70. Один из многочисленных примеров деревянных домов, сгоревших в последние годы в г. Иркутске (Фото М. Мееровича)

Вопросы, ожидающие сегодня ответов, касаются также и методических (методологических) сторон процесса охраны объектов историко-культурного наследия. Дело в том, что причины разрушения исторической среды в результате уничтожения подавляющего большинства иркутских деревянных зданий, несущих уникальный декор, состоят в том, что эти здания лишены возможности обрести охраненный статус «объектов культурного наследия» из-за несовершенства методики оценки их уникальности. Подавляющее большинство иркутских деревянных домов не обладает статусом памятника только потому, что, кроме уникального декора, не имеет других, необходимых для этого (согласно существующим методикам) характеристик. Как следствие, законодательно эти дома никак не защищены и абсолютно бесправны перед натиском новых владельцев земли, приобретающих ее для строительства исключительно с целью извлечения прибыли, а вовсе не сохранения культурного наследия. Сама методика оценки «историко-культурной ценности» зданий и сооружений нуждается сегодня в серьезной корректировке в пользу истории и культуры, а не в угоду тем, кто настойчиво и «мотивированно» добивается выведения вновь выявленных (или «случайно» подгоревших) объектов из списка памятников и тут же бесследно уничтожает их.

Магико-обережный орнамент, покрывающий крыльца, ворота, окна и двери иркутских домов XIX в. и отгоняющий злых духов (Рис. 71, 72), не способен защитить от современных демонов обогащения. В

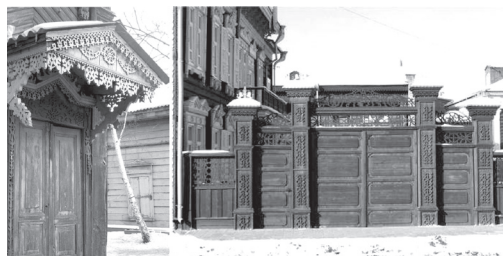

Рис. 71. Магико-обережный орнамент в иркутском деревянном декоре (Фото М. Мееровича)

Рис. 72. Магико-обережный орнамент в иркутском деревянном декоре (ул. Грязнова, 40). 1960 г. Источник: Деревянные узоры Иркутска [электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.liveinternet.ru/users/3888678/post364322543/page1.html>

конфликте денег и культуры деньги оказываются сильнее — культурно-историческая ценность декоративного убранства фасадов деревянных домов не способна перевесить стоимость земли под ними.

***На земле чудесной, где кругом тайга,
Сотни лет назад был острог построен.***

***Там на берегах, где Иркут-река,
Славный город родился новый.***

***И спустя века он столицей стал
Необъятной Сибири Восточной.***

***Здесь зимой мороз, а весна в цветах,
Славный город — любви источник!***

Т. Высокок

Систематическое знание об историко-культурном наследии рядовой исторической деревянной застройки способно коренным образом изменить отношение к массивам деревянной застройки г. Иркутска. В первую очередь, к его центру — он должен рассматриваться исключительно как реставрируемая (а не сносимая) застройка. Именно так обстоит дело во всем мире, где имеется архитектурный культурно-исторический потенциал, хотя бы отдаленно напоминающий иркутский. Во всем мире малоэтажное усадебное жилье в центре города является самым пре-

стижным и самым дорогостоящим типом жилья. Во всем мире ценность архитектурно-исторического наследия научились превращать в деньги. У нас же оно до сих пор лишь «требуется» денег.

Основным носителем уникального декора является рядовая (фоновая, средняя) застройка, лишенная статуса памятника в силу несовершенства методики оценки зданий при постановке их на государственную охрану — она рассматривает уникальность декоративного убранства лишь как второстепенный фактор.

Современному Иркутску необходима муниципальная и региональная программы комплексного восстановления рядовой деревянной исторической застройки, политически поддерживаемые федеральной властью. С приспособлением исторических зданий под современное элитное жилище с обязательством владельцев сохранять в неизменном виде исторический облик домостроений.

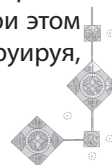
Деревянное наследие Иркутска ставит огромное количество краеведческих, архитектурных, социально-исторических, историко-культурных вопросов, ждущих

своего сосредоточенного и углубленного изучения. Ответы на них — одно из фундаментальных оснований регионального краеведения, основа сохранения исторической памяти о прошлом народов, осваивавших и населявших Сибирь. Деревянное наследие выдвигает требования незамедлительного решения социально-политических и социально-организационных проблем, препятствующих его сохранению. Оно требует формирования и осуществления специфической муниципальной градостроительной политики, основанной на взвешивании и наполненном государственной ответственностью отношении к стремительно исчезающему культурно-историческому наследию деревянного Иркутска.

Муниципальная политика г. Иркутска должна быть пересмотрена таким образом, чтобы кардинально изменить существующее положение, чтобы бизнес и власть смогли извлекать и доходы, и политический капитал из иркутского исторического архитектурного наследия, при этом не уничтожая, а сохраняя, реконструируя, реновализуя его.

Библиография

1. Асманкина В. А. Влияние эстетики классицизма на декоративное убранство деревянной гражданской архитектуры г. Иркутска конца XVIII — начала XX в. Научно-исследовательская историко-теоретическая дипломная работа. Рук. Меерович М. Г., конс. Ладейщикова Е. Р. 2011. — 90 с. — рукопись.
2. Барановский Е. О типологии жилых домов Иркутска // Земля Иркутская. 2002. № 1 (18). С. 23-29.
3. Барановский Е. Типология элементов декора фасадов и интерьеров иркутских домов // Земля Иркутская. 2002. № 2 (19). С. 4-6.
4. Иркутск деревянный. Альбом-путеводитель / Фото И. Бержинского, текст Л. Басиной, А. Гаращенко, И. Калининой, Е. Ладейщиковой. Иркутск: Земля Иркутская, 2010. — 160 с., илл.
5. Калинина И. В., Красная Н. Н. Город и дерево. Архитектура и ремесло. — Иркутск: ООО Агентство «МайР», 2013. — 452 с., илл.
6. Клейн Л. С. Воскрешение Перуна. К реконструкции восточнославянского язычества. — Санкт-Петербург: Евразия, 2004. — 480 с.
7. Корзун А. В. Развитие архитектурного своеобразия исторического города (на примере Иркутска). Том 1: Дис. ... канд. архитектура: 18.00.01 Москва, 1984.
8. Корзун А. В. Традиции деревянной жилой застройки Иркутска // Земля Иркутская, 2001. № 16. С. 25-28.
9. Матвеева А. А. Влияние культуры Востока на декоративное убранство гражд-

данской архитектуры г. Иркутска начала XVIII — конца XIX в. Научно-исследовательская историко-теоретическая дипломная работа. Рук. Меерович М. Г., конс. Ладейщикова Е. Р. 2010. — 120 с. с илл. — рукопись.

10. Оглы Б. И. Иркутск: о планировке и архитектуре города. — Иркутск, Вост.-Сиб. кн. издат., 1982. — 112 с., илл.

11. Ожегов С. С. Типовое и повторное строительство в России в XVIII–XIX веках. — 2-е изд., — М., 1987. С. 12-15.

12. Павлюченкова Э. Г. Иркутск уходящий: о декоре деревянных и каменных домов. — Иркутск: Оттиск, 2008. — 70 с., илл.

13. Полунина Н. И. Живая старина Приангарья. — М.: Искусство, 1990. — 174 с., илл.

14. Рыбаков Борис Александрович. Википедия. Свободная энциклопедия [электронный ресурс]: http://ru.wikipedia.org/wiki/Рыбаков_Борис_Александрович.

15. Рыбаков Б. А. Киевская Русь и русские княжества XI–XIII вв. М.: Наука, 1982. — 589 с.

16. Рыбаков Б. А. Язычество древней Руси. М.: Наука, 1987. — 790 с.

17. Рыбаков Б. А. Язычество древних славян. М.: Наука. 1994. — 610 с.

18. Хохрин Е. В., Ляпин А. А., Казанова Ю. О. Формирование типологии деревянных жилых домов Иркутска в работах исследователей архитектуры XX в. / Известия вузов. Инвестиции. Строительство. Недвижимость. 2013. № 1 (4). С. 180-185.

19. Щербин. Народный стиль иркутских жилых домов (к историографии вопроса и выделению учетно-стилевой категории) // Земля Иркутская. 1999. № 11. С. 32-35.

20. Зарубина Н.А. Сибирское барокко в деревянной гражданской архитектуре Иркутска XIX века. Научно-исследовательская историко-теоретическая дипломная работа. Рук. Меерович М. Г., конс. Ладейщикова Е. Р. 2012. — 227 с. с илл. — рукопись.

Примечания

1. Иркутск деревянный. Альбом-путеводитель / Фото И. Бержинского, текст Л. Басиной, А. Гаращенко, И. Калининой, Е. Ладейщиковой. Иркутск: ООО НПФ «Земля Иркутская». 2010. — 160 с., илл. С. 12.

2. Там же.

3. Калинина И. В., Красная Н. Н. Город и дерево. Архитектура и ремесло. Иркутск: ООО Агентство «МайР», 2013. — 452 с., илл. С. 30.

4. Там же. С. 37-38.

5. Калинина И. В., Красная Н. Н. Указ. соч. С. 18.

6. Все городские летописи, действительно, отмечают обилие хорошего строевого леса, непосредственно прилегающего к городу. Там же. С. 20.

7. Там же. С. 19.

8. Там же. С. 20.

9. Там же. С. 77.

10. Иркутск деревянный. Альбом-путеводитель / Фото И. Бержинского, текст Л. Басиной, А. Гаращенко, И. Калининой, Е. Ладейщиковой. Иркутск: Земля Иркутская, 2010. С. 11-12, 23.

11. Калинина И. В., Красная Н. Н. Указ. соч. С. 20.

12. Иркутск деревянный. Указ. соч. С. 11-12, 23.

13. Там же.

14. Калинина И. В., Красная Н. Н. Указ. соч. С. 21.

15. Там же. С. 77.

16. Барановский Е. Типология элементов декора фасадов и интерьеров иркутских домов // Земля Иркутская. 2002. № 2 (19). С. 4-6.

17. Калинина И. В., Красная Н. Н. Указ. соч. С. 81.

18. Там же. С. 30.

19. Подробнее см. статью: Зарубина Н. А., Меерович М. Г. «Сибирское барокко» в деревянной гражданской архитектуре г. Иркутска XIX в.

20. Подробнее см. далее.

21. Калинина И. В., Красная Н. Н. Указ. соч. С. 30.

22. Там же. С. 92.

23. Иркутск деревянный. Указ. соч. С. 16.

24. Калинина И. В., Красная Н. Н. Указ. соч. С. 34.

25. Ожегов С. С. Типовое и повторное строительство в России в XVIII–XIX веках. 2-е изд., — М., 1987. — 224 с. С. 12-15.

26. Калинина И. В., Красная Н. Н. Указ. соч. С. 36-37.

27. Иркутск деревянный. Альбом-путеводитель / Фото И. Бержинского, текст Л. Басиной, А. Гаращенко, И. Калининой, Е. Ладейщиковой. Иркутск: ООО НПФ «Земля Иркутская». 2010. — 160 с., илл. С. 16, 18.

28. Павлюченкова Э. Г. Иркутск уходящий: о декоре деревянных и каменных домов. — Иркутск: Оттиск, 2008 — 70 с., илл. С. 4.

29. Рыбаков Б. А. Язычество древней Руси. М.: Наука, 1987. — 790 с.

30. Рыбаков Б. А. Язычество древних славян. М.: Наука. 1994. — 610 с.

31. Рыбаков Б. А. Язычество древних славян. М.: Наука. 1994. — 610 с.

32. Рыбаков Б. А. Киевская Русь и русские княжества XII–XIII вв. М.: Наука, 1982. — 589 с.; Рыбаков Б. А. Язычество древней Руси. М.: Наука, 1987. — 790 с.; Рыбаков Б. А. Язычество древних славян. М.: Наука. 1994. — 610 с.

33. Иркутск деревянный. Указ. соч., С. 11.

34. Матвеева А. А. Влияние культуры Востока на декоративное убранство гражданской архитектуры г. Иркутска начала XVIII — конца XIX в. Научно-исследовательская историко-теоретическая дипломная работа. Рук. Меерович М. Г., конс. Ладейщикова Е. Р. 2010. — 120 с. с илл. — рукопись.

35. Павлюченкова Э. Г. Указ. соч. С. 4.

Сергей Русин

ДУХ СОЛНЦА

Кедровник и горная тундра были нелепы и пусты, и тьма холодная сгустилась над бездною каньона. На краю утеса Старый кедр одиноко шуршал хвоей, слегка припорошенной снежком, закрывал пушистыми ветками все небо. Это потрясающее дерево, по таежной легенде, выращивалось Духом солнца со времен сотворения таежного мира. Живительный запах исходил от этого могучего исполина. У могучих корней, на толстом и мягком слое хвои родился маленький олененок. Мама уходила и возвращалась покормить детеныша. Уютно и тепло дремал олененок на прекрасной хвойной подстилке, и снилось ему, что лежит он в теплых объятиях Солнца.

Олененок лежал без движения, ожидая, когда мама позовет его на очередную кормежку, и проснулся от того, что почувствовал свет. Олененок поднял голову и удивился. На него смотрел маленький, смелый и очень любопытный Солнечный лучик. Заглянул он под серебристо-зеленую крону Старого кедра, и она засветилась и заиграла огоньками и частичками света. Солнечный луч проскальзывал сквозь хвою дерева своими бликами. Солнечный луч олененку помогал прятаться от хищников, играя мелкими белыми и золотистыми пятнами на его рыжеватой шкурке. В первое мгновение яркая игра их света ослепила олененка. Он прищурил глаза, но когда привык к ослепительному сиянию, увидел Дух солнца во всем его великолепии в узорах нежной хвои и в лазури небесной тундры. Дух солнца, размышляя о смысле жизни, велел Старому кедру гордо расправить крону, а цветам

расцветать. Дух солнца нигде не оставался подолгу, но успел подружиться с олененком.

— Нужно сохранить частичку света в сердце, — думал олененок. — Для улады доброго Старого кедра.

Очарованное сердце олененка счастьем и радостью наполнялось при встрече с Духом солнца, главой всех лучей. В нем была могучая жизненная сила, наполняющая и объединяющая все живые существа тайги. Дух солнца летал выше всех, то есть ближе всех к Солнцу, соединяя земную и небесную тундры.

— Я едва родился и сразу увидел Солнце, но я слишком слаб и призрачен, чтобы подняться и выйти из кроны старого кедра. Я боюсь быть брошенным и съеденным волком, — признался олененок. — Ты, Дух солнца, рожден для того, чтобы переносить великие чувства из солнечного пространства в тайгу.

Когда Солнце возшло в зенит, Солнечный зайчик появился под кроной Старого кедра. Солнечный зайчик был ярким, брызжущим и жутко веселым. Мигал, суетился, прыгал и нос олененку щекотал. Метался на скалах, крутился да скакал по веткам. Веселил олененка. Тот старался поймать шустрого Солнечного зайчика,

но не хватало сил у глупого олененка.

— Что случилось? — спросил Дух солнца. — Почему ты помрачнел?

— Я ловил Солнечного зайчика, — сказал олененок. — И не никак не поймал.

Олененок рассказывал, как он искал Солнечного зайчика и пугался, что его потерял. Сердце олененка нагревалось под солнечными лучами, холод страха исчезал.

— Открою секрет, — сказал Дух солнца. — Солнечного зайчика можно поймать с помощью веры в мечту. Если она светлая, как частичка Света, может сделать чудо. Я согреваю все живое. Частичка Света согреет твоё сердце, и оно поможет уговорить Солнце, чтобы оно лицом к тебе повернулось.

— Если уйду от Старого кедра под прямые лучи Солнца, — спросил олененок, — скажи, и я стану веселой и яркой частичкой Света?

— Ты должен радовать всех, а не только себя, — сказал Дух солнца. — Тогда ты светишься еще ярче. А иначе погаснешь, и грустные мысли темными пятнами покроют твоё сердце и спину.

Дух солнца пробежал полнеба, и в воздухе темное облако птицей заслонило блеск солнечных лучей. Резко начали собираться тучи — такие большие и мрачные, что закрыли собою Солнце. Дух солнца направил к светилу свои крылья. Олененку показалось, что Солнечный зайчик выскочил вдруг из кедровых веток и спрятался в облаках. Наступила темнота. Ярким-ярким Солнечным лучам не давал сиять мрак. Солнечный лучик взмывал к Небесам и летал среди грома и молний. По багряному небу с грохотом пролетали огненные птицы, перьями пробивающие скалы. Хлынул стеной проливной дождь в глубокое ущелье, на дне которого горные камни дробил ледяной поток, смывая стадо оленей. Олененок испугался и съёжился. Смятение, тревога, дрожь и трепет вошли в его сердце. Олененок остался сиротой.

Холодная темень полностью закрыла

черными крыльями острые горы и сердце перепуганного олененка. По тайге кругом бродили хищные звери. Волки выли и близко рычали россомахи. Летучие мыши задевали олененка своими крыльями. Старый кедр, источник красоты, могучей силы и благородства, приютил, скрывал и защищал сироту олененка, предотвращал все несчастья и беды. Добрые духи жили в щедрых кедровых ветках, а злые не могли туда попасть. Олененок неотчетливо видел могучую крону сквозь тусклые слезы, но хвоя не улыбалась в ответ. Мрачная тоска, боль и скорбь начинали подтачивать частичку света, тепла в его сердце.

— Светлый Дух солнца, меня согревали твои лучи под кроной Старого кедра, куда же ты ушел? — спрашивал олененок. — Добрый Дух солнца, зачем оставил меня одного в этом холоде и мраке?

— Ты огорчен и грустишь, — ответил Дух солнца. — Ты все время думаешь о самом себе.

Олененок погрузился еще сильнее от того, что обидел доброго Духа солнца. И громко кричал, и в сердце безмолвно просил олененок, да никак Дух солнца не возвращался — уж больно обиделся и погас. Не хотел взглянуть на олененка, не было до него дела. Каплями дождя заслезилась печальные лилово-черные глаза робкого олененка.

— Дух солнца, я знаю, ты ушел к милому солнышку, — сказал олененок. — Я найду ваше жилище, оно там, за снежной горой. Я, сирота, приду к тебе просить прощения.

Грустно и тяжело стало олененку, словно снежной пылью присыпало его солнечную шкурку. Встал бедняжка олененок, дрожа от холода, и побрел. Шел он, шел, минуя каменистые ручьи, моховые болота, камнепады и достиг подножия заснеженных гор. Труден был его подъем. Олененок спотыкался об острые камни; ступая по ним, он изранил ноги, но не обращал внимания на сильную боль. Падая в ямы и скатываясь со скользких склонов. Убегал от ворон, орлов, лисиц и медведей. С надеждой смотрел на вершину огромной горы и видел только лед, покрывающий высокие каменные скалы. Над мраком и темными тучами лед сиял навстречу лучам Солнца.

— Скажи, лед, почему ты радуешься Солнцу? — спросил олененок. — Ты там, на вершине огромной горы, ближе всего к Духу солнца?

— Лучи горячего Солнца одинаковы для всех, — ответил лед. — Но только здесь, на вершине, я наедине с Духом солнца отражаю свет, не превращаюсь ни

воду, ни в снег и остаюсь самим собой.

Печальный малыш долго шел без остановки до небесной тундры, но не нашел Жилище Духа солнца, однако после диалога со льдом, понял, как он счастлив, что знает тепло солнечных лучей, а не только их холодный свет. Безумно бросил свой дом и осознал, что жилище Солнца именно везде — и в его родном обиталище под Старым кедром тоже. Мудрое дерево днем накапливало тепло и свет, а в темноте согревало малыша в своих объятиях. Олененок стал заботиться о Старом кедре, чтобы он не увял, не засох и не упал, понимая, что все мы — всего лишь отражение Духа солнца.

— Бросить тайгу — можно, — сказал олененок. — Бросить любить Солнце — нельзя.

Сполохами и мерцанием небесной тундры Дух солнца дал знак, что он услышал просьбу олененка. Дух солнца вернулся и обнял сироту и горячо поцеловал. Дух солнца пожалел подмерзшие Саянские горы, принес с со-

бой частички света и все вокруг озарил.

— Ты поверил в чудо, и твоя вера в мечту помогла тебе стать лучше, — радостно сказал Дух солнца. — В твоём переворотившемся сердце ярко засияет частичка Света.

Сквозь крону оживленного Старого кедра прошел Солнечный луч, и на скалах Солнечный зайчик как ни в чем не бывало запрыгал — прекрасный, как солнце, надежный, как золото. От внезапной вспышки яркого света, в котором хранилась ча-

стичка Духа солнца, засияли синевой неба глаза у олененка. В его сердце лед страха и сомнений таял, от возрождающейся разумной частички вечного света ему стало хорошо и тепло, просто солнечно. Совершенно счастливый, он больше не боялся темноты, холода и одиночества. Его шерсть сделалась бархатной, свежей и светилась отраженным сиянием Солнца. Олененок превратился в солнечный луч, в горячую звезду с пятнышками на спине — желтыми, как солнечные зайчики.

КРИВОЙ КОГОТЬ МЕДВЕДИЦЫ

Самые крупные хищники тайги — бурые медведи — весной проснулись и покинули берлоги. Дольше всех задержалась медведица с медвежатами. Вместе с тремя детенышами-сеголетками и прошлогодним пестуном медведица отправилась кормиться корневищами в таежную долину, где раньше сходил снег. Медведица бродяжничала по тайге в поисках пищи, а медвежата рядом весело играли, когда самый шустрый малыш попал головой в слепую петлю браконьера. Двухмесячный медвежонок бился в петле, сопротивлялся и кричал. Удавка затягивалась на шее, в петлю случайно попала и передняя лапа медвежонка. Умная мать аккуратно сумела освободить детеныша, чудом перекусив стальные нити и когтями ослабив коварную удавку, но сама лапой крепко зацепилась в хитрой ловушке. Стальной трос сорвался с капкана, но успел затянуться на лапе и запутаться, врезавшись в когти и растопырив их в разные стороны. Медведица несколько дней выгрызала проволоку, но снять с когтей не могла. За день и ночь лапа сильно опухла и ныла от нестерпимой боли. Освобожденный медвежонок с братишками ринулись в лес, медведица бежала с ними, пока не упала. И тогда мудрый таежный зверь приковылял на больной ноге за помощью на стойбище к таежнику.

Таежник от неожиданности чуть не подстрелил беднягу соседку, но посмотрел в грустные лунные глаза и понял, что в дебрях таежных остались у нее детки. С детства он помнил слова стариков, что Лунный медведь — предок таежников, ставший честным зверем, и его храбрые и сильные потомки впоследствии заселили Саянские горы. Преодолевая страх, таежник осторожно подошел и осмотрел большую лапу. Отек от лапы с проволочной петлей поднялся уже к коленному суставу, от чего медведица с трудом переносила сильные боли. Мужчина ножом освободил лапу от удавки, но один коготь искривился и отвалился от лапы вместе с проволокой.

Солнце развело огонь, и раскаленным угольком таежник прижег рану медведице. Хозяйка тайги долго лежала неподвижно, затем медленно встала на лапы. Солнце в испуге поднялось в зенит. Медведица неуклюже двинулась к таежнику, а он не мог сдвинуться с места. Большая медведица приближалась.

— Пропал! — подумал таежник. — Сейчас она меня съест.

— Не бойся, я не стану есть тебя. Слушай, что я тебе скажу. Не охоться на Черного гуся весной. Не охоться на самку кабарги, отелившуюся двойняшками, и медведицу с четырьмя медвежатами. Если таежный зверь пришел за помощью, всегда помоги. Бери столько с тайги, сколько тебе надо сейчас для семьи, не бери лишнего. Когда ты на охоте добудешь зверя и будешь разделять добычу, бросай на четыре стороны света маленькие кусочки для меня, потому что я могу быть голодной. Я твой предок. Если ты не будешь этого делать, ты не вернешься счастливый домой с добычей.

Медведица не ушла сразу, она еще некоторое время стояла на стойбище у костра, о чем-то думала. Возможно, благодарила, а может, в сердце просила таежника оставаться человеческим. Таежнику оставила для оберега свой кривой коготь. С гордо поднятой головой эта огромная, сильная, благодарная медведица с достоинством уходила тихой поступью от стойбища в тайгу к незащищенным медвежатам.

Таежник кочевал с прирученными оленями в вершинах гор и видел много крупного зверя. Он добыл одного изюбря и освежевал. Кинул в сторону несколько кусочков мяса в дар медведю и вернулся в стойбище. Но ему показалось мяса мало, он пошел и добыл еще одного зверя, но в азарте охоты забыл бросить в сторону кусочки мяса при разделке. Не успел двинуться домой, как вдруг стало темно. Таежник не знал, куда идти, он потерял тропинку к стойбищу. Целый день ходил, кружил по таежным завалам и шерлопам, но не нашел следов тропинки. От

усталости и огорчения прилег на камни.

— Раньше легко добирался до стойбища за один день, а теперь, похоже, мне придется спать на холодных камнях, — подумал он. — Не найти тропинку домой до завтра.

Ночь продолжалась бесконечно долго. Он потерял счет времени и не ориентировался в пространстве, разучился отделять свет от тьмы. Для него жизнь стала мрачной вечностью, а все вокруг было бесформенным и темным. Страх постепенно наполнял все его существо, но было еще что-то в глубине этой черноты. Возможно, понимание. В этой крошечной тьме он, скорее, почувствовал, чем увидел, еле уловимый, парящий в воздухе неясный силуэт Луны. Она представляла собой тоненький ободок, расположенный на правой стороне, и исчезла через час после прихода ночи. Таежник знал: Луна была рядом, следила и шла за ним. Луна вновь выглянула тоненькой линией, расположенной полукругом на левой стороне. Глядя на Луну, погруженную в свои мысли, таежник лишь улыбнулся великолепию призрачного силуэта, парящего рядом с ним.

В темноте линия Луны пересекала границу между светлой и темной частью справа налево. Переходя от светлой полосы к темной, заходила на Западе. Переходя от темной полосы к светлой, всходила на Востоке. Голодные волки собирались вокруг вершины горы и громко выли. Россомаха сидела в темноте тихо и с упорством ждала, когда человек ослабнет физически. Так проходило время, луна не сошла на землю, а таежник одиноко бродил по вершине горы, не находя свое стойбище. Старался ориентироваться по Луне, но в темноте все равно шел неизвестно куда.

Внешний же вид Луны менялся, она молодела, старела, а в период между но-

волунием и полнолунием луна росла. В полнолуние она приобрела вид правильного светящегося розового диска и противостояла таежнику. В момент наибольшего сближения заметно возросла яркость диска, и увеличился его размер. Исчезли тени на поверхности, и она максимально заблестела.

Таежник выше приподнял свою непутевую голову. Его взору открылась прекрасная Луна — круг, усыпанный желто-оранжевыми алмазами на фоне черного неба. Светила Луна ярко, набрав полную силу, освещая своими холодными лучами погруженного в суету размышлений таежника, возвращая зрение и разум. Полнолуние освободило от потемок горную тундру, и тропинки к родному стойбищу стали видны.

В это время таежник осознал свою ошибку. Они с Луной смотрели друг на друга, и Луна словно приподнимала человека к себе. Он извинялся за свою жадность и обещал, что это никогда не повторится. Раскаившись в нелепом проступке, вспомнил про амулет — Кривой коготь медведицы. И, наполнившись какими-то особенными силами, кривым когтем прикрепил нетленную Луну к вечно черной крыше ночи.

Луна уронила горькие слезы в таежную бездну, и это совпало с полным лунным затмением. Горная тундра закрыла Луну, и вновь все погрузилось в темноту. А таежнику казалось, что вдалеке сквозь синюю темень ночи глядит медведица, как спят медвежата, ожидая ее в уютной берлоге. На сердце таежника стало тревожно: вдруг эта темень навсегда? Но слезы Луны падали звездами и текли ручьями, и блеском их таежная округа снова освещалась. Из светлых слез Луны под безумным напором рождалась река Уда.

Елена Савицкая

СИБИРСКАЯ РОДНАЯ СТОРОНА ЖИЗНЬ КАК ПОДВИГ

**Хоть вам не удалось исполнить
подвиг мести
И рабства ига снять с России молодой,
Но вы страдаете для Родины и чести,
И мы признания вам платим
долг святой...**

Евдокия Ростопчина

Уважаемые сибиряки!

Огромна, прекрасна и необъятна наша матушка-Сибирь. История нашего родного края до сих пор полна загадок и неизученных периодов его развития.

Тема декабристов в Сибири, конеч-

но, не нова. Но снова и снова мы возвращаемся к ней, потому что должно потомкам чтить и помнить тех, кто положил свои жизни во благо следующих поколений. Сегодня вновь хотелось бы ощутить это необыкновенное время и отдать дань уважения декабристам — людям, которые бросили вызов времени и эпохе.

На это раз хотелось бы погрузиться в факты биографии декабристов Бестужевых, чтобы поделиться с читателями и историками своими исследовательскими находками. Надеюсь, что биографии этих удивительных людей отзовутся теплотой и восхищением и в вашем сердце.

Следует отдать долг их памяти, поразиться их трагической судьбе и негибаемому духу.

Предлагаю вашему вниманию серию статей о жизни и деятельности декабристов Бестужевых, волею судьбы оказавшихся в Восточной Сибири, на Дальнем Востоке и в Приморском крае.

Возможно, для кого-то это будет полезное и яркое историческое открытие...

ЛЮБОВЬ К ОБЩЕСТВЕННОМУ БЛАГУ

СЫН БЕСТУЖЕВА И ЕГО ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В ОБЛАСТИ ПРОСВЕЩЕНИЯ

Нам всем сегодня известно, какое огромное значение придавали декабристы просвещению. Под их влиянием многие люди, обученные ими, занимались в дальнейшем самообразованием и просветительской деятельностью в самых глубинных районах Восточной и Западной Сибири.

А. Д. Старцев был человеком большой культуры и проявил себя самым активным образом в просветительской деятельности. Он живо интересовался историей, религией, культурой Китая, Монголии и Кореи. Его очень интересовали страны Востока и народы Сибири. Известно, что он собирал книги, рукописи и различные коллекции. Им была собрана знаменитая коллекция предметов буддийского быта, единственная в мире по полноте. За эту коллекцию Парижский музей предлагал Старцеву 3 млн франков, но он отказался продавать ее не только за эту цену, но вообще как таковую!

Не менее полной и знаменитой была собранная им библиотека. Знаток Китая и Дальнего Востока М. Г. Шевелев, принимавший участие в комплектовании библиотеки А. Д. Старцева, считал, что она «заклячая чрезвычайно редкие книги по востоковедению, как печатные, так и рукописные, не имела аналогов в мире».

Стоимость таких коллекций по богатству содержания и ценности для мировой науки невозможно измерить никакими суммами. Кроме самых древних и редких

Бестужев Н. А.

в этой библиотеке были и современные книги, различные словари и газеты тех лет — китайские, английские и русские.

В мае 1900 года, узнав о волнениях в Китае, М. Г. Шевелев собирался просить Старцева сделать библиотеку государственным достоянием, чтобы она не пропала для науки, и вполне на это рассчитывал. Он считал, что Старцев — человек не эгоистичный и держится широкого взгляда на вещи. Увы, коллекция и библиотека Старцева все же погибли в Тяньцзине во время бомбардировки города ихэтуанями, что явилось причиной скорострительной смерти Алексея Дмитриевича 30 июня 1900 года на острове Путятин.

Старцев часто оказывал различное материальное содействие разнообразным научным обществам и отдельным ученым. Сибирские отделы РГО можно считать воплощением идеи декабризма о создании ученого комитета для изучения Сибири.

С 1889 года и до самой смерти Старцев был членом ВСОРГО. В 1888–1890 годах он пожертвовал ВСОРГО 500 рублей на изучение быта бурят, 100 рублей на

издание бурятских сказок, собранных М. Н. Хангаловым, 80 рублей на издание «Записок» отдела. Передал 15 статуэток (бронзовых, медных, фарфоровых) различных буддийских божеств и монаха, раковину, жемчужницу с рельефными перламутровыми изображениями и т. д.

В 1890 году Старцев подарил Кяхте под музей каменный 2-этажный дом. В 1894 году стал почетным членом Троицко-савско-Кяхтинского отделения РГО.

В 1895 году он субсидировал и содействовал изданию исторического очерка Ф. Ф. Буссе «Забайкальское инородческое войско». На издание библиотеки при Забайкальском отделе РГО подарил 2 тысячи рублей.

Старцев оказал материальную поддержку П. С. Попову «в самой кропотливой механической работе» по печатанию в Пекине в 1886–1888 годах 2-томного китайско-русского словаря, созданного Палладием и завершеного П. С. Поповым. Затем Старцев в 1892–1896 годах принимал участие в переиздании русско-китайского словаря П. С. Попова. Для этой цели он заказал в Шанхае и подарил Попову полный набор мелкого и полнабора крупного китайского шрифта, выслал ему бесплатно валики, пунктиры, верстатку и проч. В своей личной типографии в Тяньцзине он подготовил китайцев-наборщиков, присланных из Пекина и т. д.

П. Е. Скачков оценил издание первого словаря как «событие, имевшее огромное научное значение», а второго — как «долгое время остававшееся незаменимым».

В 1893 году Старцев был одним из учредителей китайской выставки в Петербурге, наглядно представлявшей быт, экономику и культуру Китая. Он был знаком со многими путешественниками — исследователями Сибири, Дальнего Востока, Центральной и Восточной Азии: Г. Н. Потаниным, Д. А. Клеменцем, М. И. Венюковым, Е. В. Путягиным, М. Г. Шелеховым и др.

Некоторых из них, посещавших Тяньцзинь, Старцев знакомил с городом, со-

общал сведения о торговых делах и представлял местным властям.

Можно с уверенностью сказать, что А. Д. Старцев постоянно оказывал материальное содействие развитию просвещения в Сибири. Об этом говорят многие факты его биографии.

В январе 1896 года он написал П. С. Попову: «Если посланник считает заслуги господина Батуева в постройке часовни в Калгане, то, по-моему, заслуга неважная. У меня найдется в 10 раз больше: поправка церковей заново, стипендии для мальчиков и девочек школы, библиотеки и прочее; но я не хвастаюсь».

Из-за природной скромности А. Д. Старцева мы сегодня не знаем, какие стипендии он платил, какие школы и библиотеки содержал и спонсировал, но очевидно одно — он постоянно занимался благотворительностью и делал богоугодные дела для людей и Сибири.

Известно несколько фактов:

1. В 1887 году А. Д. Старцев пожертвовал 2 тысячи рублей попечительству троицко-савского детского приюта с правом пользования ежегодным процентом. После посещения приюта он отметил, что еще недавно от подобных приютов бежали, как от чумы, число девочек в нем не превышало и десятка, а здесь «более 100 девочек получают первоначальное образование, приучаются к труду, к необходимому в жизни рукоделию. Им дают бесплатный обед, предоставлен тщательный присмотр бдительных воспитательниц».

2. В 1886 году Иркутское общество вспомоществования учащихся получило из Тяньцзиня 215 рублей, из них 100 рублей — от А. Д. Старцева.

3. 25 февраля 1896 года А. Д. Старцев писал П. С. Попову:

«...Сестре отца покойного Палладия пришлите, пожалуйста, от меня на нынешний год 100 рублей». Вероятно, он посылал пособие сестре известного синолога и в другие годы. Вообще, А. Д. Старцева многие называли «известным забайкальским меценатом», и пресса тех лет отмечала,

Н. А. Бестужев

Рисунок Л. Питча с автопортрета Н. Бестужева 40-х гг. XIX в. Из книги М. М. Зензинова «Декабристы. 86 портретов» (М., 1906)

А. Д. Старцев — сын Н. А. Бестужева

Фото 90-х гг. XIX в. Из книги М. Ю. Барановской «Декабрист Николай Бестужев» (М., 1954)

что он «обладает научными сокровищами стоимостью в миллион рублей. Траты на пользу науки колоссальных сумм дают ему право занять видное место в ряду ее известных ревнителей».

Таким образом, влияние благородного воспитания декабристов проявилось у Старцева в области науки и просвещения в полной мере.

Невольно задаешься вопросом, как же относился А. Д. Старцев к самим декабристам, да и вообще, знал ли о том, что он — сын Николая Бестужева. Как он относился к отцу и к его памяти?

Близкие люди в окружении А. Д. Старцева не знали о том, что он сын декабриста Николая Бестужева. Сам он никогда об этом никому не говорил. После его смерти в личных вещах нашли шкатулку с бумагами, свидетельствующими о том, что он сын декабриста и бурятки.

И. И. Попов сообщал о том, что А. Д. Старцев «обожал Бестужева и никогда не снимал чугунного кольца, оправленного в золото и выкованного из кандалов отца-декабриста». У Старцева нашли копию акварельного портрета Николая Бестужева конца 40-х годов XIX века.

Это означает, что он знал о своем происхождении. Близкие к нему люди общались современникам о том, что Старцев обожал отца, был верен его памяти, но никогда не афишировал это в условиях самодержавной России.

В конце 50-х годов ученики и друзья А. Д. Старцева отмечали в Кяхте торжественным обедом 14 декабря — день восстания декабристов. Все они были сторонниками республиканского строя (типа США), за что А. Д. Старцев шуточно называл их «Соединенные штаты». Они поддерживали идеи равенства, свободы

личности, просвещения и были яркими противниками всяческих порождений крепостничества, сословий, произвола и беззакония «старых бюрократических порядков», телесных наказаний и т. д. До конца жизни все они оставались верными заветам своих отцов и товарищей — декабристов. Старые кяхтинцы, признавая себя учениками декабристов, прибавляли к этому, что они воспитывались на идеях Герцена.

Знаменитые издания Герцена из Лондона в Кяхту поступали через контору А. Д. Старцева в Тяньцзине. Из Кяхты они попадали в Селенгинск, Петровский завод, Читу и Иркутск. Через Старцева затем эти материалы пересылались разными путями по всей Восточной Сибири.

Следовательно, есть неоспоримый факт, что издания Герцена легче можно было получить в Кяхте, чем в европейской России. В Сибири они имели большое распространение, и в этом очевидная заслуга А. Д. Старцева, сына декабриста Николая Бестужева. К великому сожалению, исследователи биографии Старцева не нашли более никаких других прямых указаний на его социально-политические взгляды.

Больше сведений найдено о его ближайших единомышленниках, таких как А. М. Лушников, типичных представителях кяхтинского кружка участников и друзей декабристов, к которым принадлежал и сам Старцев. Нет сомнений в том, что сын декабриста Николая Бестужева был в свое время и в своей среде прогрессивным человеком и к властям относился критически и оппозиционно.

Отношения Старцева с рабочими и служащими его торгового дома были «просто хорошие». Все служащие Старцева считались как бы членами его семьи, а рабочие у кяхтинцев-миллионеров жили вполне зажиточно. По свидетельствам современников, он не только в 50-60-х годах, но и в 80-90-х годах был либералом. Старцев «постоянно дружил с политическими ссыльными и оказывал им всяческое содействие, причем не только декабристам,

Памятник Николаю Александровичу Бестужеву, г. Селенгинск

но и народникам. Он вообще сочувствовал освободительному движению и, в некоторой степени, даже... террористам». Это говорил А. М. Лушников об А. Д. Старцеве.

Сочувствуя освободительному движению, Лушников не имел мужества более активно действовать, но при любом случае оказывал посильное содействие в том, в чем мог.

Итак, сын декабриста Николая Александровича Бестужева при жизни отца успел получить от него лишь основы воспитания и образования. После смерти отца он попал в совершенно иную социальную среду, отличную от той, в которой он вырос и действовал в молодости его отец и другие декабристы. С этой новой коммерческой средой Бестужевы со-

шлись близко в Сибири и оказали на ее дальнейшее развитие огромное влияние.

А. Д. Старцев наряду с близким ему по воспитанию и по роду деятельности А. М. Лушниковым являет собой наиболее полно и специфично выраженный тип ученика декабристов в среде либерально-прогрессивной части сибирской, кяхтинской буржуазии в самую пору ее расцвета.

И если мы имеем о политических взглядах А. Д. Старцева немного сведений, то знаем, что в практической деятельности он унаследовал от отца многие таланты и необыкновенную энергию. Они проявились в полной мере в его новаторских идеях, а также в более широкой сфере деятельности — торговой, дипломатической, промышленной, просветительской, научной областях.

Эти способности ярко были проявлены в отношениях с крестьянами и наемными рабочими, с каторжными и по-

литическими ссыльными. А. Д. Старцев прекрасно находил с ними общие интересы и всегда понимал представителей различных народов, изучал, хорошо знал и уважал их национальную культуру и традиции.

Вот почему сын декабриста Николая Бестужева сумел внести огромный вклад в экономику и культурное развитие Сибири и Дальнего Востока; в историю русско-китайских дипломатических отношений, стал их образцом.

В XIX веке его имя и вся его деятельность были хорошо известны и почитаемы в Сибири, на Дальнем Востоке и в Китае. Не следует сегодня и нам забывать эту страницу истории, а должно вновь отдать дань памяти выдающемуся человеку — Алексею Дмитриевичу Старцеву, прославившему наш регион и Россию в целом.

Литература:

1. Барановская М. Ю. Декабрист Николай Бестужев. М., 1954 г.
2. Бестужев Н. А. Статьи и письма. Воспоминания Бестужевых. М., 1933 г.
3. Бестужев-Марлинский А. А. Сочинения в 2-х т. Т. 2.
4. Воспоминания Бестужевых. — М.; Л. 1951 г.
5. Декабристы: Биогр. справочник /Под ред. М. В. Нечкиной. М., 1988 г.
6. Зензинов М. М. Декабристы. 86 портретов. М., 1906 г.
7. Зильберштейн И. С. Художник-декабрист Николай Бестужев. М., 1977 г.
8. Зильберштейн И. С. Художник-декабрист Николай Бестужев. 3-е изд. М., 1988 г.
9. Константинов М. В. Оракулы веков: Этюды об исследователях Сибири. Новосибирск, 2002 г.
10. Пасецкий В. М. Географические исследования декабристов. М., 1977 г.
11. Первенцы свободы. Изд. Планета. М., 1975 г.
12. Сибирь и декабристы. Ирк. Вост-Сиб. кн. изд-во. 1981 г.
13. Спектор М. Память потомкам // Забайкальский рабочий. 1975. 20 нояб.
14. Тиваненко А. Археологические увлечения Н. А. Бестужева // Сибирь и декабристы. Иркутск, 1988. № 5.
15. Тоддес Е. А. Бестужев Николай Александрович // Русские писатели, 1800–1917: биографический словарь. М., 1989. Т. 1. С. 258–260.

ПАВЕЛ АЛЕКСАНДРОВИЧ БЕСТУЖЕВ

**Тюрьма мне в честь, не в укоризну,
За дело правое я в ней.
И мне ль стыдиться сих цепей,
Коли ношу их за Отчизну.**

Кондратий Рылеев

Кондратий Федорович Рылеев

Участие братьев Бестужевых в движении декабристов, их жизнь на каторге и ссылка в Сибирь тщательно исследованы историками. Но особый интерес представляют произведения и воспоминания старшей из сестер Бестужевых — Елены. Предлагаю читателю вновь освежить в памяти исследования, которые принесли нашей исторической науке много открытий, связанных с жизнью декабристов в Сибири. Возможно, кто-то их увидит впервые...

Во всех исследованиях до сих пор остается спорным факт причастности к декабристскому движению самого младшего из этой семьи — Павла Александровича. О сибирском периоде его жизненного пути сохранились весьма скудные и противоречивые сведения.

История ареста Павла Бестужева, его ссылка на службу вначале в Бобруйскую крепость, а затем на Кавказ — неясна до сих пор. Дело в том, что Павел Бестужев не был членом Северного общества, не участвовал в восстании на Сенатской площади. Бесспорно, он многое знал о деятельности своих братьев в тайных обществах, о многом догадывался, часто общался с ними, хотя они всячески старались скрыть от него свои политические взгляды. Известно, что Павел полностью разделял их отношение к действительности того времени.

Павел рос и воспитывался в дружной

семье под влиянием своих талантливых братьев, на взгляды которых оказал большое воздействие их отец, Александр Федосеевич Бестужев (1761–1810). Это был прекрасно образованный человек, воспитатель от природы, который имел передовые взгляды на жизнь.

Павел Бестужев был еще ребенком, когда умер его отец. Все старшие члены семьи взяли на себя заботы о его воспитании и образовании. Во время восстания на Сенатской площади 1825 года Павел был слишком молод, ему было 17 лет. В это время он уже учился в артиллерийском училище в звании юнкера офицерского класса и готовил себя в офицеры конной артиллерии. Известно, что в день восстания 14 декабря воспитанники офицерского класса прислали на Сенатскую площадь свою делегацию с просьбой разрешить примкнуть к восставшим полкам, но их, естественно, отослали обратно.

Поэтому Елена Бестужева, старшая из сестер, в своих «Воспоминаниях» всех братьев относит к декабристам.

М. К. Азадовский писал об этом следующее: «...Бестужевская одаренность заметно проявилась и в Павле. Она сказалась в его избранной деятельности, в его безусловном литературном даровании.

Все братья стремились приобщить его к литературной деятельности».

Под прямым воздействием А. Бестужева Павел написал интересный очерк «Замечания на статью «Путешествие в Грузию»», размещенный в московском журнале «Сын отечества» в 1838 году. Однако из корыстных соображений редактора этот очерк появился (якобы по ошибке) под именем Марлинского (в то время уже покойного). Это обстоятельство весьма огорчило П. Бестужева и отвратило его от общения с литературным миром.

По характеру Павел был прямой, открытый, доброжелательный человек. Он быстро сходился с людьми и никогда не кичился своей знаменитой фамилией. Он был хорошим товарищем, и друзья любили его.

Михаил Бестужев рассказывал в своем окружении о том, что «при суде Павел смело сказал великому князю Михаилу Павловичу: «Ваше величество! Я сознаюсь! Я кругом виноват и должен быть наказан потому, что я брат моих братьев!»».

Александр и Петр Бестужевы в своих письмах после встречи с Павлом на Кавка-

зе (а Елена — по собственному наблюдению) отмечали, что Павел пострадал только за то, что он — Бестужев.

В официальных документах о Павле Бестужеве сказано лишь то, что он был арестован за «развратное и распутное поведение». Но это не только ошибочное, но и оскорбительно провокационное обвинение! Ни в одном материале о жизни Павла Бестужева оно не подтверждается. Есть сведения о том, что Павел Бестужев «был сослан офицером на службу на Кавказ по подозрению в сочинении каких-то политических стихов».

В рассказе М. Бестужева «Очерки и ответы 1869 года» сказано: «...на следующий день, 14 числа, Великий князь Михаил во время парадного выхода обнял его (Павла), поцеловал и сказал: «Для меня ты — не брат бунтовщиков. Я тебя знаю как хорошего офицера и постараюсь забыть, что ты называешься Бестужевым».

Но это было лобзание Иуды. Несколько месяцев спустя Великий князь Михаил Павлович, пробегая по офицерским дортурам, увидел развернутую книгу на одном из столиков возле кровати офицеров. Он схватил книгу. То была «Полярная Звезда» Герцена. Михаил Павлович посмотрел, на какой странице она была развернута, и спросил:

— Кто здесь спит?!

— Бестужев, ваше высочество! — ответили ему.

— Арестовать его!

Так свершилась дальнейшая судьба Павла Бестужева-младшего. Далее было назначено следствие. На нем выяснилось, что «Полярную Звезду» читал не Бестужев, а его товарищ, но именно Павла удалили из офицерского корпуса. Его осудили и отправили солдатом в Бобруйскую крепость. На «суде» он вел себя смело, заявив, что готов отвечать за то, что он — Бестужев.

Что же послужило причиной такой жестокой расправы с невиновным Павлом Бестужевым? Эта тайна почти уже полтора века хранится в сейфах Следственного комитета.

Обложка журнала «Полярная звезда»
Кондратия Рылеева

В 1975 году в журнале «Человек и закон» Н. Эйдельман опубликовал статью «Черные журналы», в которой провел анализ «Ежедневных докладных записок», составленных для царя на ежедневные заседания комитета.

В них обнаружилось то, что более 160 лет было скрыто от историков и общественности России.

«...После показания Дивова о том, что свободный дух в морском кадетском корпусе мог быть поселен Бестужевым – 5-м, Николай I тут же распорядился перевести младшего брата декабристов Бестужевых юнкером в пехотный полк».

Именно эта резолюция царя на донесение Следственного комитета и решила дальнейшее будущее Павла Бестужева. Причину расправы над Павлом узнали и его братья и сестры, но, сами лишённые всех гражданских и политических прав, никак не могли за него заступиться. Только много лет спустя они смогли приоткрыть эту тайну.

Так, со слов М. Бестужева 14 июля 1869 года В. И. Семевский записал:

«Его брат Павел погиб только за то, что Михаил Павлович нашел на столике между двумя койками бестужевскую «Полярную Звезду» со стихами «Исповедь Наливайки». Но он этого не читал, а читал его товарищ, а схвачен был Бестужев».

Когда мать Бестужева написала письмо с мольбой государю о том, что это ее последний сын, тот ответил:

«Мы его накажем отечески», — и после этого Павел Бестужев угодил в солдаты. В рассказах Е. А. Бестужевой есть такое место: «На Павла Александровича донес Ярцев, а Войнаровского нашли под тюфяком. Михаил Павлович сказал:

— Могу ли я оправдаться, что я – Бестужев?

Николай Павлович поручил это дело Михаилу Павловичу. Тот через адъютанта Бибикова нас успокаивал, а сам усладил Павла Александровича в Бобруйск солдатом».

Вот что рассказала М. Ф. Каменская об обстоятельствах ареста в своих воспо-

Павел Бестужев

минаниях: «...Узнав об аресте неразумного юноши, император приказал привести его к себе и спросил:

— Скажи мне на милость, за что ты-то меня возненавидел? Что я мог тебе такого сделать, что ты, почти мальчик, с сумасбродными идеями вместе восстаешь против меня? Ведь ты распускаешь про меня разные небылицы и договорился уже до того, что навлек на себя подозрение. Опомнись! Ведь ты губишь себя! Мне жаль твоей молодости, мне жаль твоей несчастной матери. Я не хочу твоей гибели! Дай мне только честное благородное слово, что ты исправишься, отбросишь все навеянные на тебя бредни, и я пощажу тебя!»

— Не могу, государь! — сумрачно ответил молодой человек.

— Как не можешь? Чего ты не можешь?! — строго спросил Николай Павлович.

— Не могу дать честного слова, что не буду говорить против Вашего величества. Я убежден в том, что я говорил одну правду, и если завтра меня спросят, то я повторю то же самое, что говорил третьего дня, — сказал юноша.

— В таком случае мне и разговаривать с тобой не о чем. Поезжай, проветришь

на Кавказ, послужи солдатом. Ты еще молод, может, и выслужишься».

В этом литературном этюде М. Ф. Каменская ссылается в «Воспоминаниях» на самого Павла, правда, все это преподнесено в литературно-художественной форме. А был ли он именно таким на самом деле и о чем говорил, мы не знаем в точности. В воспоминаниях братьев Бестужевых такого эпизода никто не упоминает. А что же было в действительности в дальнейшей судьбе Павла Бестужева?

По воспоминаниям современников, Павел Бестужев в 1839 году вышел в отставку и уехал в Москву. Таким образом, встреча Каменской с Павлом сомнительна.

Из истории доподлинно известно, что Павел Бестужев был сослан в Бобруйскую крепость. Это обстоятельство подтвердила в воспоминаниях его сестра Елена Бестужева. Отличаясь общительностью и мягким характером, Павел сумел поладить с комендантом крепости. Между ними установились хорошие отношения. Через год Павел был переведен на Кавказ в 13-ю артиллерийскую бригаду, часть которой стояла в крепости Сухум-Кале. В этом сыром и малярийном месте П. Бестужев «получил малярийную лихорадку, ускорившую его смерть».

По другим сведениям, Павел в Бобруйской крепости пробыл один месяц и в ноябре 1826 года был переведен на Кавказ.

«...Павел не был разжалован, он был только переведен в гарнизонную артиллерию в Сухум-Кале тем же чином — юнкер».

В 1827 году артиллерийская бригада прибывает в Восточную Армению, в ее составе Павел Бестужев участвовал в ряде сражений осенью того же года. В августе 1828 года он вместе с братом Петром штурмовал Ахалцих. Начавшаяся русско-турецкая война 1828–1829 годов «помогла» братьям встретиться. Об этом сообщал своим родным в письме от 25 января 1829 года брат Александр: «...В Ахалцихе они оба сражались, как должно русским людям. Павел командовал в двух брешах последовательно четырьмя отбитыми орудиями».

В связи с этими сведениями М. Семеновский написал: «...Добрый отзыв Александра Бестужева о брате его Павле чужд малейшего следа братского пристрастия. В подтверждение полной справедливости его можно сослаться на свидетельство участника кавказских войн барона Ф. Ф. Ториау».

В феврале 1829 года Павел Бестужев был переведен в 21-ю артиллерийскую бригаду и вместе с ней летом того же года участвовал в походе на Эрзеум. После окончания русско-турецкой войны в 1830–1833 годах он участвовал в экспедиции против горцев. За храбрость, проявленную в военных действиях на Кавказе, Павел Бестужев получил ряд орденов и был произведен в офицеры.

В 1833 году Павел Бестужев в Дербенте встретился со своим братом Александром. Некоторое время они жили вместе. В это время Александр Бестужев писал: «...Брат Павел гостил у меня. Какой умный, благородный юноша из него вышел! Все офицеры, видевшие его в делах, говорят, что он человек необыкновенной храбрости и хладнокровия. Начальство знает его как отличного артиллериста. Он исколесил Кавказ во всех направлениях, дрался везде и всегда на самых опасных местах».

Все письма Александра добрые, внимательные. В них сквозит тревога и беспокойство старшего брата о самом младшем и любимом члене семьи.

В последнем письме из Тифлиса 23 февраля 1837 года Александр сообщал: «Я был глубоко потрясен трагической гибелью А. Пушкина, дорогой Павел. Я не сомкнул глаз всю ночь, а утром уже был на дороге, которая ведет к монастырю святого Давида. Я позвал священника и приказал ему отслужить панихиду на могиле Грибоедова, могиле поэта, попираемого невежественными ногами. Она даже без надгробного камня и без надписи! Я горько плакал тогда, плачу я и сейчас... Я еще немного побуду в Тифлисе. Погода великолепная, город замечательный, но я печален. Да будет вам лучше, чем мне, где вы сейчас находитесь».

Сохранилось некое «духовное завещание» А. А. Бестужева 1837 года: «...Если меня убьют, прошу бумаги и прочие мои вещи отослать моему брату в Петербург. Прошу благословения у матери, целую родных, всем добрым людям привет. Александр Бестужев».

И еще:

«Любезные братья! — писал 5 июля 1837 года Павел Бестужев из Петербурга своим братьям в Петровский Завод. — Не стану долее скрывать от вас горькой для вас всех новости: брат Александр убит. Я не знаю ничего подробного об этой смерти, кроме того, что, по донесению, при высадке на мыс Адлер в числе убитых показан прапорщик 10-го линейного батальона Бестужев. Когда я получу известие о подробностях его смерти, я вас уведомяю. Я располагаю сам ехать в деревню сообщить об этом бедной матушке».

29 августа это сообщение пришло в Петровский Завод. По отзыву М. Бестужева, «смерть брата Александра произвела не только на нас, но и на всех наших товарищей какое-то потрясающее действие».

Сохранилось для истории несколько писем к Павлу от старшего брата Николая. Все они были отправлены из Сибири. В одном из ранних писем, написанном рукой Марии Казимировны Юшневской, Николай Бестужев сообщал брату Павлу 21 февраля 1836 года о том, что удовлетворен его намерением вступить в гражданскую службу, рекомендует отпустить крестьян на волю и завести кирпичный завод.

В письме от 9 января 1839 года Николай пишет: «Если бы видел нас в работе, то содрогнулся бы аристократической дрожью, смотря на наши фартуки и замаранные руки. Надо вполне готовиться быть фермером и если не захочешь разорения, то уметь все делать самому; а мы с братом, кроме нужного, можем сделать и прихотливое, и это почти ничего не будет стоить, как сделанное дома своими руками. Нужда учит калачи печь».

Тяжелая армейская служба, постоянные походы, сражения и лишения окон-

чательно расстроили здоровье Павла Бестужева: лихорадка, болезнь печени и желудка. Получив очередной офицерский чин поручика, он в 1835 году вышел в отставку и уехал в Петербург. Как рассказывает в своих воспоминаниях М. Бестужев, великий князь, узнав о приезде Павла в столицу, «почувствовал, вероятно, некое угрызение совести и предложил брату, через Ростовцева, должность старшего адъютанта при главном управлении военно-учебных заведений. Брат принял это предложение».

В то же время Павел Бестужев стал редактором «Журнала для чтения воспитанников военно-учебных заведений». Прослужив в Петербурге три года, П. Бестужев из-за плохого здоровья в 1839 году снова вышел в отставку и уехал в Москву, а затем во Владимирскую губернию.

Владимирский период жизни Павла Бестужева, как и многое другое из его биографии, далеко еще не восстановлен. Отдельные детали и факты его жизни обнаруживаются в воспоминаниях Елены и Михаила Бестужевых. Так, Михаил сообщает о том, что Павел в Москве женился «на богатой наследнице, единственной дочери владимирского помещика Евграфа Васильевича Трегубова, старосветского русского барина с замашками аристократа, и проявляет талант рифмоплета». Этот брак Елена Бестужева называла плохим.

Михаил Бестужев писал, что «...к его кавказским гостинцам прибавились тяжелые труды по устройству расстроенного имения. Он заболел и вскоре умер через шесть недель после смерти матушки 27 октября 1846 года, схоронив до своей кончины единственного своего сына Александра».

В своих «Воспоминаниях» Михаил Бестужев не указал место смерти и захоронения Павла. Это привело к последующим ошибкам. Видимо, в силу этих обстоятельств и учитывая, что мать Бестужевых, Прасковья Михайловна, похоронена в Москве, М. К. Азадовский в своем именном указателе к «Воспоминаниям Бестужевых» называет местом захороне-

ния Павла Москву. Однако в «Русском провинциальном некрологе» (М. 1914. Т. 1) сообщается, что Павел Бестужев умер и похоронен в селе Гончарово Суздальского уезда Владимирской губернии.

В 1886 году в № 9 журнала «Русская старина» была напечатана небольшая статья бывшего артиллерийского офицера, жившего в то время во Владимире, В. Шумилова «Павел Александрович Бестужев». Она была написана в связи с тем, что в изданной редакцией «Русской старины» книге «Русские деятели» в биографии М. А. Бестужева указано, будто Павел Александрович Бестужев «умер в сумасшествии».

В. Шумилов опровергает это утверждение и уточняет, что оно относится не к Павлу, а к его брату Петру. Редакция признала поправку В. Шумилова «совершенно точной».

Дело в том, что Шумилов лично знал Павла Бестужева, познакомившись с ним в 1843 году, когда прибыл в 16-ю артиллерийскую бригаду. Она стояла в Гавриловском посаде Суздальского уезда Владимирской губернии, в 5-6 верстах от которого находилось село Гончарово, где в это время уже жил Павел Александрович Бестужев. С Бестужевым были знакомы все офицеры этой батареи.

В. Шумилов дает весьма высокую оценку личным качествам Павла Бестужева. Он пишет: «Я по приезде тоже познакомился с ним. Это знакомство нам, молодым людям, было самое приятное: хозяин — бывший артиллерийский офицер — был человек любезный, весьма умный, отличный рассказчик. У него была прекрасная библиотека русская и французская, множество исторических книг, которых мы без знакомства с П. А. не имели бы возможности прочесть. От него мы пользовались всеми моими тогдашними русскими журналами и выходившими книгами по всем отраслям знаний и беллетристики. Куда затем девалась эта громадная библиотека — мне неизвестно.

Павел Александрович в то время, ког-

да я его знал, был человек больной, очень редко выезжал из дому и только исключительно в Гаврилов посад к кому-либо из нас, офицеров. Мы его очень любили. Тяжкая болезнь была у него — рак в желудке. Умер он от вышеуказанной болезни. Мы все были на его похоронах».

Жена Бестужева вскоре после его смерти вторично вышла замуж — за артиллерийского офицера Мыльниково, имела от него двоих детей, но прожила недолго.

М. Ю. Барановская в книге «Декабрист Николай Бестужев» писала о том, что «во Владимирской губернии жене Павла Бестужева принадлежало село Гончарово. В течение почти двух лет 1844–1845 годах мать Бестужевых, Прасковья Михайловна, и сестры Елена, Мария и Ольга жили в этом селе. Здесь в эти годы жил и Павел, и вся их большая семья собиралась вместе».

Это происходило, когда братья Н. и М. Бестужевы отбывали срок наказания и жили на поселении в деревушке Селенгинск Иркутской губернии.

В это время Прасковья Михайловна и сестры начали ходатайствовать о своем переезде к сыновьям и братьям в Селенгинск. Уверенные в своем успехе и благоприятном исходе дела по поданному прошению, они продали свое небольшое имение в Сольцах (деревня в Новоладожском уезде Новгородской губернии), освободили всех крестьян, наделив их землей, и стали ждать разрешения на выезд.

Деньги, полученные от продажи дома, они выслали в Селенгинск для того, чтобы Николай, а он был практичный человек, успел к их приезду закончить постройку дома и расширить свое хозяйство.

Прасковья Михайловна по требованию III Отделения подписала бумагу, в которой она и ее дочери принимали на себя все ограничения, распространявшиеся на родственников государственных преступников.

Распростившись с петербургскими друзьями и знакомыми, женщины уехали в Москву, где временно остановились перед дорогой у старого друга их

семьи И. И. Свиязева. В это время он был старшим архитектором по строительству храма Христа Спасителя в Москве.

Все уже было готово к отъезду, вещи связаны и запакованы в баулы и корзины, наняты лошади. Но... новый жандарм А. Ф. Орлов сообщил, о том, что «просьбу Прасковьи Михайловны всеподданнейше повергал на воззрение государя императора, но его величество, по некоторым причинам для собственной вашей пользы, не изволил изъявить высочайшего согласия на означенное ваше ходатайство».

Вот тогда-то Прасковья Михайловна вместе с дочерьми была вынуждена уехать в имение жены сына Павла в село Гончарово. В Сибири Николай и Михаил выхлопотали разрешение у генерал-губернатора Восточной Сибири В. Я. Рупперта выехать в Иркутск, чтобы встретить мать и сестер.

Возмущенный произволом и стремясь как-то утешить свою мать, М. Бестужев в письме к брату Павлу в Гончарово 18 января 1845 года написал: «Как это случилось?! Как могло случиться, когда вы уже имели официальное разрешение — мы никак понять не можем! Грустное утешение матери: видеть детей своих в заключении вы купи-

ли дорого, купили ценой своей свободы, отказавшись остаться навечно в заключении, в общей нашей тюрьме — Сибири. Неужели еще за это вы должны заплатить совершенным разорением? Нет, любезная матушка, это произошло, вероятно, от какого-либо недоразумения. Пишите прямо к царю, представьте ему ваше бедственное положение, и он не оставит страдать безвинно. А до того времени, когда этот луч отрады блеснет вам, — мужайтесь».

Увы, опричники из III Отделения даже не переслали письмо адресатам, так оно и осталось в делах канцелярии навечно пылиться на полках с бумагами!

Новый бессмысленный запрет царя, дикий произвол нанесли тяжелый удар братьям и Прасковье Михайловне. Она не перенесла его и в 1846 году умерла. Ее похоронили на Ваганьковском кладбище в Москве.

Только в июле 1847 года сестры Елена, Ольга и Мария, наконец, получили разрешение выехать в Селенгинск. В августе они встретились с братьями. Эта встреча состоялась почти через 12 лет, когда уже не было ни матери, ни Александра, ни Петра, ни Павла!

ОТ АВТОРА:

Резюмируя и заканчивая эту невероятно трагическую и великую историю, хотелось бы сказать современникам и потомкам России: Помните этих людей, гордитесь их несгибаемым духом и великими делами, кои они совершили для нашей малой и большой Родины! Вечный им почет и уважение! Помните свою историю, изучайте историю Сибири, помните и гордитесь тем, что вы — потомки этих необыкновенных людей!

Литература:

1. Барановская М. Ю. Декабрист Николай Бестужев. М., 1954 г.
2. Бестужев М. «Очерки и ответы 1869 года».
3. Бестужев Н. А. Статьи и письма. Воспоминания Бестужевых. М., 1933. С. 253.
4. Бестужев-Марлинский А. А. Сочинения в 2-х томах. Т. 2. С. 674-675.
5. Воспоминания Бестужевых. — М.; Л. 1951 г. С. 59, 410, 734, 840.
6. Декабристы и Сибирь. Иркутск:

- Вост-Сиб. кн. изд-во. 1981 г. Вып. 2.
7. Нерсисян М. Г. Декабристы в Армении. Ереван. 1975 г. С. 80.
8. Нерсисян М. Г. Воспоминания декабриста. Декабрист Гангелов. В кн. Декабристы в Армении. Ереван. 1975 г. С. 202.
9. Русский вестник. 1869 г., апрель. С. 174.
10. Русский вестник». 1870 г., июль. С. 48.
11. Эйдельман Н. Я. Черные журналы. — Человек и закон, 1975 г. № 12, с. 107.

К ВОПРОСУ О БИОГРАФИИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ДЕКАБРИСТА БЕСТУЖЕВА

Вопрос о детях декабристов — часть важного вопроса о влиянии декабристов на их современных потомков.

Как и какими выросли дети декабристов, воспитанные и обученные своими родителями? Все ли они были хранителями реликвий и издателями воспоминаний своих знаменитых отцов? Что о них известно нам сегодня? Как отразилось движение декабристов на мировоззрении их потомков, на их нравственном облике и практической деятельности в более широком плане?

Постараемся рассмотреть эти важные и сложные для нас вопросы, учитывая, что время неумолимо летит вперед. Сегодня уже XXI век...

Нас особенно волнует судьба детей декабристов, которые родились от жен-сибирячек. Благодаря кровным и бытовым связям с местным населением сибиряки могли способствовать длительному влиянию декабристских традиций на потомков. Рассмотрим этот вопрос в отношении сына декабриста Н. А. Бестужева — Алексея Дмитриевича Старцева.

Первые упоминания о нем появились в 1906–1908 годах в воспоминаниях близких к Бестужеву А. А. Лушников и П. И. Першина. Для исследователей-краеведов выявленные подробности судьбы А. Д. Старцева оказались недостаточными. О нем писали коротко, в некоторой степени необоснованно и поспешно (в выводах).

Так, Д. Иванов представил его

«взбалмошным богачом», жестоким эксплуататором, которого проклинали рабочие. Автор этого мнения ссылался на рассказ местного сибирского старожилла. Между тем имеются разрозненные и не полные, но достоверные сведения о Старцеве в его письмах, а также в письмах Н. И. Готбоева за 1880–1890-е годы и в периодической печати Сибири и Дальнего Востока, в отчетах путешественников и, наконец, в монографиях А. Л. Нарочницкого.

Эти сведения дают возможность составить хоть и не исчерпывающее, но вполне ясное представление о личности и деятельности в Сибири сына декабриста Бестужева.

БИОГРАФИЧЕСКИЕ ДАННЫЕ А. Д. СТАРЦЕВА

Точная дата его рождения неизвестна, но, по сведениям В. П. Врядия, в 1899 году ему был уже 61 год. Это означает, что родился А. Д. Старцев в 1838 году. Из изученных источников до сих пор неясно, с кем жил сын Бестужева при жизни отца (с ним или с матерью) до усыновления его Дм. Дм. Старцевым.

П. И. Першин писал о том, что Николай Бестужев «...оставил сына, рожденного от бурятки. Воспитание его поручил своему другу Дмитрию Дмитриевичу Старцеву. Последний его усыновил и воспитал вместе со своими родными детьми». Алексей Старцев — известный в Сибири купец, при этом не все современники Алексея Дмитриевича знали, что он успешный предприниматель. И именно он был внебрачным сыном декабриста Николая Бестужева. Это была особая и очень необычная история.

Известно, что Николая Бестужева, декабриста, отбывавшего срок на каторге, сослали в Сибирь в 1839 году в Селенгинск. В глухом бурятском краю он не позволял себе скучать или впадать в отчаяние. Увлеченный по своей натуре, Бестужев занимался столярным, слесарным делом. Он даже

занимался починкой паровых двигателей!

Но в первую очередь Николай Бестужев известен нам как портретист. В поисках выразительных персонажей он неоднократно бывал в Кяхте, Иркутске и Верхнеудинске (Улан-Удэ). С одной из натурщиц — Дулмой Сабиллаевой — у художника случился длительный роман, в результате которого родились сын Алексей и дочь Екатерина.

Николай Александрович Бестужев не любил об этом говорить, потому что на то у него были веские причины. В книге «Хроника трех поколений» — историческом очерке о семье Старцевых — есть несколько глав о потомках Николая Бестужева.

В книге есть такие строчки: «Благородный дворянин и бурятка-инородка, это было даже недопустимо в мыслях. Все, кто узнал об этом, не могли поверить всему услышанному, а убедившись, что это правда, оберегая честь Бестужевых, хранили эту тайну».

Испытывая двоякие чувства и не желая огласки, с одной стороны, а с другой — любвеобильный художник-декабрист, он все же написал Алексея и Екатерину и дал им имя своего хорошего друга, селенгинского купца Дмитрия Дмитриевича Старцева, чтобы сохранить тайну их происхождения.

Достигнув совершеннолетия, Екатерина вышла замуж за крещеного бурята Николая Гомбоева и уехала жить в Китай. Алексей Старцев (Бестужев) получил торговое образование и в 23 года открыл собственное дело.

Сообщалось, что дети Николая Бестужева после смерти отца воспитывались в семье Дм. Дм. Старцева. Мы можем даже не сомневаться в том, что при любых обстоятельствах и условиях Бестужев, сколько мог, воспитывал и обучал сына. Известно, что он вообще очень любил детей и уделял им достаточно много времени и внимания.

Внучка Д. Вамбуева рассказывала о том, что в Селенгинске Николай Бестужев

«любил бурятских ребятишек и собирал их у себя дома. Он показывал им интересные картинки и учил русской грамоте».

Вероятно, среди этих детей был и его родной сын. Других прямых свидетелей о детстве А. Старцева исследователями не было найдено. Хотелось бы уточнить, что общие сведения о деятельности Николая Бестужева в Селенгинске могли бы охарактеризовать условия, в которых рос его сын.

Известно, что жизнь Бестужевых в Селенгинске была наполнена разнообразной физической и умственной деятельностью. Декабристы считали своим долгом личным примером доказывать свое уважение к труду, чтобы возвысить его значение в глазах местного населения. В этом смысле Н. Бестужев занимал исключительное место. Постараемся это доказать.

Итак, известно, что у Бестужевых кроме большого хозяйства были две кузницы, столярная и слесарная, оптическая, часовая и ювелирная мастерские. Здесь была и школа, где обучали детей общеобразовательным предметам и ремеслам.

Местные крестьяне говорили о том, что Николай Бестужев «никогда не сидел сложа руки» и мог делать решительно все. Его мастерская всегда была полным-полна взрослыми и ребятами, наблюдавшими, как там «мастерят разные интересные, а часто и невиданные вещи».

Рассказывали крестьяне о том, что у Бестужевых было много книг, и они охотно давали их читать и даже дарили своим ученикам, разъясняя непонятное, и рассказывали «о былом, или о том, как живут люди в других странах». Они беседовали по вопросам морали, литературы, рассуждали об обязанностях человека в семье, в жизни и в обществе. Разговоров на политические темы тщательно избегали.

У Бестужевых был поистине открытый дом для всех. В нем постоянно бывали местные и окрестные жители, русские и буряты, что называется, от простого че-

ловека до хамбо-ламы. Другие декабристы и члены их семей здесь тоже бывали. Бестужевых посещали друзья, знакомые и незнакомые, ученые, чиновники, врачи и офицеры, купцы и самые обычные люди.

Богатых и бедных принимали всегда одинаково и не делали в них никакой разницы во время приема. Бестужевы могли оказать даже материальную или иную помощь всем, кто в ней остро нуждался или обращался за помощью лично.

Итак, сын Николая Бестужева до смерти своего отца рос в обстановке самых широких интересов, разнообразной физической и умственной деятельности. Он воспитывался в духе патриотизма и высокой нравственности. Поэтому он был благороден и, конечно, был верен духу и идеалам декабристов.

Мы можем утверждать, что Николай Бестужев успел дать своему сыну только основы воспитания и образования в раннем возрасте, когда формируются характер и моральный облик маленькой личности. И это было очень важным фундаментом для мальчика в дальнейшей жизни.

Что же представляла собой семья селенгинского купца Д. Д. Старцева, который в дальнейшем усыновил ребенка и «воспитал его нераздельно вместе со своими детьми»?

Рассмотрим подробнее эту сторону биографии сына декабриста Н. Бестужева.

Итак, по приезду Старцевых в Селенгинск полтора месяца Бестужевы жили у них в семье, как родные.

Родоначальница этого семейства Федосья Дмитриевна, «...необыкновенно умная старушка, была нам совершенно матерью, а ее сын Дмитрий Дмитриевич очень умный и добрый собеседник, прозвал жену его Агнию Никитичну (урожденную Сабашникову), скромную и необыкновенную женщину, «благочестивым человеком». В их доме я никогда не слышал ни одного бранного или громкого

слова в отношении хозяев или слуг. Все разговаривали между собой ласково, как родные», — писал в своих воспоминаниях Бестужев.

«...Брат Николай, — пишет он далее, — очень любил свое семейство. Он крестил почти всех их так, как теперь Дмитрий Дмитриевич крестит и моих детей. Он учил своих крестниц и крестников французскому языку, рисованию и проч.»

После смерти Николая Бестужева учителем детей Дм. Дм. Старцева стал Михаил Бестужев. Так он продолжил воспитание и обучение сына брата. Когда сыновья Дм. Дм. Старцева для дальнейшего образования были отправлены в столицу, приемный сын Старцева Алексей оставался еще в Селенгинске и, достигнув юношеского возраста, был помощником в коммерческих делах своего отца, работая в Кяхте приказчиком у Дм. Дм. Старцева и Лушниковых.

За неимением прямых свидетельств о становлении А. Старцева как купца можно применить к нему характеристику, которую М. Бестужев дал А. М. Лушникову: «... личность его может послужить типом коммерческого поприща почти всех торговавших и торгующих на Кяхте». Лушников поступил в контору купцов Нерпина и Ременникова, которая стала для него настоящим университетом коммерческих наук, где кафедру смелых торговых предприятий, дальновидно рассчитанных сделок, рискованных операций занимал Ременников. Нерпин «преподавал лекции благоразумной торговой осторожности и коммерции, основанной на верных барышах».

В этой школе можно было многому научиться. Когда эта фирма, наконец, развалилась, Лушников «сблизился с торговыми тузами и получил от них комиссионерство на торговлю чаем в Кяхте. Эту торговлю вел он на свои средства и заслужил доверие самых лучших китайских фуз, действуя честно».

Старцев, работая приказчиком у Лушниковых в Кяхте, имел возможность

пройти тот же «университет коммерческих наук» и действовать так же «прямо и чисто», как и А. М. Лушников.

Он одним из первых кяхтинских купцов 12 июня 1861 года поселился в китайском городе Тяньцзине и занялся закупкой и транспортировкой чая через Калган и Монголию в Кяхту. Вначале своей торговой деятельности он действовал совместно с А. М. Лушниковым и по сведениям 1881 года «...вел большое чайное дело совместно с другими кяхтинскими купцами – друзьями и имел контору в Калгане».

В 1860-х годах Старцев посещал различные ярмарки и продавал ткани и меха русских фабрик. Итак, на торговле чаем в то время разбогатеть было совсем не трудно, и в 90-х годах XIX века некоторые называли Старцева миллионером.

Кроме занятий торговлей Старцев строил дома для себя и для других. В Тяньцзине у него в 1881 году был прекрасный дом. К 1900 году он имел уже 40 каменных домов. Как опытного в постройке домов человека, его приглашали подрядчиком. Например, посланник А. М. Кумани в Пекине, дом которого был самым большим и красивым из всех домов посланников в Китае, тоже приглашал Старцева для руководства строительством.

По проектам Н. Бестужева строились дома в Селенгинске и в Иркутске, и этому занятию Старцев научился у отца. В 1860–1895 годах Старцев был активным деятелем русско-китайских экономических и дипломатических отношений, помощником российских дипломатов в Китае.

Это стало возможным потому, что Старцев был не просто обычным коммерсантом, а незаурядной личностью. Все, кто знал Старцева, отмечали, что это «был умный и благородный человек, необыкновенно добрый и талантливый самородок своего времени. Это был благородный и большой культуры, большой энергии и ума человек».

Многие звали его между собой «по-

чтенный А. Д. Старцев». Он заслужил уважение прогрессивных русских деятелей и иностранных дипломатов в Китае. Одно время он даже был главой международной колонии в Тяньцзине. Дважды, в 1891 и в 1895 годах, ему предлагали пост голландского консула в Тяньцзине.

За 40 лет пребывания в Китае Старцев превосходно изучил язык, быт, экономику и политическое положение Китая. Он установил широкие связи с китайским народом, пользовался большим авторитетом в коммерческих и политических кругах и даже привлек внимание Ли Хунчжана — влиятельного государственного деятеля Китая, стремившегося использовать Россию для противостояния западным державам.

Современники писали: «...многие десятки тысяч китайцев были хорошо осведомлены о Старцеве, уважали и любили его, они так его почитали, что даже присвоили ему многозначительное звание «бау - ши», что означает «драгоценный камень»».

Старцев унаследовал от своего отца благородство и обаяние. Его все любили и уважали, а буряты называли его «почтенный» (улан-норан) и «красное солнце».

Старцев являлся убежденным сторонником свободного развития русско-китайской торговли и предлагал свои меры для ее улучшения.

По «Правилам сухопутной торговли России с Китаем» 1862–1869 годов русским купцам запрещалось продавать китайские товары по пути из Китая в Кяхту. Они должны были приготовить много серебра для уплаты монголам за провоз товаров. Старцев предложил разрешить свободную продажу чая в Калгане и Монголии, ибо «монголы кирпичный чай берут с большой охотой, нежели серебро. Подобная торговля чаем доставила бы большую пользу и удешевила бы провозную плату».

Кроме того, Старцев пытался содействовать улучшению путей сообщения

России с Китаем. Он поддержал предложение иркутского купца и владельца чайной фабрики в Ханькоу П. А. Пономарева создать русское пароходство на Тихом океане, но остальные купцы их не поддержали.

В 1886 году один из французов, желая получить концессию на постройку железной дороги через Монголию, построил в Тяньцзине в парке образцовую железную дорогу и на открытие ее пригласил Ли Хунчжана. Тот, несмотря на наличие окружающих его консулов, призвал к себе Старцева и говорил с ним. Вскоре Ли Хунчжан обещал русскому купцу выхлопотать строительство «железнодорожной» дороги через Монголию.

Старцев «списался с Парижем», но, не желая искать денег у иностранцев и не рассчитывая на русских купцов, не поддерживающих его, хотел сам взять на это дело акций на 400 тысяч рублей. Он предложил Н. И. Гомбоеву «найти монгольского князя и вести дело совместно».

Но Пекин, как и предполагал Гомбоев, не разрешил концессию на имя монгола, опасаясь сближения монголов с русскими.

Кроме этого, много усилий Старцев приложил для развития телеграфного сообщения России с Китаем. Дипломаты России настаивали, чтобы была построена телеграфная линия через Монголию в Кяхту. Старцев считал необходимым учитывать интересы Китая при этом. В 1885–1886 годах Старцев вел активные переговоры со своими партнерами о строительстве кяхтинской линии, но только после постройки маньчжурской телеграфной линии.

Следующая большая работа была проделана Старцевым, когда он принимал участие в важных международных переговорах, являясь посредником между Кореей и дипломатами России и Франции. Он даже выступил переводчиком, чтобы переговоры могли состояться. Во всех переговорах Старцев неизменно выступал сторонником дру-

жественных отношений России и Китая.

Заслуги Старцева–дипломата были отмечены наградами.

1. В июне 1883 года он был награжден Орденом Станислава 3-й степени.

2. За участие в переговорах о заключении Тяньцзинского мира между Францией и Китаем после войны 1884–1885 годов Старцев вместе с дипломатами России в Китае был награжден французским Орденом Почетного Легиона. К награждению Орденом Старцева представил российский посланник А. М. Кумани, полагая, что «Старцев железный человек», и желая выхлопотать ему официальный титул вице-консула.

Однажды его хотели наградить почетным званием коммерции советника, и 31 августа 1886 года А. М. Кумани поздравил Старцева с этим почетным званием. По табели о рангах это звание (VIII класс) давало право на получение наследственных прав дворянства. Но Старцев, с радостью принимая ордена и медали, а также другие награды, категорически отказался от сословных привилегий дворянства.

Деятельность Старцева в 90-х годах определялась особенностями того времени. Китай становился ареной ожесточенной борьбы империалистов за займы, банки, таможенные сборы, концессии, порты и т. д. С другой стороны, Сибирская железная дорога вместе с открытыми портами Китая нанесла окончательный удар по старинному караванному пути Калган – Кяхта.

Кяхтинские купцы искали применение накопленным на чайной торговле капиталам в промышленности, транспорте, банках и т. д. В этих условиях Старцев ищет сферы приложения своих собственных капиталов и стремится поддержать интересы России в борьбе с конкурентами.

В 1895 году он хотел взять концессию на постройку железной дороги между Тяньцзином и Пекином, а также и в других местах. В 1895 году китайцы предложили Старцеву совместно от-

крыть Русско-китайский банк с равным с каждой стороны капиталом, с главным управлением в Пекине и отделениями в Петербурге и Лондоне.

Российско-Китайский банк был создан министром финансов С. Ю. Витте, а Старцеву предложили быть членом его правления, но он отказался. Отказ этот весьма характеризует незаурядную и вместе с тем скромную личность Старцева.

Сын декабриста был деятелем буржуазного типа и отстаивал интересы буржуазной России в борьбе с иностранными конкурентами. При этом, воспитанный в духе уважения к другим народам, он никогда не забывал об интересах Китая, за что его китайцы очень уважали. Это, конечно, не понравилось новому русскому правительству. Тогда Старцев решает закончить свои дела в Китае, но окончательно рвать связи, которые он 30 лет выстраивал, не стал. Он переносит свою деятельность на необитаемый остров Путятин в заливе Петра Великого на русском Дальнем Востоке.

Освоение Старцевым Приамурья и Приморья

Освоению Приамурья и Приморья большое внимание уделяли еще ссыльные декабристы и поляки. Один из пионеров освоения этого края М. И. Янковский в 1879 году на реке Седеми создал свой первый конный завод, развел породистый скот, плантацию женьшеня, приручил и разводил пятнистых оленей и т. д.

В 1880-х годах перенесли свою деятельность на Восток и ученики декабриста, друзья Старцева М. Г. Шевелев и П. И. Першин. Совместно с Шевелевым, И. Ф. Токмаковым и другими единомышленниками Старцев участвовал в организации первых разведок нефти на Сахалине!

В 1891 году Старцев обосновывается на Путятине, продолжая часть года жить в Тяньцзине. Журналисты утверждали, что остров Путятин подарил Старцеву наследник престола! Откуда же стал известен такой пикантный

исторический факт из его биографии?!

Действительно, Старцев при встрече с наследником престола, путешествующим по Дальнему Востоку, беседовал с ним. Старцев вложил в свое хозяйство на острове 500 000 рублей и вел его на научной экспериментальной основе.

Он руководствовался природными возможностями и потребностями слабо освоенного Дальнего Востока, широко применяя опыт многих народов мира. Это была уникальная деятельность, открывшая возможности этого удивительного края.

1. Старцев составил подробную географическую карту острова. Ему помогли агрономы, геологи, ботаники, инженеры и другие специалисты, заинтересованные в общем деле освоения этого уникального природного края.

2. На острове Путятин Старцев основал пчеловодство, огородничество и садоводство. К 1898 году было распахано на острове около 55 десятин, из них 50 было засеяно овсом, а другие — пшеницей.

Культура проса здесь плохо приживалась, а затем стала плохо расти и пшеница. Все семена выписывались из Европейской России. Посев, жатву и молотьебу уже тогда производили машинами!

Здесь разводили два вида риса, но один из них не дозревал. Кроме этого выращивали картофель, кормовую свеклу, морковь, брюкву, чечевицу, капусту, огурцы, тыкву, артишоки и кукурузу. Образцы корнеплодов, выращенных в это время, были представлены на Хабаровской выставке в 1899 году, но они «не оставляли желать ничего лучшего».

3. Садоводство Старцева представляло собой на острове «выдающееся явление в крае» как по размерам, так и по отличному содержанию. Старцев проделал большую работу по отбору годных для этого климата сортов. К местным видам смородины, крыжовника, земляники он привез из Европейской России и с Сахалина малину. Из Китая он привез ябло-

ни разных сортов, груши, грецкий орех, виноград, вишню и персики.

4. Как эксперимент Старцев разводил шелковичного червя и даже имел пасеку. Его друг-китаец, доктор народной медицины, разводил целебные сорта трав и даже имел питомник змей для производства яда.

Все плоды и ягоды сбывали во Владивостоке. Сам Старцев весьма любил садоводство и «очень охотно помогал начинающим садоводам». Он бесплатно раздавал им разный посадочный материал, чем очень содействовал развитию садоводства в этом крае.

5. Хозяйство Старцева имело и успешно развивало племенное животноводство. Учитывая нужды местных народов, Старцев придавал большое значение развитию коневодства. Местная природа также благоприятствовала развитию скотоводства. Конный завод имел целью создать выносливых рабочих лошадей для крестьянского хозяйства. Для этого Старцев приобрел рысаков-орловцев с лучших заводов Москвы и Томска.

Он разводил английских скаковых кобылиц, приобретая их в Австрии и Калькутте, а также купил 80 породистых, выносливых и нетребовательных в уходе лошадей в Монголии. Старцев представил на хабаровской выставке чистокровных рысаков, помесь орловца с английской лошастью.

«Крестьяне, казаки и мещане с восхищением смотрели на помесь орловца с монгольской лошастью. У них был крепкий костяк и хорошо развита мускулатура». Эта лошадь наиболее отвечала требованиям местного крестьянства, которое использовало в работе и в быте лошадей. Стоимость такой лошади была невысокой — 120-150 рублей, и это было «настоящим подарком краю».

Монгольские лошади имели хороший сбыт во Владивостоке. «Коневодство Старцева находилось в умелых руках», и ему было суждено развиваться в широкое предприятие, способное принести

огромную пользу как Сибирскому, так и Дальневосточному краю.

6. В Одессе Старцев приобрел для скотоводческого хозяйства быков и коров холмогорской и голштинской породы, а во Владивостоке он купил коров монгольской породы. На хабаровской выставке бугай Старцева занимал «чуть ли не первое место». В Одессе были закуплены американские меринсы и курдюкские овцы.

Свиноводство было представлено отличными породами свиней из Китая, Англии, во Владивостоке приобретались русские свиноматки. Хабаровская выставка «поразила своими размерами и размахом, и особо отличилось предприятие Старцева», — писали газеты тех лет.

В. П. Врадий отмечал: «...Отделение для свиноводства могло бы считаться образцовым не только для Уссурийского края, но даже и для Западной Европы».

Для обеспечения скота кормами 100 десятин природных лугов были расчищены под пастбище. Еще 200 десятин из-под леса и кустарника были очищены, и даже осушено для этой цели болото, для улучшения качества лугов ежегодно высевался клевер, люцерна и другие кормовые травы.

7. Ежегодно на этих лугах собирали до 30 тысяч пудов сена. Кроме того, Старцев стал разводить домашнюю птицу. Это были утки китайской породы, гуси, куры и индюки. К сожалению, их часто уничтожали лисицы и хорьки.

8. На Путятине водились в больших количествах пятнистые олени и Старцев часто на них охотился. Современники писали о том, что «...на острове расплодилось много коз и оленей, и так как хозяин запрещает бить зверя, то они разгуливают без страха по всему острову». В 1899 году на Путятине было более 200 пятнистых оленей, с разрешения Старцева было убито только две головы.

Промышленное производство Старцева

Любопытно проследить деятель-

ность Старцева в области промышленности на Путятине. Подплывая к острову в 1899 году, В. П. Врадий был поражен, «...увидев в диком, почти неустроенном крае ряд каменных строений, десятки высоких фабричных труб, массу китайских шаланд, пароход и баржи, стоящие на рейде». В дальнейшем он называл Путятин «единственным своеобразным центром русского Дальнего Востока».

Промышленные предприятия на острове Путятин создавались на основе местного сырья: красной и белой глины высокого качества, бурого каменного угля и т. д. Главной доходной статьей острова Врадий назвал большой кирпичный завод, основанный в 1894 году. Почти все работы в нем были механизированы. Это были две кирпичеделательные машины, две паровые машины по 10 литров, которые спрессовывали одна сухую, а другая мокрую глину по 10 тысяч кирпичей в день.

Ручные процессы давали еще до 2 тысяч кирпичей в день. Обжиг кирпича производился в печи Гофмана с 12 камерами. Кроме красного кирпича, завод прессовал и белый огнеупорный кирпич. Его обжигали в круглой бельгийской печи. В 1897 году завод освоил производство гранитного кирпича из марсельской черепицы. Производительность завода в 1897–1898 годах составляла 4,5 млн кирпичей. Весь кирпич доставлялся во Владивосток, это означало, что многие кирпичные постройки быстро растущего в те годы Владивостока были сделаны в 1894–1900 годах из кирпича завода Старцева.

Из этого кирпича был построен и его собственный дом во Владивостоке на Светланской улице, в котором после Октябрьской революции до марта 1978 года размещался городской Совет города Владивостока.

В 1895 году на базе местного каолина Старцев создал первую и единственную в те годы в Приморском крае фарфоровую фабрику. Становление нового сложного вида производства давалось не сразу и

вначале приводило к большим убыткам. Это было связано с тем, что посуду выделывали вручную японские мастера с применением специальной японской глазури. Из-за несоответствия свойств каолина и японской глазури (первый плавился раньше, чем вторая) посуда получалась неправильной формы.

В 1898 году при помощи русского мастера-горшечника, опытных японских обжигальщиков и химика-политехника, применив местную глазурь, Старцев, наконец, наладил механическое производство посуды высокого качества для широкого потребителя. Он производил вазы, тонкие чайные и столовые сервизы и другую фарфоровую продукцию для нужд населения Приморья.

В этом же году Старцев открыл гончарно-terraкотное отделение, где из черной огнеупорной глины выделывались большие чашки, бочонки, пьедесталы и прочее. В течение месяца поступало до 12 тысяч штук разной посуды на склад готовой продукции. Кроме того, при фарфоровой фабрике было даже специальное скульптурное отделение! Скульптуры украшали остров и были представлены на хабаровской выставке.

В одном из отчетов сообщалось:

«...Близко знакомые с фарфоровым производством императорских Санкт-Петербургских заводов, мы можем засвидетельствовать, что такая работа, как бюст А. С. Пушкина в натуральную величину, является образцовой работой».

Успехи Старцева в фарфоровом деле называли «выдающимися», и за эту деятельность он получил большую серебряную медаль Министерства финансов. Кроме того, Старцев не ограничился своей работой и вскоре создал слесарно-механическую мастерскую с токарными и строгальными станками. При нем было чугунолитейное отделение. При столлярной мастерской Старцев в 1899 году предполагал устроить фабрику гнутой мебели, а также крахмальный завод.

Характеризуя техническое хозяй-

ство Старцева, современники отмечали, что он «посвятил ему весь свой досуг и все свои собственные средства». Несмотря на преклонный к тому времени возраст, Старцев лично руководил всеми отраслями промышленности, и просто невероятно, как у него на все хватало времени и сил.

Очевидцы этой деятельности отмечали: «Это хозяйство, хотя и не достигло больших результатов, но оно так фундаментально заложено и ведется с большим старанием. Кроме того, ведется оно без стеснения в средствах, что можно с уверенностью сказать о том, что если дело рук и трудов Старцева будет с таким же рвением продолжаться и впредь, то оно обязательно достигнет значительных успехов и принесет немалую пользу Приморскому краю».

Вполне понятно, что на хабаровской выставке Старцев получил заслуженные награды за свой невероятный труд. Эти награды радовали его больше, чем все остальные, полученные им на различных поприщах его многосторонней деятельности.

Можно с уверенностью отметить, что в Китае Старцев был энергичным и многосторонним деятелем, но на Путятине с наибольшей полнотой проявилась его созидательная деятельность, разнообразные таланты и дарования, а его кипучая энергия и настойчивость привели его дело к большим успехам.

Умелое и рациональное использование природных богатств, научных знаний и научного опыта стран Востока, Европы, Америки, Китая, Монголии и Японии были талантливо использованы для развития сельского хозяйства и промышленности, которые мало были развиты в России в то время, а тем более в Приморском крае.

Разумеется, столь огромные преобразования на благо острова Старцев совершал не один. У него, крупного капиталиста, было около 700 наемных работников. Это были расторопные и

деловые управляющие, инженерные работники, техники, агрономы, мастера, рабочие и слуги.

Если уж мы говорим о влиянии декабристов на своих детей, то мы можем вести речь и о привитом детям отношении к народу, который населял этот край. Есть сведения 1899 года о положении рабочих Старцева. Известно, что у него служили люди разных национальностей: китайцы, корейцы, японцы, русские и другие. Все они жили в соответствии со своими привычками и национальным укладом жизни.

Кроме того, у Старцева служили и бывшие каторжники, ссыльные и их дети. Именем управлял, например, сын посланного в Сибирь еврея-фельдшера, фарфоровой фабрикой и скульптурным отделением заведовали бывшие ссыльнопоселенцы и другие каторжане. Наличие у Старцева бывших каторжан и ссыльных людей объясняется, с одной стороны, недостатком русских специалистов и рабочих на Дальнем Востоке и обилием лиц, отбывавших каторгу и ссылку вблизи этих мест, например, на Сахалине и в Сибири.

С другой стороны, то, что Старцев назначил бывших ссыльных и каторжан на руководящие должности и предоставил им право «самостоятельно вести дело», свидетельствует о большом к ним доверии хозяина. Да и сам Старцев был сыном ссыльного на каторгу декабриста и поэтому никогда не снимал с руки железного кольца, которое его отец выковал из своих кандалов.

Как же относились все эти люди к Старцеву и его делам?

Врадий сам видел рабочих, «почтительно кланявшихся и вполне добродушных». Управляющий фабрикой «вложил всю свою душу в это дело», а заведующий скульптурным отделением «оказался вполне талантливым скульптором и придумывал все новые и новые усовершенствования в этом производстве; да и вообще, все эти люди относились в скульп-

птурном производстве к делу с большой любовью».

Все эти сведения полностью опровергают точку зрения Д. Иванова о том, «что Старцев был взбалмошным эксплуататором, которого проклинали рабочие». Однако, это, конечно, вовсе не означает, что Старцев не принадлежал к эксплуататорскому классу.

Почти все отзывы о деятельности Старцева говорят, о том, что его успехи и большая работа на острове приносили немалую пользу Приморскому краю и его будущему развитию в целом.

Успехи сказывались и в населенных пунктах, прилегающих к острову Путятин. В этих селениях повсюду разгуливал породистый скот: коровы, лошади, птица. Здесь повсюду наблюдались зачатки культивированных садов. Произрастали отличные сорта овощей, причем многие из них были получены местными крестьянами путем селекции из привезенных сортов.

По словам местных крестьян, «все они ходили к Старцеву с той или иной просьбой как к себе домой, и он никогда не отказывал им в том, что могло бы улучшить общее хозяйство деревни». Поэтому можно с уверенностью сказать, что Старцев был из тех деятелей нашей российской окраины, которые всячески способствовали поднятию ее производительных сил.

Вот почему деятельность А. Д. Старцева на острове Путятин можно считать энергичным, плодотворным продолжением буржуазных декабристских традиций в развитии экономики. Освоение Сибири и Дальнего Востока смело можно назвать заслугой Старцева, как и разведение совершенно новых культур в сельском хозяйстве на пользу краю и людям. Он поднял на высокий уровень развитие местной промышленности и всегда стремился оказывать всяческую помощь крестьянским начинаниям и отдельным жителям окраины Российской империи.

Литература:

1. Барановская М. Ю. Декабрист Николай Бестужев. М., 1954 г.
2. Зильберштейн. И. С. Художник декабрист Николай Бестужев. М., 1977 г.
3. Сибирь и декабристы. Сб. Вып. 2. — Иркутск: Вост-Сиб. кн. изд., 1981 г. биографический словарь. М., 1989. Т. 1. С. 258–260.

В. П. Шахеров

ИРКУТСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО БАНКА В ПЕРИОД ДЕКАБРЬСКИХ БОЕВ 1917 Г. В ИРКУТСКЕ

На окраинах огромной Российской империи установление Советской власти происходило по-разному. В Иркутске противостояние сторон продолжалось до декабря и вылилось в ожесточенное вооруженное столкновение. Еще на I съезде Советов рабочих, солдатских депутатов Сибири, проходившем 5 ноября 1917 г., был создан Центральный исполнительный комитет Советов Сибири (Центросибирь). Этот орган сконцентрировал усилия на большевизации Советов и объединении их в борьбе за установление Советской власти в Сибири и, прежде всего, в Иркутске. 19 ноября был создан Военно-Революционный комитет во главе с Я. Д. Янсоном, и началось формирование отрядов Красной гвардии. В ответ на заседании городской думы, находившейся в руках эсеров, был создан Комитет общественных организаций для «защиты и охраны революционных завоеваний». Комитет призвал все демократические силы в городе встать на защиту завоеваний революции. Одновременно начался саботаж распоряжений органов Советской власти чиновниками всех государственных учреждений. 4 декабря большевики попытались перейти в наступление. Был арестован губернский комиссар И. А. Лавров, заняты казначейство, казенная палата, иркутское отделение Государственно-

го банка и частные банки. Еще утром были заняты почта и телеграф. Не имея возможности в этих условиях обеспечить сохранность ценностей, управляющие банком и казначейством передали ключи от кладовых и кассы под охрану городскому голове [1]. Обе стороны в целях предотвращения грабежей и разбоя в банковских зданиях выделили им дополнительную охрану. Так, в госбанк были направлены караулы от местного гарнизона и красной гвардии, всего около 30 человек, не считая банковской охраны [2]. В банк Елизаветы Медведниковой был направлен от красных караул из 2 человек. Вероятно, была установлена дополнительная охрана и в других банках. Вооруженные столкновения начались 8 декабря восстанием казаков и учащихся юнкерских училищ. Почти две недели в Иркутске шли ожесточенные бои. По масштабам и количеству жертв декабрьские бои в Иркутске стоят на втором месте после Москвы, где также происходило юнкерское восстание. Общее число убитых и раненых составило более 1 тыс. человек, были разрушены и сожжены десятки строений, среди которых сильно пострадало здание Русско-Азиатского банка и почти полностью были разрушены и сгорели здания, входившие в усадьбу иркутского отделения Государственного банка [3].

В государственном архиве Иркутской области удалось обнаружить любопытный документ. Речь идет о донесении управляющего иркутским отделением Государственного банка Е. Х. Гадзяцкого вышестоящему руководству о случившейся беде и о тех мерах, которые предпринимаются для восстановления работы банка [4]. Донесение управляющего подтверждалось подписями контролера и секретаря банка, а также назначенного от Советской власти комиссара Любимова. Телеграммы с информацией о случившемся были направлены в Петербург по горячим в буквальном смысле следам еще 17–21 декабря 1917 г. А обстоятельное донесение об этих событиях было со-

Демонстрация в Иркутске 1 марта 1917 года

ставлено и отправлено 18 января 1918 г. Оно фактически по дням восстанавливает разыгравшиеся события.

Здание банка оказалось фактически в эпицентре событий. Рядом с ним в здании мужской гимназии была размещена 2-я школа прапорщиков, оказавшаяся под перекрестным огнем. Бои начались 4 декабря около 4 часов дня. Несмотря на постоянный обстрел, служащие из находившегося рядом жилого корпуса ежедневно по несколько раз посещали главное здание для наблюдения за его состоянием и для проверки охраны кладовой караулами, выделенными банку. Всей охраны было около 30 человек, не считая собственной охраны банка. Уже в течение первого дня все окна здания оказались выбиты ружейным и орудийным огнем. Опасаясь за жизнь караульных, посты от дверей кладовой на втором этаже сняли и разместили на первом этаже в наименее обстреливаемых местах. Квартира управляющего на первом этаже окнами выходила на Амурскую улицу и тоже хорошо простреливалась. Сам управляющий

с семьей был вынужден искать убежище в простенке коридора своей квартиры. В жилом корпусе также было всего несколько жилых комнат и узеньких коридоров, которые не попадали под обстрел. В них и разместились все проживавшие служащие с семьями.

Ожесточенный огонь по зданиям банка был связан, вероятно, с тем, что каждая из противоборствующих сторон считала, что здание занято противником. Таким образом, все находившиеся в усадьбе служащие с семьями и караул оказались отрезанными от внешнего мира. 11 декабря в полдень от одного из снарядов загорелась квартира управляющего. Попытки потушить ее оказались безуспешны, так как доступ к пожарному колодцу и шлангу, находящимся во дворе, был затруднен из-за ружейной стрельбы. В самом же здании не оказалось ни топоров, ни ломов, без которых было невозможно справиться с очагами пожара [5]. Было принято решение затопить квартиру, чтобы не дать пожару распространиться. Но

к тому времени огонь уже перекинулся на верхний этаж в кабинет управляющего и зал заседаний Учетно-Ссудного комитета. Пришлось открыть все краны и затопить водой все помещения банка. Напомним, что это все происходило в декабре месяце, и вода быстро превратилась в лед. Вся документация и банковские книги были либо залиты водой, либо сгорели.

Обстрел банка не прекращался ни на минуту. Он не ослабел даже после того, как из окон второго этажа был вывешен белый флаг с надписью «Банк горит» [6]. К вечеру 11 декабря весь караул перебрался в жилой корпус. При этом при перебежке был убит начальник караула, приданного от гарнизона. Главное здание банка горело в течение трех дней, причем пожар распространялся довольно медленно, что спасло помещение кладовой и находящийся под ней архив сберегательной кассы, а также комнату для караула. Также мало пострадала комната центральной почтово-телеграфной кассы, оказавшаяся вся залитой водою [7].

Проблемы возникли и с продовольствием для осажденных. 30 человек охраны пришлось кормить из запасов служащих. Вскоре и эти запасы подошли к концу, и перед служащими с семьями и караулом возникла опасность голода. К тому

же к концу пожара замерз водомер, и прекратилась подача воды. Доставка дров из сарая во дворе также была сопряжена с большими опасностями. Все это привело к критической ситуации для людей, собравшихся в жилом корпусе. 14 декабря начальник караула от Красной гвардии Васильев смог пробраться в штаб Военно-Революционного комитета и изложить его руководству письмо Е. Х. Гадзяцкого, в котором была обрисована сложившаяся ситуация и содержалась просьба о помощи. Отметив, что кладовая банка уцелела, он просил также прислать смену караулу и продовольствие. В ответ Я. Д. Янсон сообщил, что стрельбу он не может прекратить, в связи с чем охрану высылать бесполезно. Обещая прикрыть отход ружейным огнем, посаженным рекомендовали оставить усадьбу и выбраться на окраины города. В результате все заложники событий в усадьбе банка были вынуждены ее покинуть, «оставив на произвол судьбы все свое имущество, вынести которое они не могли за краткость времени, данного им на выход» [8]. Вскоре после ухода людей загорелся жилой корпус. Тушить его было некому, и он в ночь на 16 декабря выгорел дотла. Все имущество проживавших в нем служащих и работников погибло безвозвратно.

Декабрьские бои в Иркутске. С картины иркутского художника

После выхода из усадьбы 14 декабря управляющий банком вновь обратился в штаб ВРК с настоятельной просьбой обеспечить охрану кладовой банка надежным караулом из солдат гарнизона и юнкеров, «чтобы сделать ответственными за целостность кладовой обе борющиеся стороны и тем заставить прекратить обстрел Банка» [9]. Предложение это штаб счел вполне целесообразным и пообещал войти по этому поводу в переговоры с юнкерами. На следующий день руководство банка вновь встретилось с Я. Д. Янсоном, который был к тому же назначен комиссаром отделения госбанка, и, узнав, что обещанный смешанный караул не удалось поставить, снова стало настаивать на необходимости такового. Но установить нейтральный караул удалось лишь 17 декабря после заключения перемирия.

Состояние банка и его дальнейшая судьба не могли не интересовать обе противоборствующие стороны. Сразу же после перемирия для осмотра состояния зданий банка была создана авторитетная комиссия из 22 человек, в которую вошли городской голова Н. А. Чичинадзе, управляющие банком, контрольной и казенной палатами, прокурор окружного суда и др. Специалистов представляли архитектор управления дорожно-строительной части А. С. Покровский, архитектор строительного отделения Н. О. Войков и гласный городской Думы архитектор К.В. Миталь. Выяснилось, что в главном корпусе выгорели все деревянные части здания: полы, внутренние переборки, двери, рамы, стропила на крыше, все внутреннее оборудование, мебель, столы, конторки, шкафы со всеми книгами и документами. Уничтожена была вся электрическая арматура, печи и приборы отопления. Разрушена и почти вся уничтожена железная крыша. Наружные стены со всех сторон имели многочисленные следы обстрела [10]. Чудом сохранилась часть левого крыла, где на втором этаже находилась кладовая с ценностями, а на первом — архив сберегательной кассы. До кла-

довой добраться было невозможно из-за рухнувших перекрытий, но ее визуальный осмотр показал, что бронированные стены и двери не повреждены огнем и все замки целы. Также небольшими повреждениями отделалась крайняя часть правого крыла, где на первом этаже находилась кухня управляющего, а на втором — архив отделения. В жилом двухэтажном корпусе сгорело все, остался только каменный остов. Другие постройки банка от огня не пострадали [11].

Большой проблемой для банка стала утрата практически всей документации, в том числе всех секретных и словесных кодов, циркуляров Государственного банка, журналов и бланков по банковским операциям и даже печати. За помощью обратились в соседние отделения Госбанка. Так, в Красноярск был командирован помощник контролера И. В. Серебренников, который привез два ящика банковских книг, бланков и других документов.

Разрушения и утраты были столь масштабны, что работа банка оказалась полностью парализована. Денег не было даже на выдачу заработной платы служащим и работникам банка. Пришлось взять взаимозачетом 18 тыс. руб. в иркутском отделении Московского народного банка. С 22 декабря возобновило работу Казначейство, через которое частично начало производить некоторые операции отделение госбанка.

Только к 29 декабря удалось расчистить все завалы в сгоревшем здании и добраться до кладовой на втором этаже. При ее вскрытии оказалось, что она не пострадала, и все ценности оказались целыми. При вскрытии кладовой присутствовала представительная группа в составе городского головы, управляющего отделением, губернского комиссара И. А. Лаврова, представителя Земских комиссий П. Д. Яковлева, члена Учетно-Ссудного комитета банка Трутнева, представителя комитета Советских организаций Любимова и др. При осмотре было установлено, что все ценности и денежная масса не постра-

дали. Для надобностей казначейства из кладовой было взято разменного капитала на 7,6 млн руб., оборотного капитала на 48 650 рублей [12].

Практически сразу же стали приниматься меры к возобновлению деятельности банка. При помощи городских властей банку было выделено помещение реквизированного Первого Общественного собрания. Сотрудники приступили к оборудованию в нем временных помещений для банка и сберегательной кассы. Уже 8 января 1918 г. все операции возобновились в полном объеме. Во всех иркутских газетах была размещена информация о начале работы банка и сберегательной кассы № 100 при нем в новом помещении. Правда, временно отделение работало не в полном режиме. В течение января оно не работало по вторникам и пятницам, чтобы дать возможность служащим быстрее восстановить сгоревшие счета клиентов. Несмотря на то, что работа началась, как отмечалось в докладной управляющего, «гибель всех руководств, книг и бланков ставят зачастую непреодолимые препятствия ведению всех операций и работ отделения» [13]. В связи с этим банк просил Центральное Управление Госбанка вы-

слать необходимые бланки и книги, а также циркулярные распоряжения за текущий и предшествующие годы. Кроме того, просили выслать почтовое подтверждение баланса на 1 декабря, ведомость по сметным расходам на 1 ноября. В связи с тем, что все необходимые для восстановления баланса отделения документы погибли в пожаре, руководство запрашивало инструкции по открытию баланса на 1918 г., по порядку удовлетворения клиентов по текущим и специальным счетам сберегательной кассы, а равно и по всем прочим операциям. Кроме того, отделение просило командировать нескольких опытных служащих для инструктирования общего и частного характера деятельности отделения банка в столь сложных условиях.

Во время пожара пострадали не только здания и имущество банка. Огонь уничтожил квартиры управляющего, ряда высших служащих и работников банка. Сохранилось заявление управляющего Е. Х. Гадзяцкого от 3 января 1918 г. о причиненном ему ущербе, заверенное Комитетом Союза служащих иркутского отделения Государственного банка. В нем подробно перечисляется все имущество

Здание иркутского отделения Госбанка. Архитектор Е. Э. Штерн фон Гвяздовский

Здание Госбанка после декабрьских боев 1917 г. С фотографии Э. К. Гетке

его шестикомнатной квартиры, что уже само по себе интересно, так как позволяет детально представить повседневную жизнь и уровень материального состояния высшего банковского чиновника. В огне сгорели все его личные вещи и имущество на сумму в 37,6 тыс. рублей. Также сгорели вещи жившей с ним прислуги с дочерью-гимназисткой 8 класса на 500–600 рублей [14]. А убытки всех остальных сотрудников, проживавших в двухэтажном флигеле, составили 88 415 руб. 50 коп. Таким образом, общий ущерб от пожара служащих и работников банка был оценен в 126 тыс. рублей. К сожалению, из материалов дела не видно, каким образом эти убытки были компенсированы.

В письме от 18 января 1918 г. управляющий банком писал, что уцелевшие от пожара части здания уже начали приводить в порядок. Владельцы сгоревших квартир оказались в сложном положении, временно разместившись в съемном жилье или у родственников. Поэтому в первую очередь было решено приспособить под временные жилые помещения те части главного корпуса, которые меньше всего пострадали от огня. Также необходимо было восстановить

комнаты для организации охраны кладовой. Забегая вперед, отметим, что, несмотря на финансовые сложности и частую смену властей в 1918–1919 гг., работы по восстановлению зданий банка продолжались. Была создана строительная комиссия во главе с управляющим банком. Отдельные службы банка стали заселяться в отремонтированные части здания уже в конце 1919 г. А 19 февраля 1920 г. отделение госбанка полностью перешло в свое помещение на Амурской улице [15]. Окончательное завершение работ происходило уже при Советской власти. В феврале 1920 г. управляющий отделением Ю. Г. Чаговец обратился в сметную комиссию Финотдела Иркутского губревкома с просьбой выделить средства для завершения работ в размере 135 тыс. руб. Для решения вопроса из отдела государственных сооружений на осмотр зданий был направлен эксперт. Он подтвердил, что запрашиваемая сумма соответствует запланированным на ближайшие месяцы расходам. В приложенном Акте отмечалось, что в целом работы по восстановлению сгоревших помещений заканчиваются. В большей своей части они уже используются банком для своих нужд. Остаются работы по осве-

щению, столярные работы и покраска некоторых помещений. Не готовы комната для служащих и кухня. В 3-й кладовой ведутся отделочные работы, но в 4-й кладовой для золотого запаса установлена лишь арматура для железобетона. Жилые части здания уже все заняты жильцами, хотя закончены вчерне. В пристройках каменная кладка еще не доведена до крыши примерно на 9 рядов [16]. Основной проблемой новая власть считала будущее использование пристроенных и кладовых, «т. к., возможно, при изменившихся политических условиях необходимо будет перепланировка зданий и приспособление их для других расширенных заданий» [17].

Всеми строительными работами по восстановлению и реконструкции зданий банка руководил инженер А. С. Покровский, получавший вознаграждение в размере 5% от сметной стоимости работ [18]. До революции он был гражданским инженером, а потом иркутским епархиальным архитектором. По его проектам построены каменные храмы в Тулуне, Верхоленске, Александрийская церковь в Иркутске, а также деревянные церкви в нескольких селах губернии.

По-видимому, выделенных средств не хватило. На заседании Иркутского губревкома 4 мая 1920 г. вновь был поднят вопрос о завершении ремонта и расширения зданий бывшего отделения Народного банка и принято решение о выделении для этих целей 679 523 рублей [19]. Завершение строительства признали первостепенным по своей важности делом, т. к. этим же постановлением отклонили ходатайство финотдела о выделении средств на содержание служащих ликвидируемых частных банков, самой ликвидационно-технической коллегии, реэвакуацию служащих частных банков и т. п. При реконструкции здания банка были значительно увеличены его боковые фасады. Само здание получило два навешиваемых: четырехгранный купол, подчеркивающий центральную ось, и восьмигранный, акцентировавший угловой объем постройки. Окончательный облик здания сложил-

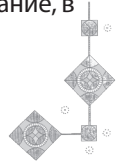
ся к 1920 г. после его полного восстановления. Но госбанка в нем уже не было.

С конца 1919 г. отделения Народного банка РСФСР повсеместно стали реорганизовываться в подотделы губернских и уездных финансовых органов, а 19 января 1920 г. Народный банк официально был упразднен. Его активы и пассивы были переданы Центральному бюджетно-расчетному управлению Наркомата финансов. В Иркутске заведующим образованного из прежних финансовых учреждений Расчетно-кассового подотдела финансового управления Губревкома был назначен И. С. Соснин, ранее возглавлявший комитет служащих иркутского отделения госбанка. При этом и сам подотдел разместился в восстановленном здании бывшего госбанка, включив в себя основной состав служащих и работников, все делопроизводство и документацию. Даже служебная переписка подотдела некоторое время осуществлялась на бланках бывшего отделения, на которые сверху ставился новый штамп. Основная деятельность Расчетно-кассового подотдела состояла в удовлетворении денежных потребностей местных государственных учреждений.

Преодоление разрухи и переход к созданию фундамента социалистической экономики стали возможны при отказе от методов военного коммунизма и переходе к новой экономической политике. Основные ее положения были сформулированы на X съезде ВКП(б) в марте 1921 г. Одним из важнейших направлений НЭПа стало восстановление кредитной системы в стране. В середине октября того же года был воссоздан Государственный банк РСФСР с капиталом в 2 трлн рублей. Весной 1922 г. в Новониколаевске была открыта Сибирская краевая контора Госбанка РСФСР, в подчинении которой находились отделения нескольких округов: Иркутского, Красноярского, Томского, Барнаульского, Омского, Бийского. Первым управляющим Сибирской краевой конторы был назначен А. М. Певзнер. Началось создание региональных отделений. 6 апреля 1922 г.

открыло свои действия иркутское отделение Госбанка. Новые задачи, стоявшие перед отделением, расширение сферы его деятельности, а также необходимость организации безопасности банковских операций и хранения ценностей не позволили использовать под его размещение старое здание. Для вновь созданного финансового учреждения было выделено бывшее здание Сибирского торгового банка на

улице Карла Маркса, построенное в конце 1870-х гг. купцами Базановыми, а в 1896 г. приобретенное для банка. В этом здании иркутское отделение Госбанка размещалось вплоть до переезда в 1936 г. в построенное специально для него новое здание, в котором и находится до сих пор.

19 ноября 1917 г. в Иркутске. С картины Б. В. Конева 1973 г.

Примечания:

1. Романов Н. С. Летопись города Иркутска за 1902–1924 гг. / Сост. Н. В. Каликаускене. — Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1994. С. 260.
2. Государственный архив Иркутской области (ГАИО), Ф. 154. Оп. 1. Д. 130. Л. 99.
3. Новиков П. Иркутск в огне гражданской войны // Иркутск: события, люди, памятники. — Иркутск: Оттиск, 2006. С. 125.
4. ГАИО, Ф. 154. Оп. 1. Д. 130. Л. 99–101 об.
5. Там же. Л. 99
6. Там же. Л. 100.
7. Там же.
8. Там же.
9. Там же. Л. 101.
10. Там же. Л. 103.
11. Там же. Л. 103 об.
12. Там же. Л. 102.
13. Там же. Л. 101 об.
14. ГАИО. Ф. 154. Оп. 1. Д. 155. Л. 1.
15. Романов Н. С. Указ. Соч. С. 394.
16. ГАИО. Р-260. Оп. 1. Д. 42. Л. 34 об.
17. Там же. Л. 35.
18. Там же.
19. ГАИО. Ф. Р-260. Оп. 1. Д. 18. Л. 79.

ISBN
УДК
ББК

КРАЕВЕД ПРИАНГАРЬЯ

Журнал краеведов Приангарья

Редактор-составитель

С. Гольдфарб

Редакционная коллегия:

Н. Николаев

(председатель)

С. Гольдфарб

(заместитель председателя)

А. Петров

(ответственный секретарь)

А. Елизарьев

В. Шахеров

М. Синчурина

Художник *Сергей Григорьев*

Верстка *Алла Овчинникова*

Корректор *Анна Асеева*

Отпечатано в ООО «Репроцентр А1»
664047, г. Иркутск, ул. А. Невского, 99/2.
Тел. (3952) 540-940.